

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

q891.73

G55

Om1900

Н. В. Гоголь.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

Н. В. Гоголь.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ

ПОЭМА.

Текстъ по послѣдней редакціи академика Н. С. Тихонравова,

съ портретомъ Н. В. Гоголя, гравированнымъ на стали, **10** геліографюрами и **355** иллюстраціями художниковъ: В. А. Андреева, А. Ф. Аванасьева, Н. Н. Бажина, В. И. Быстренина, М. М. Далькевича, Ѳ. С. Козачинскаго, І. К. Маньковскаго, Н. В. Пирогова, Е. П. Самокишъ-Судковской, С. С. Соломко и Н. Н. Хохрякова. Буквы и виньетки работы Н. С. Самокиша.

Художественный отдѣлъ выполненъ подѣ наблюденіемъ

П. П. Гнѣдича и М. М. Далькевича.

С.-Петербургъ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Дозволено цензурою, 1900 г. 18 декабря. С.-Петербургъ.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

Грав на стали ФАБрокгаузъ въ Лейпцигѣ

Н. Гоголь

Издание АФ Маркса въ СПб

Печ въ арт зав АФ Маркса, въ СПб

2891.73
625
См 1900

Отъ издателя.

Иллюстрированныя изданія произведеній лучшихъ національныхъ писателей составляютъ дѣстольныя всѣхъ образованныхъ странъ. Сочиненія Шекспира, Мильтона, Байрона, Диккенса, Лессинга, Гёте, Шиллера, Рабле, Мольера, Гюго, Сервантеса давно превосходно иллюстрированы не только въ подлинникѣ, но и въ переводахъ. Цѣлый рядъ блестящихъ художниковъ-иллюстраторовъ завоевалъ себѣ солидное положеніе въ Европѣ, и хорошій иллюстраторъ тамъ цѣнится на ряду съ прославленными мастерами кисти.

У насъ, въ Россіи, были только попытки иллюстрировать отечественныхъ авторовъ. Не говоря уже о повременныхъ изданіяхъ, гдѣ иногда извѣстные художники иллюстрировали писателей, слѣдуетъ упомянуть о попыткахъ отдѣльныхъ художниковъ дать рисунки къ тексту того или другого произведенія. Такъ, Зичи далъ рядъ прекрасныхъ рисунковъ для лермонтовской „Княжны Мери“, Шварцъ — для „Князя Серебрянаго“ графа Ал. Толстого и для „Купца Калашникова“ Лермонтова. Последнее произведеніе иллюстрировалъ и пр. Шарлеманъ. Башиловъ иллюстрировалъ „Горе отъ ума“; Павелъ Соколовъ — „Евгенія Онѣгина“ и „Капитанскую дочку“; Петръ Соколовъ — „Записки охотника“ Тургенева; Іевлевъ — Некрасова; Аванасевъ — „Конька-горбунка“ и пр.

Что касается попытокъ иллюстрировать Гоголя, то къ произведеніямъ нашего несравненнаго юмориста художники точно боя-

лись приступить. Кромѣ довольно неудачныхъ рисунковъ Агина къ „Мертвымъ Душамъ“, да нѣсколькихъ типовъ къ этой знаменитой поэмѣ, сдѣланныхъ Боклевскимъ и Башиловымъ (акварелью), мы имѣемъ еще нѣсколько рисунковъ Микушина („Вій“, „Пропавшая грамота“), Зичи („Тарасъ Бульба“), картины Рѣпина (Поприщинъ), Ковалевского (Встрѣча Чичикова съ губернаторской дочкой) и Крамского („Майская ночь“). Систематически-редактированнаго изданія не было сдѣлано, и только въ послѣднее время было нами выпущено нѣсколько общедоступныхъ дешевыхъ изданій сочиненій Гоголя съ набросками художниковъ Штейна, Храброва и Табурина.

Нынѣ мы рѣшились предпринять изданіе „Мертвыхъ Душъ“, какъ крупнѣйшаго изъ твореній великаго писателя, — и предпринять его въ широкомъ размѣрѣ, издавъ большой томъ in folio, украшенный 355 рисунками и 10 гелиогравюрами.

Иллюстрировать литературныя произведенія — дѣло нелегкое. Читатель, каждый по-своему, представляетъ себѣ типы и обстановку даннаго произведенія и рѣдко бываетъ удовлетворенъ тѣмъ, что изображаетъ художникъ. Тѣмъ болѣе заслуга послѣдняго, если онъ сумѣетъ правдиво возсоздать передъ читателемъ внѣшнюю картину эпохи, схватить ея отличительныя черты, воскресить ея характеръ.

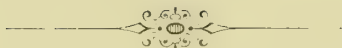
Болѣе шести десятилѣтій прошло отъ эпохи „Похожденій Чичикова“; каждое новое десятилѣтіе отдаляетъ насъ отъ нея все больше и больше. Пройдетъ полвѣка, и еще труднѣе будетъ для художника угадать то, что было на глазахъ у нашихъ отцовъ. Въ провинціи еще помнятъ „губернію“ 20-хъ и 30-хъ годовъ, еще кое-гдѣ сохранились помѣщики стараго типа, еще дома ихъ напоминаютъ и внѣшностью, и внутреннимъ убранствомъ времена Чичикова. Еще живы чичиковскія брички, приземистыя службы двора Собакевича, портреты прежнихъ владѣльцевъ усадебъ; въ провинціальныхъ городахъ еще улицы сохранили характеръ губернскаго города при Чичиковѣ, — и фонарные столбы такіе же, съ какихъ срывалъ Чичиковъ афиши. Еще на сценѣ живы по традиціи типы „Ревизора“ и „Женитьбы“. Но пройдетъ немного времени, и характеръ эпохи утратится, быть-можетъ, безвозвратно. Явится рядъ новыхъ талантливыхъ художниковъ, но едва ли они, какъ люди иного поколѣнія, сумѣютъ схватить духъ изображаемой полосы русской жизни.

Насколько было возможно, для настоящаго изданія былъ собранъ матеріалъ по нашимъ провинціальнымъ захолустьямъ, — каждая мелочь, каждая деталь, каждый аксессуаръ чичиковской эпохи были тщательно провѣрены, зарисованы и сфотографированы.

Предоставить выполненіе всѣхъ рисунковъ одному художнику оказалось немыслимымъ: работа затянулась бы на десятки лѣтъ. Кромѣ того, при значительномъ количествѣ иллюстрацій, появилось бы нѣкоторое однообразіе въ манерѣ исполненія. Поэтому работа была раздѣлена между нѣсколькими художниками. Пейзажъ былъ предоставленъ гг. Бажину и Хохрякову, а жанръ гг. Андрееву, Аванасьеву, Быстренину, Далькевичу, Козачинскому, Маньковскому, Пирогову, г-жѣ Самокишъ-Судковской и г. Соломко. Общее редактированіе этими работами взяли на себя гг. Гнѣдичъ и Далькевичъ.

Съ искренней любовью отнеслись художники къ своей задачѣ. Каждый изъ нихъ выбралъ эпизоды, наиболѣе подходящіе къ сущности его дарованія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ трудился надъ иллюстраціями. Рисунки дѣлались и передѣлывались по многу разъ, пока не удовлетворяли самихъ художниковъ. Что же касается ихъ воспроизведенія, то мы сдѣлали все, что возможно, чтобы достигнуть наибольшаго совершенства. Клише изготовлены за границей; самые значительные рисунки воспроизведены *гелиографюрой*, способомъ, очень мало еще распространеннымъ у насъ, вслѣдствіе его дороговизны; остальные—автотипіею, лучше всего передающею всѣ тонкости оригинала.

А. Ф. Марксъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города XX въѣхала довольно красная рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздить холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,—словомъ, все тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городъ совершенно никакого шума и не былъ сопро-

вожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты“, сказала одинъ другому: „вонъ какое колесо! Чтѣ ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бѣ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?“ — „Доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. — „А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?“ — „Въ Казань не доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канѣсовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ

бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузь, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ вѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать несланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверь въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленную комодомъ, гдѣ устранивается сосѣдь, молчаливый и спокойный человѣкъ но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго.

Л. Сажинъ. — Гостиница.

Наруж-
ный фа-
садъ гостиницы отвѣ-
чалъ ся внутренно-
сти: она была очень
длинна, въ два этажа;
пшжній не быть вы-
штукатуренъ и оста-
вался въ тёмно-крас-
ныхъ кирпичикахъ, еще
болѣе потемнѣвшихъ отъ

лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки:

прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человекъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Велѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраниваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному велѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать,

накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ-быть, такъ же замаслившимся какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шесть и самъ-сѣмъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висѣщихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузь и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно берегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, рассказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: „О, большой, сударь, мошенникъ!“ Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые

вопросы: онъ съ чрезвычайною точностью разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ бѣльшею точностью, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто прѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностью, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и вымаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ

это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливается почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: „не нужно ли чего?“ Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой номеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа.

Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: „Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ

Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ“. Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотреть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно была въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезонинномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти

дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе

движенія народа и жизни. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: „Иностранецъ

Василій Ѳедоровъ“; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во ффракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣпившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только-что сдѣлавшими на воздухъ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: „И вотъ заведеніе“. Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаше же всего замѣтно было потемнѣвшихъ

двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: „Питейный домъ“. Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской

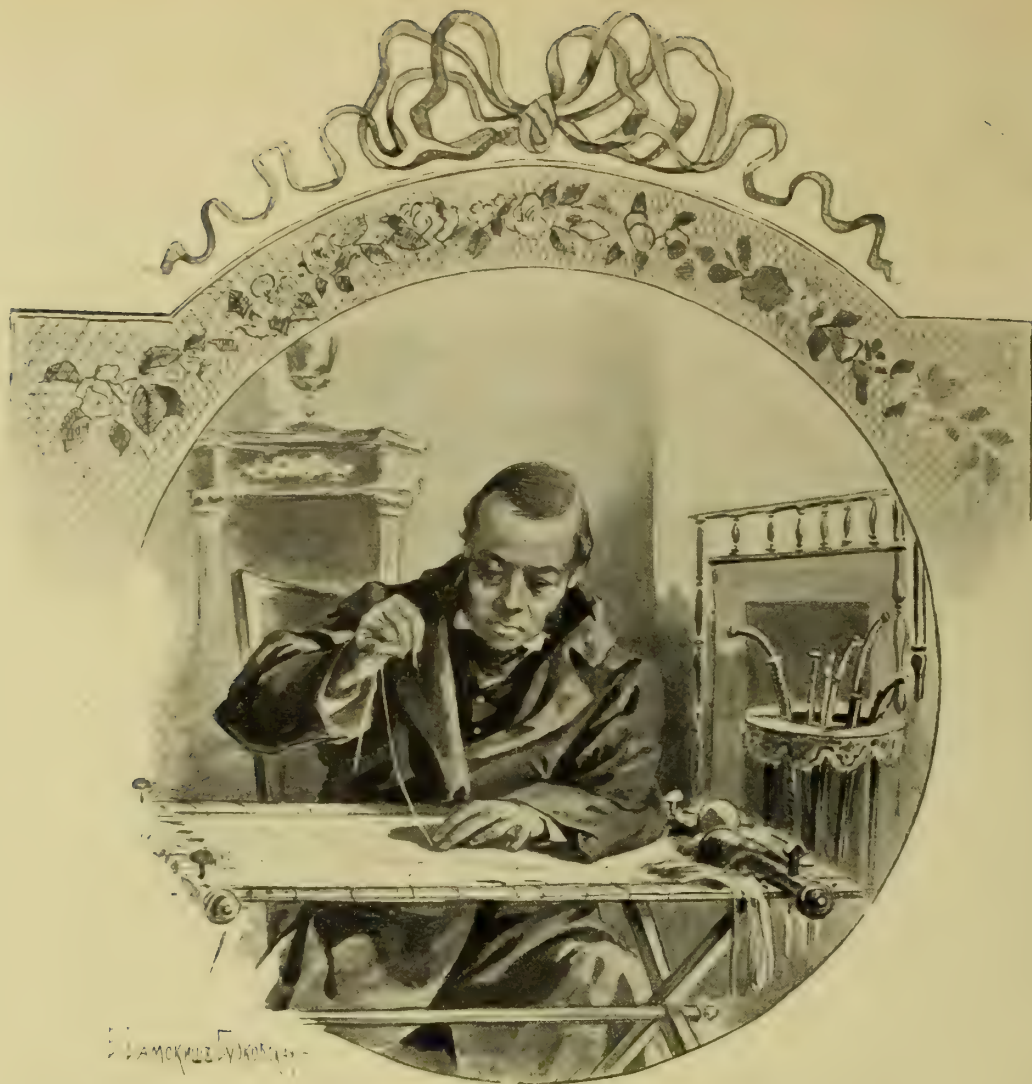
садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ

деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“, и что при этомъ „было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику“. Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взгля-

нуть на рѣку, протекавшую по срединѣ города; дорогою оторвать прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее

хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой номеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ уѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплѣвинъ, Кору—дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переверотилъ на другую сторону—узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, чтó ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... Жаль, что нѣсколько трудно упомянуть всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителемъ, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію вѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: „ваше превосходительство“, что очень имъ понра-

вилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ пезначащій червь міра сего и недостойнъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подшерстки ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго

слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно затѣмъ очутился во фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хотъ бы и для бала; коляски съ фонарями,

передъ подъѣздомъ два жандарма, фрейторскіе крики вдали, — словомъ, все какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому-что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубить и дѣлать его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти все глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣпватостью старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми

кучами. Насыщенные богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія и переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Приѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернской городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко вы-

Е. Самокиш-Гудковская.

... Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ.

бритые овалы лицъ, такъ же небрежно подебдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшляли дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т. е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставляя ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе елужатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямая, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣе мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложеной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь—и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всеѣми угодами. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ

глазомъ, такъ, какъ будто бы говори-
 ли: „пойдемъ, братъ, въ дру-
 гую комнату, тамъ я тебѣ что-то
 скажу“,—человѣка, впрочемъ, серь-
 езнаго и молчаливаго; почтмейстера,
 низенькаго человѣка, но остряка и
 философа; председателя палаты,
 весьма разсудительнаго и любезнаго
 человѣка,—которые всѣ привѣтство-
 вали его какъ стариннаго знако-
 маго, на
 что Чи-

чиковъ рас-
 кланивался, нѣ-
 сколько на бокъ,
 впрочемъ, не безъ пріятности. Тутъ
 же познакомился онъ съ весьма
 обходительнымъ и учтивымъ помѣ-
 щикомъ Ма-
 шловымъ

и нѣсколь-
 ко неуклю-

жимъ на
 взглядъ

Собакевичемъ,

который съ перваго раза ему насту-
 пилъ на ногу, сказавши: „Прошу
 прощенія“. Тутъ же ему всунули
 карту на вистъ, которую онъ при-
 нялъ съ такимъ же вѣжливымъ
 поклономъ. Они сѣли за зеленый
 столъ и не вставали уже до ужина.
 Всѣ разговоры совершенно прекратились,

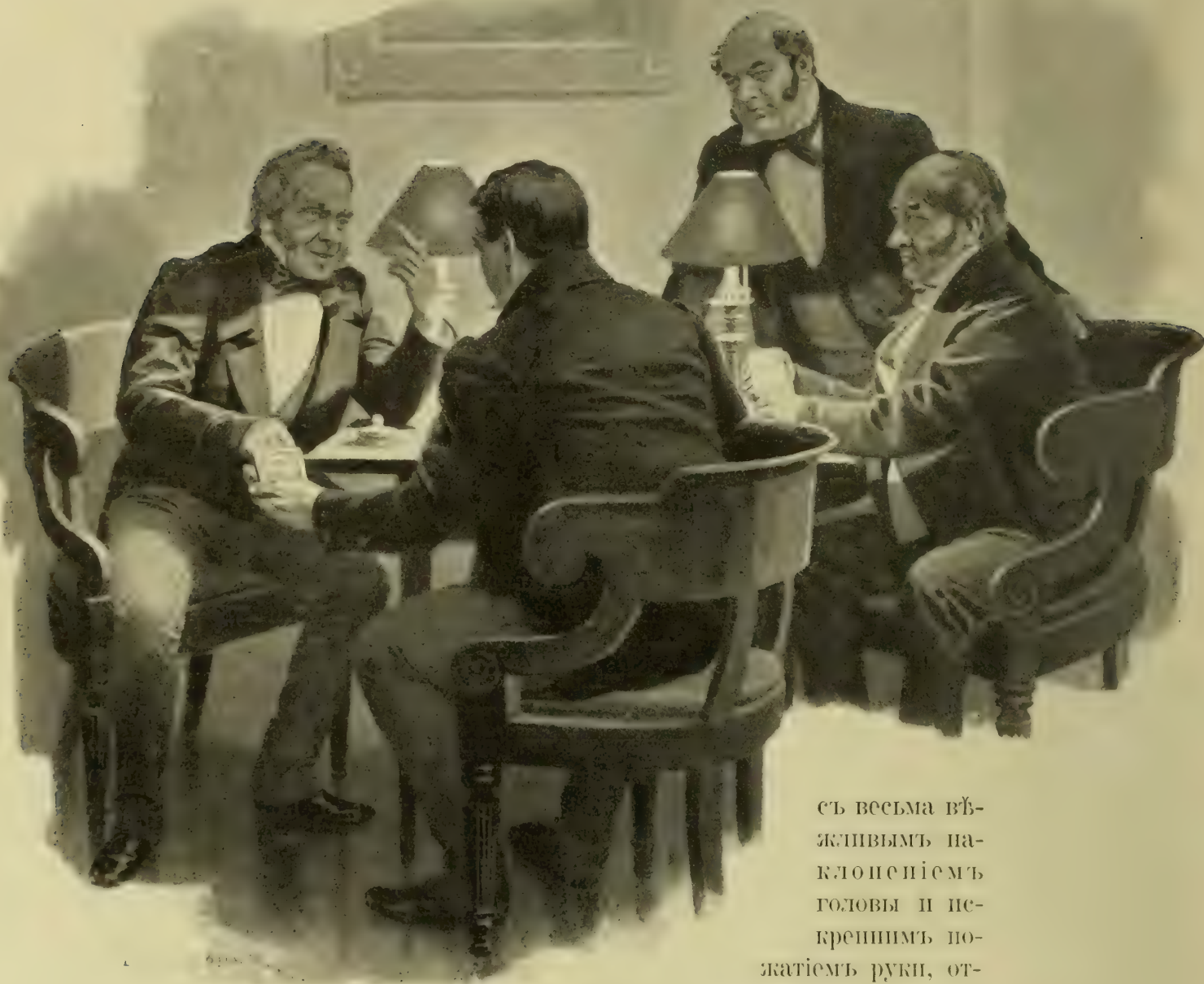

какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразить на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрыть нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья!“ если же король: „Пошелъ, тамбовскій мужикъ!“ А предсѣдатель приговаривалъ: „А я его по усамъ! А я ее по усамъ!“ Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: „А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!“

или же просто восклицанія: „черви! червоточина! пикенція!“ или „пикендрасъ! пичурущихъ! пичура!“ и даже просто: „пичукъ!“—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: „Вы пошли“, но „вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немногое времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человекъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и шутившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню,

къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ,

съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и прекренимъ пожатіемъ руки, отвѣчать, что онъ не

только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: „И ко мнѣ прошу“, шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую

погу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, чело-вѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали

его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у председателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленомъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочемъ, стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, даваемой городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтись и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго чело-вѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддер-жать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльные замѣчанія; трактовали ли касательно слѣд-ствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать

какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни поворачи, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны прїѣздомъ новаго лица. Губернаторъ о немъ изъяснялся, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ—что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; председатель палаты—что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицеймейстеръ—что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера—что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ

Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, прїѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать возлѣ художавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!“ На что супруга отвѣчала: „Гм!“ и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно страшное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнастъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

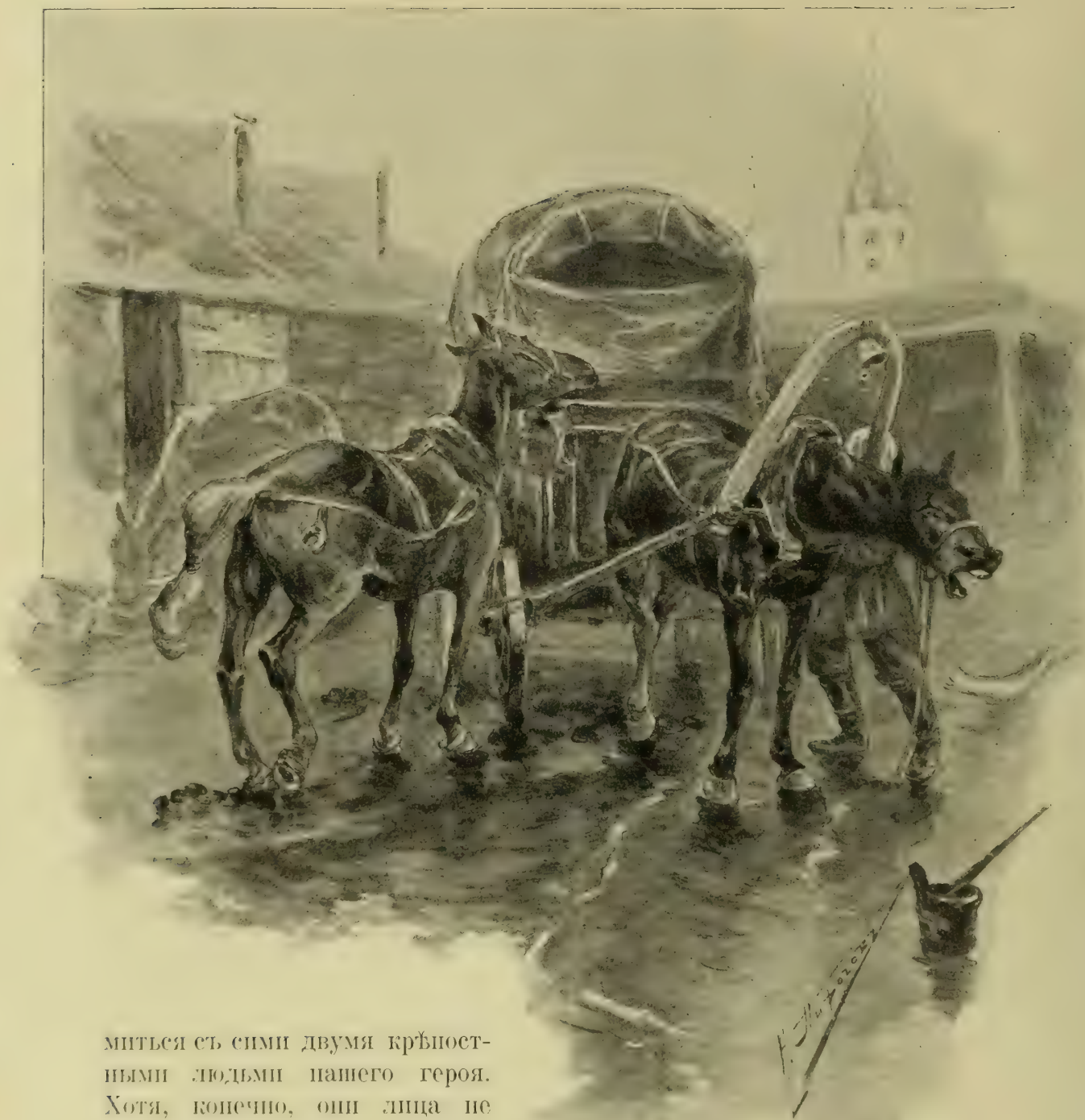
... „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицей-
мейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ
Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препрятный человѣкъ!“
На что супруга отвѣчала: „Гм!“ и толкнула его ногою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА II.

же болѣе недѣли прїѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разѣѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень прїятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ-быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатою и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познако-

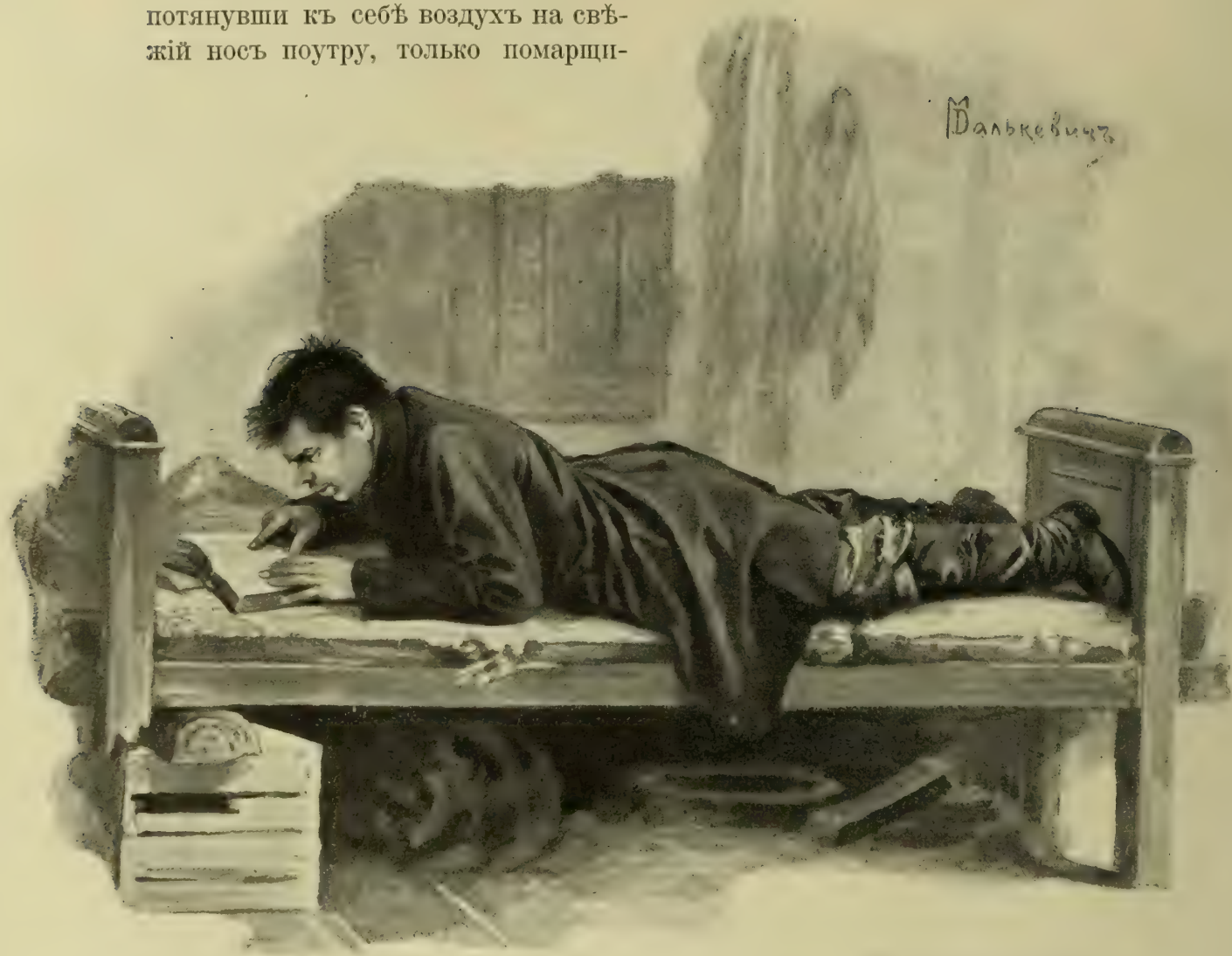
миться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ; но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во

всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то - есть, что Петрушка ходилъ въ нѣскольکو широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ

даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ,— онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что и значить. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывававшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ

весьма щекотливый и даже въ нѣ-
которыхъ случаяхъ привередливый,
потянувши къ себѣ воздухъ на свѣ-
жій носъ поутру, только помарщи-

вался, да встряхи-
валъ головою, при-
говаривая: „Ты, братъ, чортъ тебя
знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню“. На что Петрушка
ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣ-
ломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барекому фраку, или
просто прибиралъ что-нибудь. Чтò думалъ онъ въ то время, когда
молчалъ? Можетъ-быть, онъ говорилъ про себя: „И ты однакожь хо-
рошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...“ Богъ
вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ
то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на
первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ со-

вершено другой че-
ловѣкъ... Но авторъ
весьма совѣстится за-
нимать такъ долго чи-
тателей людьми низкаго
класса, зная по опыту, какъ
неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій

человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросаятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и

другое, а все однакожъ нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывши, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, — а въ тотъ день случилось воскресенье, — выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящей атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: „Баринъ, подай сиротинкѣ!“ Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головой въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому

подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по шнурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулу-

пахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: „далеко ли деревня Заманиловка“, — мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: „Маниловка, можетъ-быть, а не Заманиловка?“

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то-есть, такъ прямо направо.

— Направо?—отозвался кучеръ.

— Направо,—сказалъ мужикъ.—Это будетъ тебѣ дорога въ Мани-

ловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа,—господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ

къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатою горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: „храмъ уединеннаго размышленія“; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ англицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, въ ту-жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго

деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видѣ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестяла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Да-

же самая погода весьма кстати прислужилась: день быть не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта,—какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого,

впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозга носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ!—вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вытѣзалъ изъ брички.—Насилу вы таки насъ вспомнили!

Оба пріятели очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно—черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый какъ огонь плащъ,—и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуволимыхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далѣко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни сѣ, ни въ городѣ Богданѣ, ни въ селѣ Селифанѣ*, по словамъ пословицы. Можетъ-быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!“ Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголь какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подо-

В. Андреев. 1881.

браться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ—у всякаго есть свое, но

у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само-собою. Когда приказчикъ говорилъ: „хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать“; „да, не дурно“, отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи,

гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. „Да, именно не дурно“, повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать“; „ступай“, говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ,

или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки,

и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницъ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно не доставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: „Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы“. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: „Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель“. Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутрнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромою, свернувшійся на сторону и весь въ салтъ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинъ, ду-

шенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ“. Само-собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготавлиемы были сюрпризы—какой-нибудь бисер-

ный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяны слуги? Зачѣмъ вся деревня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ,—говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы—гость,—говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста не затрудняйтесь; пожалуйста проходите,—говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему-жъ образованному?.. Пожалуйста проходите!

Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего-жъ?

В. Андреев.

И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку.

Гоголь. «Мертвые Души».

— Ну, да ужъ оттого!—сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ. — Душенька! Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не воспоминалъ о немъ.

— Да, — промолвилъ Маниловъ:—ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: „Да что же твой пріятель не ѣдетъ?“ „Погоди, душенька, пріѣдетъ“. А вотъ вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслаждение — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете,—прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою:—все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ?—примолвила Манилова.—Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ:—и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли
нашего губернатора?—
сказала Манилова.

— Не правда ли, что препотеннѣйшій и прелюбезнѣйшій чело-
вѣкъ?—прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, — сказалъ Чичиковъ: — препотеннѣйшій
человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее!
Нужно желать побольше такихъ людей.

Какъ онъ можетъ, этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти де-
ликатность въ своихъ поступкахъ,—присовокупилъ Маниловъ съ улыб-
кою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ,
у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

Очень обходительный и пріятный человѣкъ, — продолжалъ Чичи-

ковъ: — и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ? — сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и председателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

— Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, — отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили председателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, — продолжалъ Маниловъ: — другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... — Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарাপортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухъ и продолжалъ: — тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никакого... Вотъ только иногда почитаешь „Сынъ Отечества“.

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавилъ Маниловъ: — все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо!—прервалъ Чичиковъ.—Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластитъ немилосердно, воображая ея обрадовать паціента:—тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастье, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что-жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человекъ, и больше ничего,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше,—сказалъ Маниловъ.

— Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и, наконецъ, Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! — сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ:—а который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть,—сказала Манилова.

— Оемистоклюсъ!—сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ*; но постарался тотъ же часъ привести лицо въ обыкновенное положеніе.

— Θεμιστοκлюсь, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи? Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Θεμιστοκлюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Θεμιστοκлюсь сказалъ: „Парижъ“.

— А у насъ какой лучшій городъ?—спросилъ опять Маниловъ. Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ,—отвѣчалъ Θεμιστοκлюсь.

— А еще какой?

— Москва,—отвѣчалъ Θεμιστοκлюсь.

— Умница, душенька!—сказалъ на это Чичиковъ.—Скажите, однакожъ...—продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ.—Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его!—отвѣчалъ Маниловъ:—у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшей, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ

ужь у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжить за ней слѣдомъ и тотчасъ обратить вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Θεμιστοκлюсь! — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему:—хочешь быть посланникомъ?

— Хочу,—отвѣчалъ Θεμιστοκлюсь, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налево.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ, и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался

за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень

внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы уемѣхнуться,

въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Θεμιστοκлюсь укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли“. На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда“.

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ,—сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обра-

ценную окномъ на свѣтлый лѣсъ. Вотъ мой уголокъ, — сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комнатка, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Опъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленные не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, — сказалъ Маниловъ. — Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, — сказалъ Маниловъ съ улыбкою. — Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубкою.

— Нѣтъ, не курю, — отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего? — сказалъ Маниловъ, тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушить.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человекъ, который не выпускалъ изъ рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и велѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. — Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да, ужъ давно; а лучше сказать — не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

— А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! позови приказчика: онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукъ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

Да какъ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ,—сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, наподобіе щитка.

Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ,—подхватилъ Маниловъ:—именно очень многіе умирали!—Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще:—точно, очень многіе.

А какъ, напимѣръ, числомъ?—спросилъ Чичиковъ.

Да, сколько числомъ?—подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать—числомъ? Вѣдь не извѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно,—сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову:—я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ не извѣстно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти,—сказалъ Чичиковъ:—и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно,—сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: „Слушаю!“ и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно?—спросилъ, по уходѣ приказчика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И

въ самомъ дѣлѣ,
Маниловъ нако-
нецъ услышалъ
такія странныя и
необыкновенныя
вещи, какихъ еще
никогда не слыха-
ли человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...—сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ,—сказалъ Маниловъ:—какъ желаете

7*

выкупить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то-есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, — сказалъ Чичиковъ:—я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю приобрести мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизии, какъ живые,—сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсужда-

шіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ, Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутить ли онъ; но ничего не было видно такого; напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изъ рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?—замѣтилъ Чичиковъ.

Я?... нѣтъ, я не то,—сказалъ Маниловъ:—но я не могу постичь...

извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ-быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ-быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ,—подхватилъ Чичиковъ:—нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ—чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

— Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости,—сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ!—сказалъ Чичиковъ.—Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня — дѣло священное, законъ—я нѣмѣю предъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фাগоть. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ — и больше ничего.

— Можетъ-быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть, критическое предсужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ-быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получить даже выгоды, ибо получить законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего,—сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ? — сказалъ опять Маниловъ и остановился.— Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историкъ предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души: а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ—совершенная дрянь.

— Очень не дрянь,—сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ: не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова: „Если-бъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерялъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій

не испыталь, какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и спроть горемыкъ!.. Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать? — сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, — сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ: — Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу, — отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь, — сказалъ Чичиковъ: — здѣсь, вотъ гдѣ, — тутъ онъ положилъ руку на сердце: — да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня большаго блаженства, какъ жить съ вами; если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— А знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль:—какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!..

— О, это была бы райская жизнь!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши.— Прощайте, сударыня!—продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой.— Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены!—отвѣчалъ Маниловъ.—Я съ вами расстаюсь не долге, какъ на два дня.

Все вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькіе малютки!—сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа.—Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ приѣду, непременно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ? — продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парапанъ, — отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ,—такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!—Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, оставайтесь, Павелъ Ивановичъ! — сказалъ Маниловъ, когда уже все вышли на крыльцо. Посмотрите, какія тучи.

Это маленькія тучки,—отвѣчалъ Чичиковъ.

Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

Объ этомъ хочу спросить васъ.

Позвольте, я сейчасъ расскажу вашему кучеру.—Тутъ Маниловъ съ такою же любезностью рассказъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: „Потрафимъ, ваше благородіе“, и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удаляющуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ запеслись, Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Страшная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

... и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что
тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА ТРЕТЯ.

ГЛАВА III.

Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ

коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ приобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю! — говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣннца. — Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой — почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель — тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползеть! — Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: — У, варваръ! Бонапартъ ты прокля-

тый!.. — Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: — Эй, вы, любезные! — и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: — Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои друзья, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышишь ты, сполняетъ службу государскую, онъ ско-лѣбской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы

много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотреть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленье, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задержаться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащить тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянъ изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное расслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые все пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдетъ, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: — Эй, вы, други почтенные! — и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

...Тяжелый почтовый конь.

...Тяжелый почтовый конь.

Дождь, однакоже, казался, зарядить надолго. Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась въ грязь, и лошадымъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бречку. Чичиковъ уже начинать сильно беспокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было прѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая, хоть глазъ выколи.

— Селифанъ!—сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ?—отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!—Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ—пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все пошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попало на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?—сказалъ Чичиковъ.

— Да что-жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!—Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ,—говорилъ Селифанъ.—Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.—Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно набокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, сился оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія:—Вишь ты, и перекинулась!

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло—быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить,—въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ?—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже

дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ:—коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему-жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣвки; почему-жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмурия глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и достигнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать,—произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты какой востроногій,—сказала старуха:—пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что-жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время,—прибавилъ Селифанъ.

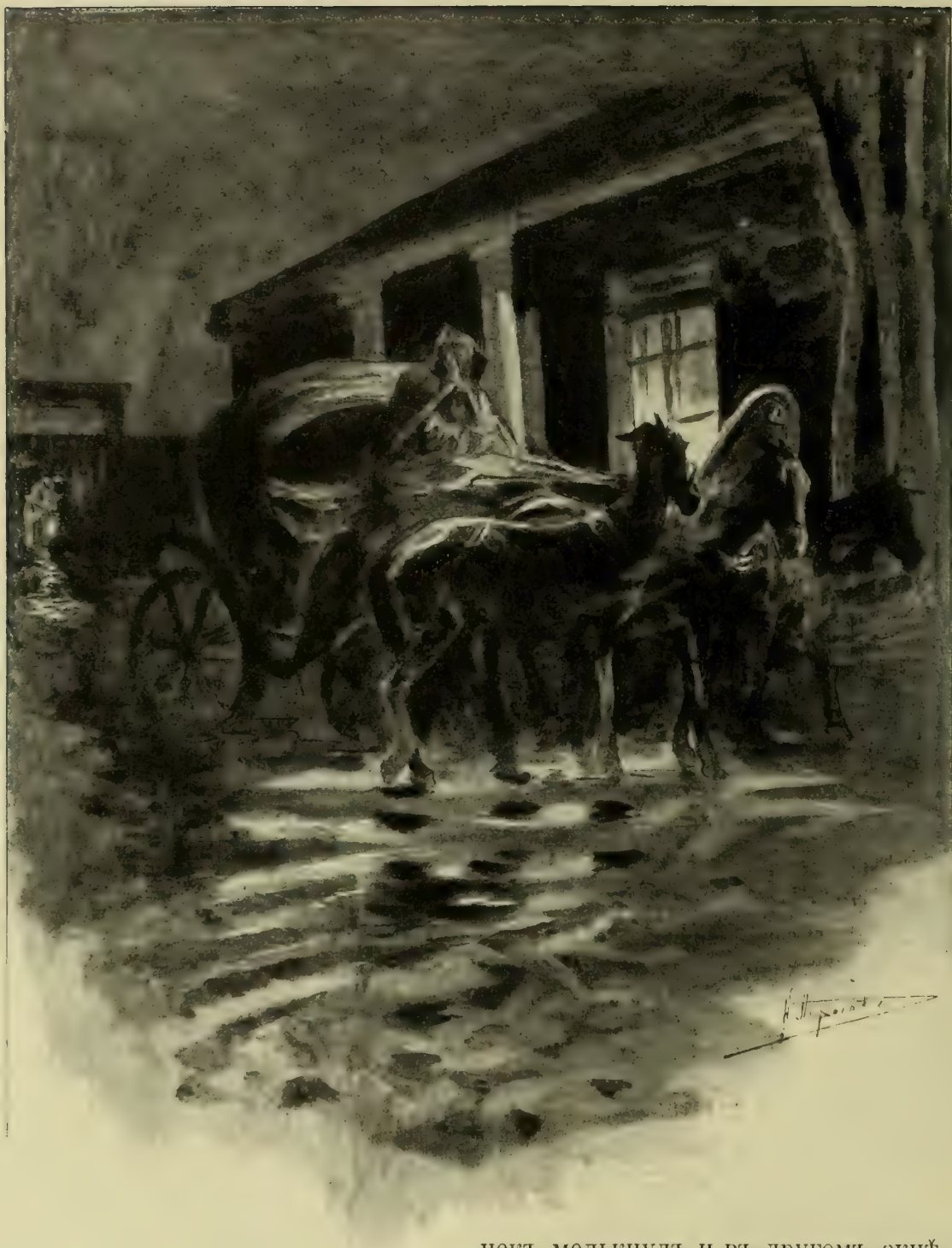
— Молчи, дуракъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой?—сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.—Погодите, я скажу барынѣ,—произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Ого-

пекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ.
Бричка, въѣхавши на дворъ, остано-
вилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно
было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ,
исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на

которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всеми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ понамарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ-быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипѣтъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжать стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ—старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки, и держатъ голову нѣсколько на-бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопы, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само

собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ прїѣздомъ.

— Ничего, ничего!—сказала хозяйка.—Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было-испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверху, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣніемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно шелкать направо и налево.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?—сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свинынь, Канапатыевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди, или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой,

да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повесушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья!—сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обѣихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ.—Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня!—говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова,—сказала хозяйка.—Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненные имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во все углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, все обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть,—обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять: въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ,—окно же было очень близко отъ земли,—заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно: „желаю здравствовать“, на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій

дворикъ
 весь былъ
 наполненъ птица-
 ми и всякой до-
 машней тварью. Индѣйкамъ
 и курамъ не было числа:
 промежъ нихъ расхаживалъ
 пѣтухъ мѣрными шагами, потря-
 хивая гребнемъ и поворачивая голову
 на-бокъ, какъ будто къ чему-то при-

слушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузные корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, переграждалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовые деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косянными тучами переносились съ

одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучель на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были вы-

строены
вразсып-
ную и не
заключены въ правильныя
улицы, но, по замѣчанію,
сдѣланному Чичиковымъ,

показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ—гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ.—Да у ней деревушка не маленькая,—сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково поживали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла.—Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Бессонница. Все поясица болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ бѣльшею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣнии обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ,—опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярія—не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ—да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей

такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! „Да это не Иванъ Петровичъ“, говоришь, глядя на него. „Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, басытъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется“. Подходишь ближе, глядишь—точно Иванъ Петровичъ! „Эхе, хе, хе!“ думаешь себѣ... Но однакожъ обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда

фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80,—сказала хозяйка:—да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ, мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна. Хорошее имя—Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица:—вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка!—отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись:— чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлшкамъ.

— А, такъ вы покушникъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Чтò-жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато—полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!—сказала старуха, вздохнувши.—И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да чтò въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подѣхалъ—пòдать, говорить, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ поберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, чрезчуръ выпилъ: только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и по-чернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши:— противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, чтò умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старухахватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

— Да на что-жъ онѣ тебѣ?—сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ-жъ мертвыя.

— Да кто же говорить, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что-жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

„Ну, баба, кажется, крѣпколобая!“ подумалъ про себя Чичиковъ.

— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! — подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю внесла больше полутораэта, да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупатель; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что-жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову—двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткнуть.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не

понести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стѣять.

— Послушайте, матушка... эхъ какія вы! чтò-жъ они могутъ стѣять? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на чтò не нужно. Ну, скажите сами, на чтò оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на чтò не нужно; да вѣдь меня одис только и останавливаетъ, что вѣдь они уже мертвые.

„Экъ ее, дубинно-головая какая!“ сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. „Пойди ты, сладъ съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!“ Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ,

началь отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.—Вы, матушка,—сказалъ онъ:—или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями,—понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почему продали медъ?

— По 12-ти рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

— Ну, видите-ль? Такъ зато—это медъ. Вы собирали его, можетъ-быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души—дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями.—Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право,—отвѣчала помѣщица:—мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше-жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! просто страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто-жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онѣ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подь случай понадобится...—возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!—проговорила старуха, крестясь.

— Куда-жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что-жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька—пенькою, въ другой разъ прїѣду—заберу пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой странный, совѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.—Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!—вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ.—Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и послалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу—бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!—сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты, разные, потому что я и казенные подряды тоже веду...—Здѣсь онъ пригнулъ, хотъ и всколъзь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:—Да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стѣдить, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу,—говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.—Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ,—сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

„Хорошо бы было“, подумала между тѣмъ про себя Коробочка: „если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетинѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много“. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены воцъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро.—Экъ уморила какъ, проклятая старуха!—сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее

расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ

крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами, визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всеми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой,—сказала она, подѣвъши къ нему.—Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ—до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги!—продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало.—Хоть бы мнѣ листокъ подарить! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ,

чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: „Экой длинный!“ Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — „Коровій Кирпичъ“, иной оказался просто: „Колесо Иванъ“. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прощу покорно закусить,—сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками; припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и ни вѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ!—сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, сѣвши тутъ же съ небольшимъ половиною, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ?—сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны,—сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ,—сказала хозяйка:—да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите?—проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузь:—вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложать, матушка, заложать. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду,—говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете?—сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Кушимъ, кушимъ, всего кушимъ, и свиного сала кушимъ.
 — Можетъ-быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.
 — Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ.
 — Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова,—сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.
 — Будетъ, будетъ готова. Расскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.
 — Какъ же бы это сдѣлать?—сказала хозяйка.—Рассказать-то муд-

рено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная—мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ-быть, станешь даже думать: „Да полно, точно ли Коробочка стоитъ

такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосыгаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженные мысли, — мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроженныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе при-

нять модный католицизмъ. Но, мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А, вотъ бричка, вотъ бричка! — вскричалъ Чичиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. — Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: — покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Велѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленецъ, наконецъ

помѣстился, сказавши:—А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!—Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшийся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотливаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ утрюмныхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: „Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!“ и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были не довольны, не услышавши ни разу ни *любезные*, ни *почтенные*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. „Вишь ты, какъ разнесло его!“ думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрыгивая ушами. „Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпить, или подъ брюхо захлыснетъ“.

— Направо, что ли?—съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу,—отвѣчала дѣвчонка.

— Куда-жъ?—сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды,—отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты!—сказалъ Селифанъ.—Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расплзались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высып-

лють изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:—Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе?—спросилъ Селифанъ.

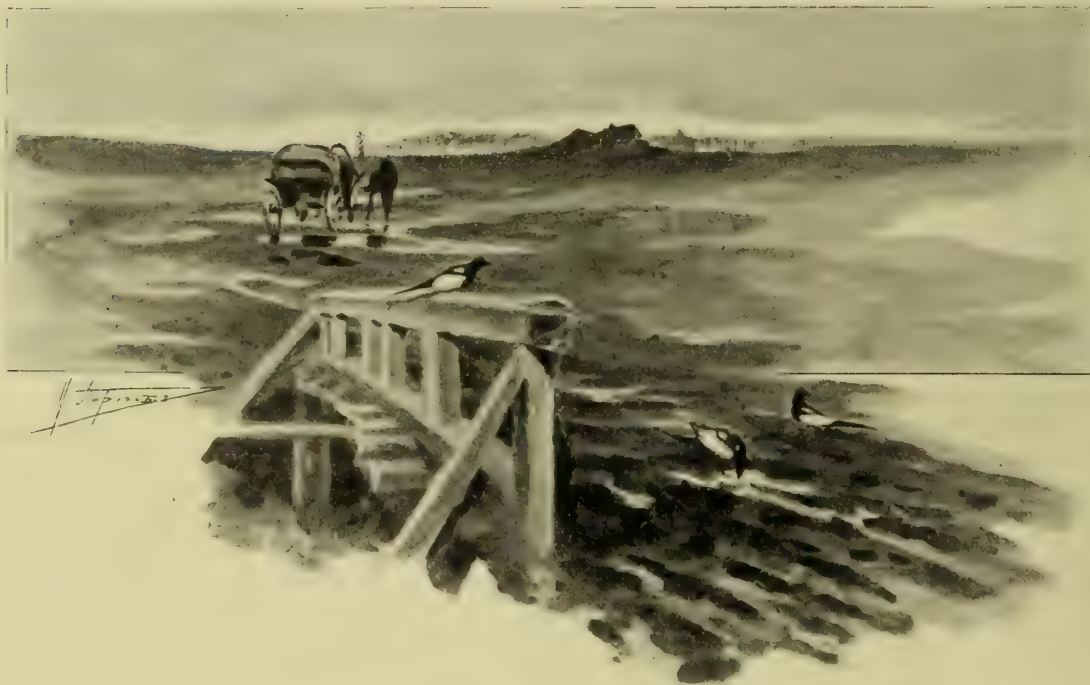
— Трактиръ,—сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ,—сказалъ Селифанъ:—ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы:

— Эхъ ты, черноногая!

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА IV.

одѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значать всѣхъ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ

пилюли, глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовымъ плѣсомъ, такъ что вчужѣ проникаетъ аппетитъ, — вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки по-

жертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всеми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подеѣвчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ бѣльшемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ

крышей, рѣзко и живо пестрили темныя ея стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворяющуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: „Сюда пожалуйте!“ Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленные гладко соеновыя стѣны, треугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ — четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ, натканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего.

— Поросенокъ есть?—съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ — холостой или женатый человекъ, и какую взять жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало

подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. „А! Собакевича знаешь?“ спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ повеликатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спросить и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросить, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спросить, да ужъ за то все съѣсть, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый—просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и

отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ знаетъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолже-

ше немногихъ минутъ они, вѣроятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что

уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузь свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные, густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ онъ вдругъ, разста-

вивъ обѣ руки при видѣ Чичикова.—Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ?—говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:—А я, братъ, съ ярмарки. Поздравъ: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обыватель-

скихъ прѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!—Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку.— Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку.—Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища.—А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. „Ну, смотри,—говорю,—если мы не встрѣтимъ Чичикова“. Ну, братъ, если бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ...—Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой.—А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ,—продолжалъ Ноздревъ:—именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бу-мажникъ.

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ,—отвѣчалъ бѣлокурый:—а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! Ей-Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ не сорвалъ,—сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во-время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или не хорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность!—сказалъ Ноздревъ:—этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называется просто бурдашкой. „Принеси-ка, братъ,—говорить,—бурдашки!“ Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ

его лавкѣ ничего
нельзя брать: въ
вино мѣшаетъ
всякую дрянъ: сан-
далъ, жженую
пробку, и даже
бузиной, подлецъ,
затираетъ; но за-
то, ужъ если вы-
тащить изъ даль-
ней комнатки, ко-
торая называется
у него особенной,
какую-нибудь бу-
тылочку, ну, про-
сто, братъ, нахо-

дишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... что предъ нимъ губернаторское? — просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура; это значить — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? — розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послать въ лавку за шампанскимъ — нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь,—замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ,—отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ, или я ему? Онъ пріѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: „Чортъ возьми!“ А Кувшинниковъ, то-есть, это такая бестія, подсеѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустить. Это онъ называется: „попользоваться насчетъ клубнички“. Рыбъ и балыковъ на-

везли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ, — хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго все до послѣдняго выказываются бѣлыя, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: „Экъ его разобрало!“

— Что-жъ тутъ смѣшного? — сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: — Ой, пощади! право, тресну со смѣху!

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово, — сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ; „Для васъ только; всю ярмарку, — говоритъ, — обыщите, не найдете такого“. Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. „Вы“, говорю, „съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!“ Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. — Эй, Порфирій! — закричалъ онъ,

подошедши къ окну, на своего чело­вѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ дру­гой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливи­лось ему мимоходомъ отрѣзать, зынимая что-то изъ брички. —Эй, Порфирій! — кричалъ Ноздревъ:—принеси-ка щен­ка! Каковъ щенокъ!—продол­жалъ онъ, обращаясь къ Чи­чикову. —Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хо­зяинъ. Я ему сулилъ кау­рую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...—Чи­чиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Баринъ! ничего не хотите заку­сить?—сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая,—отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой,—сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку!—сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, „вотъ,—говорить,—братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!“ Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею. —Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко по­клонилась.—А, давай его сюда!—закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго со щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и ба­ринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько поза­масляниѣй.

— Давай его, клади сюда на полъ!

Порфирій положить щенка на полъ, который, растянувшись на вѣѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

Вотъ щенокъ! —сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и при­поднявши рукою. Щенокъ испустить довольно жалобный вой.

— Ты, однакожь, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ,—сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка:—и не подумалъ вычесать его?

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички пона-лѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы! — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, промолвивши: „Да, хорошая будетъ собака“.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою.

Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши: „Хорошее чутье“.

— Настоящій мордашъ, — продолжалъ Ноздревъ: — я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

„А что-жь,—подумалъ про-себя Чичиковъ,—заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно кое-что выпросить“. — Изволь, ѣдемъ,—сказалъ онъ:—но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же! я тебя поцѣлую за это.—Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались.—И славно: втроемъ и покатымъ!

— Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста меня-то отпусти,—говорилъ бѣлоку-рый: — мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пушу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ кото-рыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не со-

гласяся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку — словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ!—сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузь, и—бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили...—сказала старуха.

— А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуйста. У меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Сколько тебѣ?—сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? двугривенникъ всего,—сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ,—сказала старуха, однакожь взяла деньги съ благодарностью и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадахъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій со щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ-быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывуть еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ

М. Далкевичъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!
Чичиковъ въ угоду ему пощупалъ уши, промолвивши:
„Да, хорошая будетъ собака“.

видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть.

В. Мухоморовъ.

Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всеѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непременно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же

пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или провретъ самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навреть совершенно безъ всякой нужды: вдругъ расскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнеши: „Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить“. Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ-же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Таковую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходилъ, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небывлицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріателемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: „Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь“. Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неутомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ покупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомыльникъ, голландскаго холста, крупчатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ—съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюр-

тучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ-быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ-быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посерединѣ столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него

на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десяти тысячъ ты за него не далъ,—замѣтилъ зять.—Онъ и одной не стоить.

— Ей-Богу, далъ десять тысячъ,—сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь, — отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?—сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волченка, бывшаго на привязи. „Вотъ волченокъ!“ сказалъ онъ: „я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ“. Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться. „Я тебѣ, Чичиковъ“, сказалъ Ноздревъ: „покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!“ и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полвопѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосыръ, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ—хорошія были собаки.

Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку—сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ не доставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретениѣ, —*порхающій*, по чудному выраженію русскаго мужика.

— А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница,—сказалъ Ноздревъ.

Немного прошевши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ,—сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле: „русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ сво-

ими руками поймалъ одного за заднія ноги“.

— Ну, русака ты не поймаешь рукою,—замѣтилъ зять.

— А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ!—отвѣчалъ Ноздревъ.— Теперь я поведу тебя посмотрѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову:—границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогамъ и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они-было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служить, брели прямо, не разбирая, гдѣ бѣлая, а гдѣ мѣлая грязь. Пройдя порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

— Вотъ граница!—сказалъ Ноздревъ:—все, что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ—все мое.

— Да когда же этот лѣсъ сдѣлался твоимъ?—спросилъ зять.—Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

— Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну развѣ приказчикъ,—сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемь-

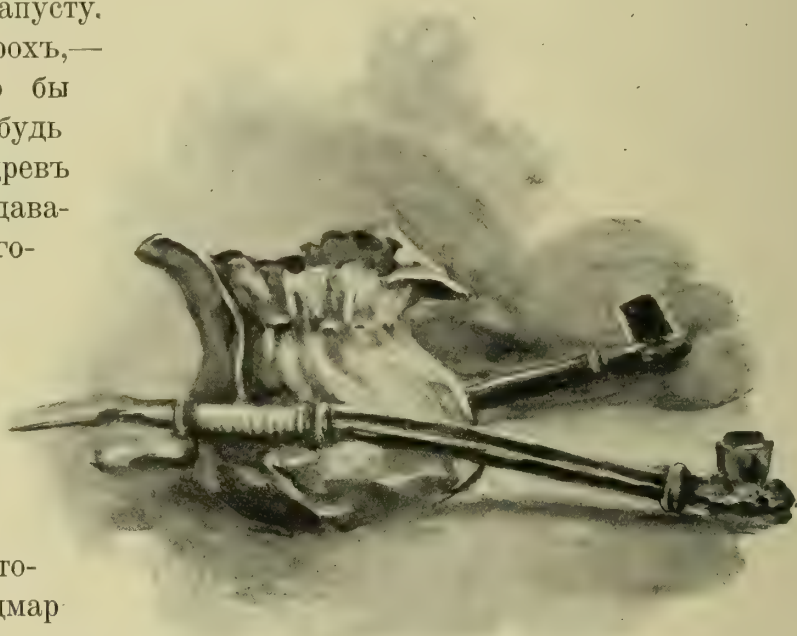
сотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были

показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, повертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ поухалъ*, а *Мальбругъ въ походъ поухалъ* неожиданно завершился какимъ-то давно-знакомымъ

вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая утомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуреныя и необкуреныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисеть, вышитый какой-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю*, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совалъ капусту.

пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ: катать-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейну и по другому го-сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“. Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже

вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принести какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо, и налѣво, и зятю, и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ

только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушница во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! не пушу!—сказалъ Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять,—ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей рассказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ!... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку?—сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и вправду! — сказалъ Ноздревъ: — смерть не люблю такихъ разстепелей! — и прибавилъ вслухъ: — Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, оетюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня оетюкомъ *),—отвѣчалъ зять:—я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказы-

*) Оетюкъ—слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою.

ва етъ...
до слезъ
разбира-
еть. Спросить, что видѣлъ
на ярмаркѣ,—нужно все раз-
сказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузь твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться;
тимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ
бы былъ, но не могу.

Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ
уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ
нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не
много слышала подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь!—говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя
на уѣзжавшій экипажъ.—Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной

не дурень, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтись. Оетюкъ, просто оетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подаль свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно откуда взявшуюся, колоду картъ.

— А что, братъ, — говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: — ну, для провожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся, какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ: — А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба.

- Какая?
- Дай прежде слово, что исполнишь.
- Да какая просьба?
- Ну, да ужъ дай слово!
- Изволь.
- Честное слово?
- Честное слово.
- Вотъ такая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло,—словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что-жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя.

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да къ чему-жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово дать, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что.

— Что бы такое сказать ему?—подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хотъ бы какія-нибудь душонки.

— Врешь, врешь!—сказалъ Ноздревъ, не давши окончить:—врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ.

— Ну, такъ я-жъ тебѣ скажу прямѣе, — сказалъ онъ, поправившись: — только пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непременно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь! врешь!—закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь,—сказалъ Чичиковъ:—ни вотъ на столько не солгалъ,—и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожъ, это обидно! Что же я такое въ самомъ дѣлѣ? Почему я непременно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ—позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамиліарнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей-Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноздревъ: — я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства: — если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы, — и потомъ присовокупить: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлець, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?

— Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Чтò онѣ у тебя, брилліантовые, что ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что-жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на чтò-жъ мнѣ жеребецъ? — сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

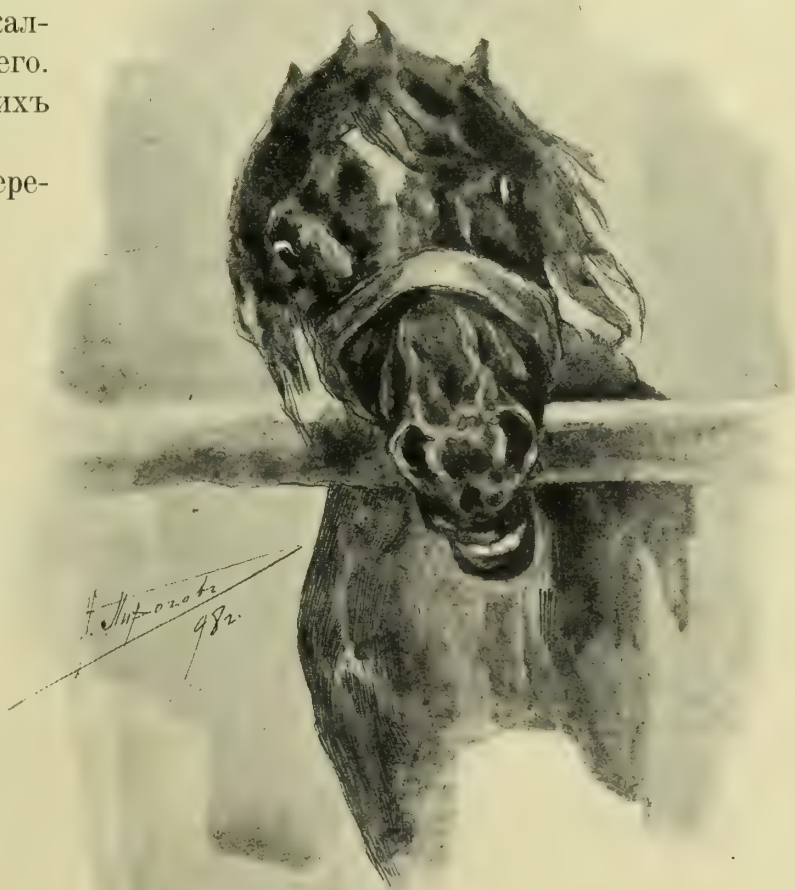
— Какъ на чтò? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурюю кобылу.

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не пужны мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.

— Такъ лучше-жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто—морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ—земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдамъ за 900 рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащась съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органный; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще.—Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.— Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну, вотъ еще! А я-то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка.

— Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!—подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непо-стижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души—все вмѣстѣ.

— Не хочу! сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего-жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу—да и полно.

— Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что-ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ—значитъ подвергаться неизвѣстности,—говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего-жъ неизвѣстности?—сказалъ Ноздревъ.—Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастье, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Эко счастье!—говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору.—Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ и колотить! Вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: „чортъ тебя побори, продавай, проклятая!“

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего-жъ ты не хочешь играть?—сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего-жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:—Потому что не охотникъ.

— Дрянъ же ты!

— Что-жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Оетюкъ, просто! Я думалъ-было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія.

Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ-было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хотя три царства давай—не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давать овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше-бъ ты мнѣ, просто, на глаза не показывался!—сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель:—Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время, но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ—человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ, что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Не хорошо, не хорошо. „Просто дуракъ я!“ говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія, пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: „А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!“ Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ, — говорилъ Ноздревъ: — такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту послѣ

вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня выѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: — штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

— Да, — подумалъ про-себя Чичиковъ: — хорошо бы, если-бъ тебя отодрали на-яву.

— Ей Богу! Да преболѣно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдмы блохи. Ну, ты ступай, теперь, одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлека приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ

у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вивѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь? — сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши: — не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить, — изволь, куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ — другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

„Не хочу“.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь — твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастья или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предвараю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

— Сѣмъ-ка я, — подумалъ про-себя Чичиковъ, — сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игривалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться.

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? Довольно,
если пойдутъ въ пятьдесятъ.

— Нѣтъ, что-жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше-жъ въ эту сумму я
включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку
къ часамъ.

— Ну, изволь!—сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?—сказалъ Ноздревъ.

— Это съ какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу: я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ,
выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ,
подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, вы-
ступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвигая обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, чтò? отсади-ка ее назадъ!—говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то,—сказалъ Чичиковъ, и въ то же самое время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, «которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ знаетъ.—Нѣтъ,—сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола:—съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ—по три шашки вдругъ!

— Отчего-жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, чтò пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ—гдѣ мѣсто?—сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши:—да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого-жъ ты меня считаешь?—говорилъ Ноздревъ:—стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться,—говорилъ Ноздревъ, горячась:—„игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать,—сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

М. Далькевич

*онъ замѣтитъ ступу, или переборъ, разскажутъ
какой-нибудь вѣдьма*

— Я тебя заста-
влю играть. Это ниче-
го, что ты смѣшалъ
шашки! Я помню всѣ
ходы. Мы ихъ поста-
вимъ опять такъ,
какъ были.

— Нѣтъ, братъ,
дѣло кончено: я
съ тобою не ста-
ну играть.

— Такъ ты не
хочешь играть?

— Ты самъ ви-
дишь, что съ то-
бою нѣтъ возмож-
ности играть.

— Нѣтъ, скажи
напрямикъ: ты не
хочешь играть?—
говорилъ Ноз-
древъ, подступая
еще ближе.

— Не хочу, —
сказалъ Чичиковъ
и поднесъ, однакожъ,
обѣ руки на всякій слу-

чай поближе къ лицу, ибо дѣло станови-
лось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта пред-
осторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся
рукой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и пол-
ныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ;
но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя
его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій, Павлушка!—кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, поры-
ваясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ лю-
дей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя,
что держать Ноздрева было бесполезно, выпустилъ его руки. Въ это
самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ
которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь бканчивать партіи?—говорилъ Ноздревъ.—
Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— - Партіи нѣтъ возможности оканчивать,—говорилъ Чпчиковъ, и за-
глянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ свою
бричку, которая стояла совсѣмъ го-
товая, а Селифанъ ожидалъ, каза-
лось, мановенія, что-
бы подкатить подъ

крыльцо; но изъ
комнаты не было
никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣ-
постныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?—повторилъ Ноздревъ
съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если-бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но те-
перь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя
береть, такъ и не можешь! Бейте его!—кричалъ онъ изступленно, обра-

тившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватить въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.—Бейте его!—кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: „Ребята, впередъ! какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже приобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло.—Ребята, впередъ!—кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что миллионы ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роковая пуля, готовая захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?—сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?—сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу?—сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ
отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку,
да по-за спиною капитана-исправника выскальз-
нулъ на крыльцо...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА V.

ерой нашъ трухнулъ. однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками; но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. „Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!“ Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Чтò-жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому-жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное. „Чтò ни говори“,—сказалъ онъ самъ въ себѣ:—а не подоспѣй каштанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ-быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы, какъ вол-

дырь на водѣ, безъ всякаго стѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!“ Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

„Экой скверный баринъ!—думать про себя Селифанъ:—я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любить овесъ. Это его продовольство: чтò, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство“.

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: „Эхъ, ты, подлецъ!“ но, однакожь, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно,—не хорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскочила коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздался крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:—Ахъ, ты, мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: „сворачивай, ворона, направо!“—„Пьянъ ты, что-ли?“ Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь: „А ты что такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакъ заложилъ, что-ли?“ Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было,—все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ, сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только-что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца: ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на

глазахъ слезы —
все это въ ней бы-
ло такъ мило, что
герой нашъ гля-
дѣлъ на нее нѣ-

сколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую ку-
терьму между лошадьми и кучерами. „Отсаживай, что ли, нижего-
родская ворона!“ кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья
назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились
назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ
обстоятельствѣ чубарому коню такъ поправилось новое знакомство, что
онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колен, въ которую попалъ не-
предвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего
новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣ-
роятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхи-
валъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ де-
ревни, которая была къ счастью, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣ-
лище для мужика—сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты
или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ де-
ревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвя-
зали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попя-
титься; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую
почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями,
или, просто дурь, — только, сколько ни хлесталъ ихъ кучеръ, они не
двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до
невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: „Сту-
пай, Андрюшка, проводи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны,
а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Ми-
тй!“ Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался

на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучерь ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. „Стой, стой!“ кричали мужики: „садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!“ Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполнскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. „Теперь дѣло пойдетъ“, кричали мужики. „Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго,—что онъ корячится, какъ корамора?“ *) Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучерь, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватили, не переводя духа, стащію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась—дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ измѣненныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,—вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случилось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее, на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглухнувшей бѣдной деревушки, не выдавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожидан-

*) *Корамора* — большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только тошyrится, или корячится, какъ говоритъ народъ.

p. H. Dupont

...comme un homme qui se bat
avec un homme.

нымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша—гусарь ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только-что начавшій жизненное поприще—и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, чтò ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. „Славная бабѣшка!“ сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. „Но вѣдь чтò, главное, въ ней хорошо?—Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то-есть именно того, что у нихъ есть самага непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, чтò ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянъ,—и выйдетъ дрянъ! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнять всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станетъ вороваться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается наконецъ сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ вратъ всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ чтò!“ Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: „А любопытно бы знать, чьихъ она? чтò, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выдти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка“. Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ фореитора или кучера, кто такіа были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и

сосновый, какъ два крыла—одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами,—домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сарай и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленные на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирченныхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодезь былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на чтò ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на

Руси балалайки, двухструнные, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: „Прошу!“ и повелъ его во внутреннія жилища.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось, и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча:хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ,хватила въ другой—вышли губы,большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не осклбивши,пустила на свѣтъ,сказавши: „живетъ!“ Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголь печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: „Не беспокоилъ ли я васъ?“ Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого беспокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: „прошу!“ Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно, какимъ образомъ и для чего, номѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой

Шалькевичъ

одна нога
казалась
больше все-

го туловища тѣхъ щеголей,
которые наполняютъ ны-
нѣшнія гостиныя. Хозяинъ,
будучи самъ человѣкъ здо-

ровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали
тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, ви-
сѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми
крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не
успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась
и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, пере-
крашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову
прямо, какъ пальма.

— Это моя Феодулія Івановна! — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Феодуліи Івановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ рассоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ:—

Павель Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь по-

Малькевичъ

знакомиться.

Феодулія Івановна попросила садиться, сказавши тоже: „Прошу!“ и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериновымъ платкомъ и уже не двинула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клеткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпныхъ четырехъ ногахъ—совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья—все было самага тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: „И я тоже Собакевичъ!“ или: „И я тоже очень похожъ на Собакевича!“

— Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора: „въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время“.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя,—отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой?—сказалъ Собакевичъ, глядя на уголь печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ-быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что масонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ—какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники.—Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ,—продолжалъ онъ.— Но, позвольте же, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много.

Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойниче!—сказалъ Собакевичъ.—Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ, да еще вице-губернаторъ—это Гога да Магога.

„Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, — подумалъ про себя Чичиковъ. — А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, ка-

жется,
другъ
его“.

— Впрочемъ, что до меня,—сказалъ онъ: — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ!—сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно:—продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ хриstopродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ—прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Чтò-жъ, душенька, пойдемъ обѣдать,—сказала Собакевичу его супруга.

— Прощу!—сказалъ Собакевичъ. За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ

водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ, — что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневою кашей, мозгомъ и ножками. — Этакой няни, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, — вы не будете ѣсть въ городѣ; тамъ вамъ чортъ знаетъ что подадутъ!

— У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ готовится, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купить вонъ тотъ каналья-поваръ, что выучился у французца, кота, обдереть его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты непріятность говоришь! — сказала супруга Собакевича.

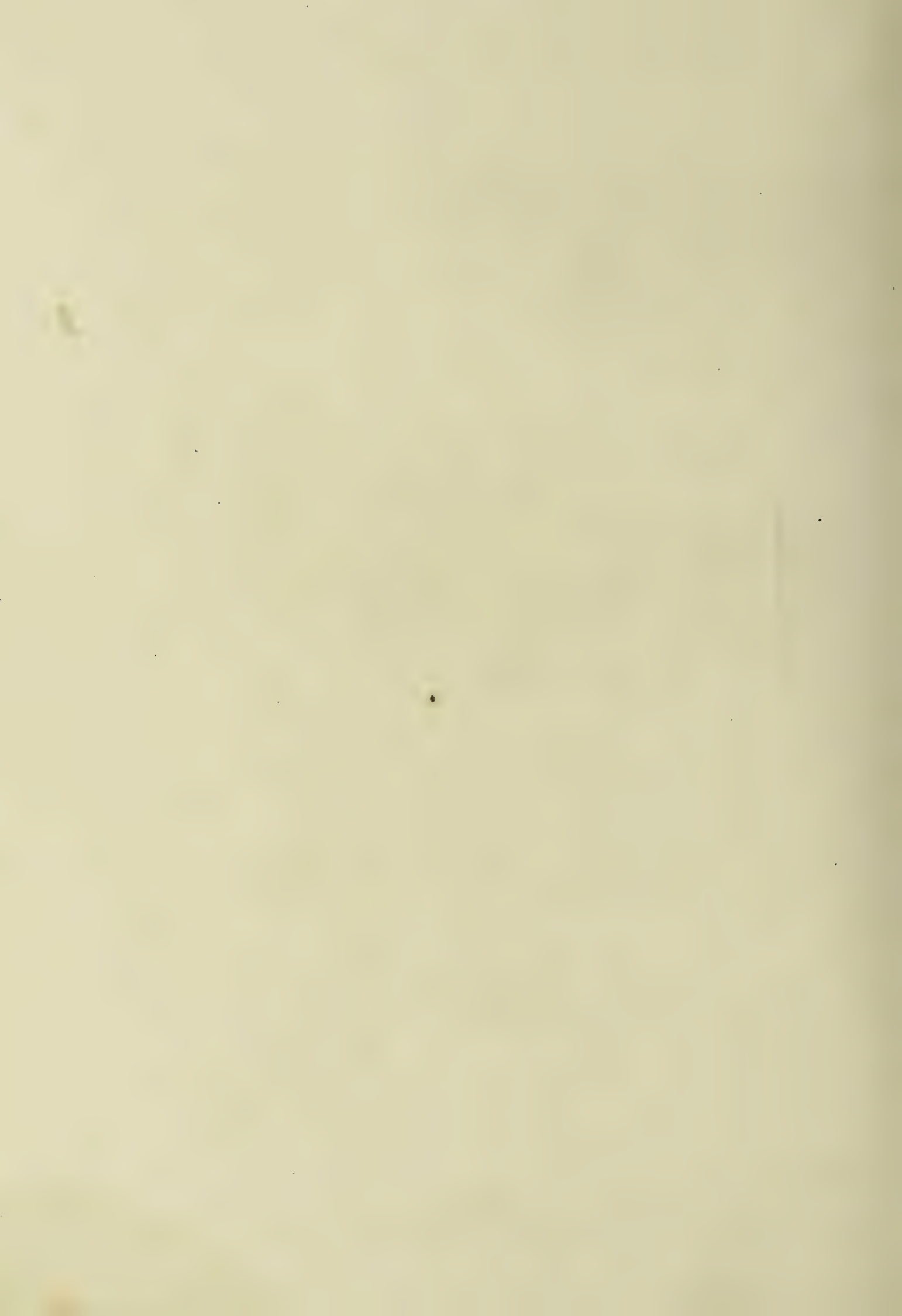
— А что-жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всехъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, да въ супъ! туда его!

М. Горький

он был на моем пути, он казался великим человеком
на своей величавой дороге

— Ты за столомъ всегда этакое расскажешь, — возразила опять супруга Собакевича.

— Что-жъ, душа моя, — сказалъ Собакевичъ: — если-бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хотъ сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: — это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діету — лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они

воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все... — Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. — Т о л к у ю т ъ — про-свѣщенъе, про-свѣ-щенъе, а это про-свѣщенъе... фукъ! Сказалъ

бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ. — Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

— Да, — подумалъ Чичиковъ, — у этого губа не дура.

— У меня не такъ, — говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: — у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ, — отвѣчалъ Собакевичъ. — Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду? — подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ: — и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ!— воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное бѣненіе.— Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!— сказалъ Собакевичъ.— Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ,— отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая по минутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами: — Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: — рѣдька, вареная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ!— сказалъ Собакевичъ.— Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!

Хозяйка уже изъяснила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: — Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ, и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства, и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все

слушать, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жиз-

ненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ

Собакевичъ

не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не называть души умершими, а только несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— Итакъ?.. — сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? — спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, — отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: — несуществующихъ.

— Найдутся; почему не быть... — сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, — сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

„Чортъ возьми! — подумалъ Чичиковъ про себя: — этотъ уже продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!“ — И проговорилъ вслухъ: — А, на-примѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку, — сказалъ Собакевичъ.

— По сту! — вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

— Что-жъ, развѣ это для васъ дорого? — произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: — А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положи руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!

— Экъ куда хватили — по восьми гривенокъ!

— Что-жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, съ-
щете такого дурака, который
бы вамъ продалъ по двугри-
венному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ
вы ихъ называете ревизски-
ми? Вѣдь души-то самыя
давно уже умерли, остался
одинъ неосязаемый чувства-

ми звукъ. Впрочемъ, что-
бы не входить въ даль-
нѣйшіе разговоры по этой
части, по полтора рубля,
извольте, дамъ, а больше
не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите
настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу

чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать, — говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь?—сказалъ Собакевичъ:—право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянъ, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

— Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплѣхинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станеть за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но, позвольте, — сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: — зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это весь народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говорить пословица.

— Да, конечно, мертвые, — сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые; а а потомъ прибавилъ: — впрочемъ и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? — мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы

съ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту! — Последнія слова онъ уже сказать, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратиона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремить взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать,—сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте—по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями—право, только для знакомства!

„Что онъ въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ про себя Чичиковъ: — за дурака, что ли, принимаетъ меня?“ — и прибавилъ потомъ вслухъ: — Миѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе, или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто—фу, фу! Что-жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть, нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелъ, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамиліныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

— Миѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамиліныя не мѣшаюсь,—это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика,—сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! *Затвердила сорока Якова—одно про всякаго*, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

„Ну, ужъ чортъ его побери! — подумалъ про себя Чичиковъ: — по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!“ — Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!

— Экой кулак! — сказал про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: — Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно

серьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ ни-почемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой

сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать

ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки, — я это говорю между нами, по дружбѣ, — не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

— Вишь, куда мѣтитъ, подлецъ! — подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ: — Какъ вы себѣ хотите,

Далькевичъ

я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите— прощайте!

„Его не собьешь, не податливъ!“ — подумалъ Собакевичъ. — Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте!—сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ побережъся въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.—Прощу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйста, садитесь сюда! Прощу!—Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы:— А покажи, Миша, какъ бабы парятся? или:—А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово.—Тутъ Собакевичъ подѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ:—Хотите уголь?

— То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копѣйки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая-же ваша будетъ послѣдняя цѣна?—сказалъ наконецъ Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубля дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ правъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостію. Чичиковъ попросилъ спи-

сочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваніемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: — Экъ наградишь-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроены, да крѣпко сшиты!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолусти. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ бараньяго бока съ кашей, закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои — тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повидиѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: — Дай-ка, себя покажу! — Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, если бы всѣ кулаки!..

— Готова записка! — сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда! — Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ: любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйста же задаточекъ? — сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится, — возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Чтò-жъ десять! Давайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

М. Далъкевичъ.

- „Да на что-жъ вамъ росписка?“
— „Все, знаете, лучше росписку. Не ровень часть...
все можетъ случиться“.
— „Хорошо, дайте же сюда деньги“.
„На что-жъ деньги? „

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:—Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только росписку.

— Да на что-жъ вамъ росписка?

— Все, знаете, лучше росписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что-жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишете росписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? Прежде нужно видѣть деньги

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка-то старенькая, — произнесъ онъ, разматривая одну изъ нихъ на свѣтъ: — немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

„Кулакъ, кулакъ! — подумалъ про себя Чичиковъ: — да еще и бестія въ придачу!“

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ пона, а кто попадаю*, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, — говорилъ Чичиковъ прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать:

что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посетили; прошу и впередъ не забывать; коли выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ-быть, опять случится услужить чѣмъ-

нибудь другъ другу.

„Да, какъ бы не такъ! — думаль про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. — По два съ полтиною содраль за мертвую душу, чортовъ кулакъ!“

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человекъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянъ взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыль-

цѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

— Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ! — проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось захватить къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи; но не хотѣ-

лось, чтобы Собакевичъ знать про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, подпавши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ чтобы не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Чтò-жъ, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ подернуло! Скрегу Плюшкина не знаешь,—того, чтò плохо кормить людей?

— А! заплаканной, заплаканной!—вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплаканной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадаться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, однакожъ все еще уемѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградить кого словомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, чтò вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, чтò не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами,—главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ,—носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенностями и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выражении его часть собственного своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется слово британца;

легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово французъ; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-художавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самого сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА VI.

режде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта
невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ
было весело подъѣзжать въ первый разъ къ
незнакомому мѣсту; все равно, была ли то деревуш-
ка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка,—
любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любо-
пытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило толь-
ко на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности,
все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣст-
ной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинѣше-
пекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣ-
щанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполь,
весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣ-
ленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный,
попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго

вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ

пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ

себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсемъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ вестись разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я уга-

дать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толеть ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицею, и черноглазы ли онъ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмурень, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говорить про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользить теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покаместъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и неберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ

строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вѣдро и сама не каплетъ, бабится же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ,—словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой—опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянуть весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомерно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетolistными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воз-

духъ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косою, остро-конечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревьевъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленые чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныхъ своихъ вершинахъ. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполне отдѣленные вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ

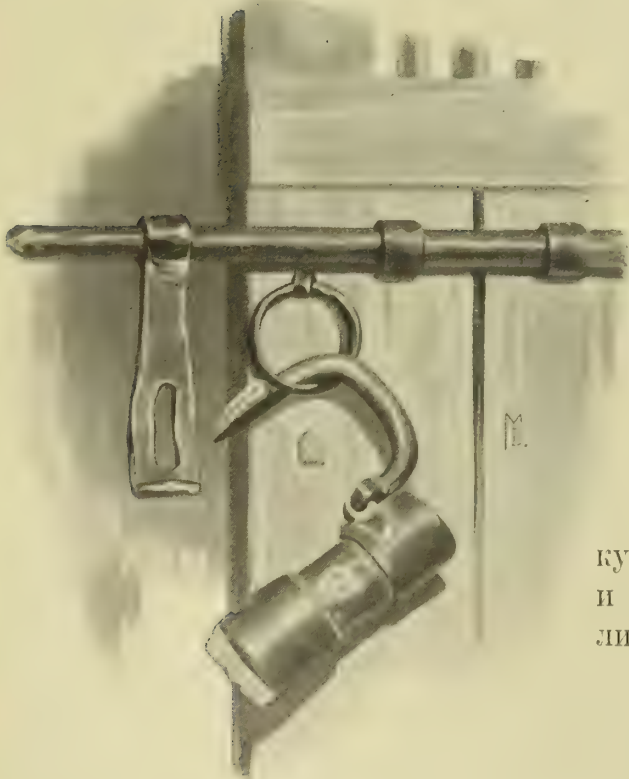

изсохшими листьями.

Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни при-

родѣ, ни искусству, но какъ бываесть только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по пагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчить тяжелыя массы, уничтожить грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой плашъ, и дать чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строений,—людскихъ, амбаровъ, погребовъ,—видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни открывающихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ му-

жикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинь. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура—баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капоть; на головѣ

колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. „Ой, баба!“ подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: „Ой, нѣтъ!“—„Конечно, баба!“ наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ

своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички: — что баринъ?..

— Нѣтъ дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ беспорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромодили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сло-манный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятни-комъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ пер-ламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то ста-ринная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ, не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка кресель, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая пись-момъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка совер-шенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшено было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія съ огром-ными барабанами, кричащими солдатами въ треугольных шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму красного дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты,

II. Бабинъ.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣннѣ.

разрѣзанный арбузъ,
кабанью морду и ви-
сѣвшую головою внизъ
утку. Съ середины потолка
висѣла люстра въ холстин-
номъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣ-
лавшаяся похожею на шелко-
вый коконъ, въ которомъ си-
дитъ червякъ. Въ углу комнаты была
навалена на полу куча того, что по-
грубѣе и что недостойно лежать на

столахъ. Что именно находилось въ кучѣ—рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣ-

щаль его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разматривалъ все странное ея убранство, от-

ворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а

этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ терпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

- Что-жъ баринъ? У себя, что ли?
- Здѣсь хозяинъ,—сказалъ ключникъ.
- Гдѣ же?—повторилъ Чичиковъ.

— Чтò, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказать ключникъ. — Эхва! А вѣтъ хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ-быть, никогда не придется увидеть; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назадъ, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣд-

наго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слѣшкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыromятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ на-

готовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣтъ всякое дерево, шитое, точенное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣлки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробы изъ тонкой гнутой

осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладыны, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ — говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

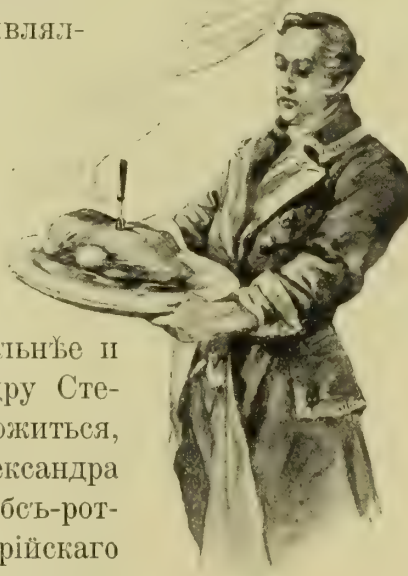
А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярныя станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всеѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаниемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было приятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ милостивныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всеѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты все окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерокъ или утокъ, а иногда

Гоголь. «Мертвыя Души».

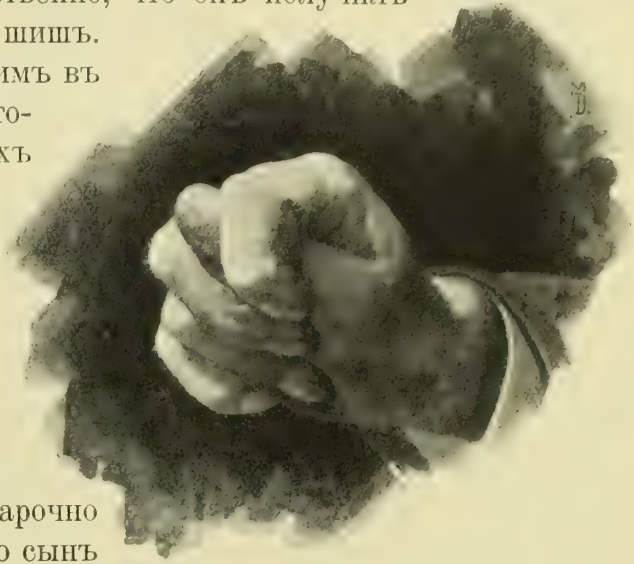

и одни воробышныя
яйца, изъ которыхъ заказывалъ
себѣ яичницу, потому что болыше въ цѣ-
ломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресо-
ляхъ жила также его компаніютка, настав-
ница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являл-
ся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣ-
сколько поношенномъ, но опрятномъ;
локти были въ порядкѣ; нигдѣ
никакой заплата. Но добрая хо-
зяйка умерла; часть ключей, а съ
ними мелкихъ заботъ, перешла къ
нему. Плюшкинъ сталъ безпокой-
нѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и
скупѣе. На старшую дочь, Александру Сте-
пановну, онъ не могъ во всемъ положиться,
да и былъ правъ, потому что Александра
Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-рот-
мистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго
полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро,
въ деревенской церкви, зная, что отецъ не
любитъ офицеровъ по страшному предубѣж-

Е. Гамовъ: Плюшкинъ

денію, будто-бы все военные—картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пишу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться; они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ

съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на челоуѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внуку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадахъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадаетъ на Руси, гдѣ все любить скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ иоразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣ-
сколько ми-
нута стоялъ
Плюшкинъ,
не говоря ни
слова, а Чичи-
ковъ все еще
не могъ на-
чать разгово-
ра, развлечен-
ный какъ ви-
домъ самого
хозяина, такъ
и всего того,
что было въ
его комна-
тѣ. Долго
не могъ онъ
придумать,
въ какихъ
бы словахъ изъ-
яснить причину сво-
его посѣщенія.

Онъ уже хотѣлъ было вы-
разиться въ такомъ духѣ, что, наслы-
шась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ
души его, почелъ долгомъ принести лично
дань уваженія; но спохватился и почув-
ствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бро-
сивъ еще одинъ взглядъ на все, что было

въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель* и *рѣдкія свой-
ства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія* и *порядокъ*;
и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, на-
слышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ
за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно
бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело
тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, — ибо зубовъ
не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ та-
ковъ: — А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ! — Но такъ
какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ си-

лахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятиѣ: — Прошу покорнѣйше садиться!

— Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ: — да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренебрежительный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

„Вонъ оно какъ! — подумалъ про себя Чичиковъ: — хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока“.

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клочъ въ цѣломъ хозяйствѣ! — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!

— Мнѣ, однакоже, сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ: — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровѣнной купъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ: — да лихъ-то, что съ того времени, до ста двадцати наберется.

— Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать? — воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! — сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуеть.

— Да вѣдь себолѣзнованіе въ карманъ не положишь, — сказалъ

Плюшкинъ.—Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говорить — родственникъ: — Дядюшка, дядюшка!—и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣнику, чай, на - смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя

обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ:—Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво — служилъ по статской.

— По статской?—повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой! — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!.. — Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты,

какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. — Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

„Ну, ты, я думаю, устоишь!“ — подумалъ про-себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошелъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: — Эй, Прощка! — Черезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прощка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прощки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оста-

влялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія измороси, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Пстой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблеть его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. — Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова по-сматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про-себя: — Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ-быть онъ, просто, хвастунъ, какъ все эти могишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ! — А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкапу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ: — Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ: — мошенница-ключница совсѣмъ было его за-

М. Далкевичъ.

... Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ,
который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ.

бросила и даже не закупорила, каналья! Козивки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказать отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили ужё и ѣли! — сказалъ Плюшкинъ. — Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ этакъ какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: Дядюшка,—говорить,—дайте чего-нибудь поѣсть!—А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣстъ, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть.—Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ, вытащилъ бумажку, всю неписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешъ; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ—или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!—вскричалъ онъ.—Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно, къ нему.

— Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ бе-

рега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользящимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказала онъ: — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарить вездѣ и, наконецъ, закричалъ: — Мавра, а Мавра! — На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, oprичъ небольшого лоскутка, которымъ извоили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на чтò-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуеть, такъ ты ему и снесла.

— Да понамаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ.

— Да за чтò же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки?

Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: а вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала! да горячими-то тебя и припекутъ!

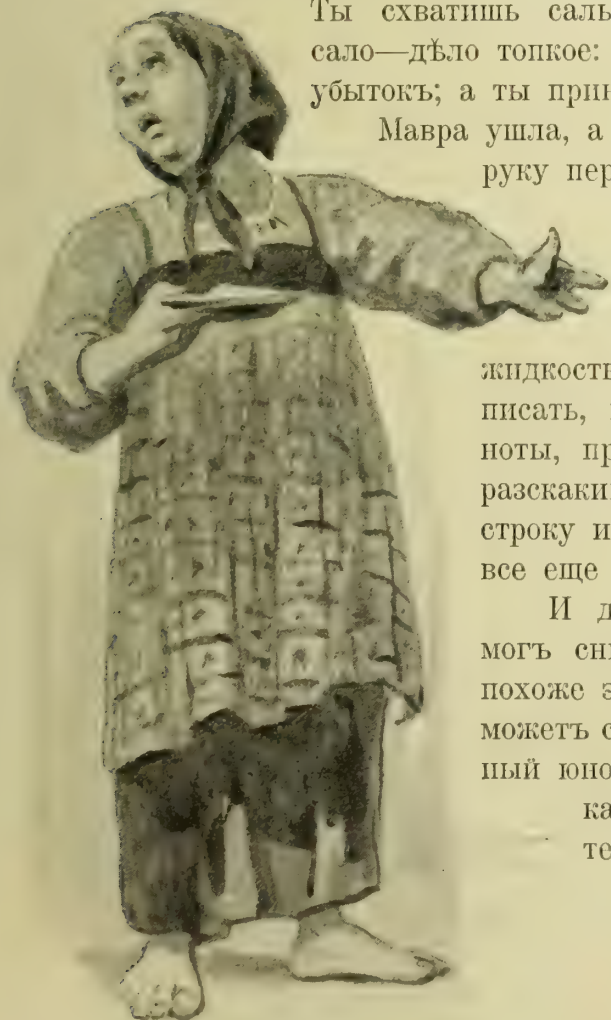
— А я скажу: Не за чтò! ей Богу, не за чтò: не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:—Ну, что-жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой!

Ты схватишь сальную свѣчу; сало—дѣло топкое: сгоритъ да и пѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на все стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлать отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая раскакивалась по всей бумагѣ, лѣня скупно строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мяг-

нихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосердіе ея, на могилѣ напишется: „здесь погребенъ человекъ“; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля, — сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: — которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя?—быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говорить, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человекъ военный: мастеръ при-топывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется,

— Нѣтъ?

— А, ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прозорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посоветуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная денюга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

— Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ,—сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоять болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснуть, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали?—спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожи-дѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копеекъ за душу.

— А какъ вы покупаете—на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.

— Почтеннѣйшій!—сказалъ Чичиковъ:—не только по сорока копѣекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу—почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А, ей Богу такъ! Ей Богу, правда!—сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее: — все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему-же не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, по... состоянью нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили—семьдесятъ?

— Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ...—Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ:—это будетъ двадцать четыре рубля девятию шесть копѣекъ!—Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдать ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящичковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ-быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресло и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать?—сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.

— Да, мнѣ пора!—произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прощка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положить на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я уже снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословить васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!

За симъ; это странное явленіе, этотъ съжившійся старикашка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбравивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. — Я ему подарю, — подумалъ онъ про себя, — карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые, — немножко поспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправить; онъ чело­вѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ, — прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, — лучше я оставляю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы воспоминалъ обо мнѣ.

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное приоб­рѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ чело­вѣкъ! Конечно, еще подѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывать губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и наконецъ затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: — Вишь ты, какъ баринъ поетъ! Были уже густые сумерки, когда подѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣшались тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ

Шукевичъ.

Р. М. 1880 г.

выдасть ему деньги, которыми отецъ принялъ въ
свои руки, и несетъ ихъ въ сѣнь съ тѣмъ же все-
рѣшительнѣмъ, какъ будто бы несъ какую нибудь
важную, свѣдѣнную вещь, чтобы рѣшительно и

шальных и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: — Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубiанства! или: — Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу! Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтававшегося двадцатилѣтняго юношу, когда возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскiй образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзть изъ брички. Половой тоже выѣжалъ со свѣчею въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, — сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, когда взшелъ на лѣстницу. — Ну, а ты что?

— Слава Богу, — отвѣчалъ половой, кланяясь. — Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдые лошади.

— Хорошо, хорошо, води себя и впередъ хорошо! — сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ: — Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!

— Да я ихъ отпиралъ, — сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливыя, которые не вѣдаютъ ни гемороя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками — и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни

разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ употительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ парить орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣтъ признательныхъ слезъ и единоплеменнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяннѣ имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянные созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ, съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скomorоха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю: безъ раздѣленія, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣ-
лено мнѣ чудной
властью идти
объ руку съ
моими стран-
ными героя-
ми, озирать
всю громад-
нонесущуюся
жизнь, ози-
рать ее сквозь
видный міру
смѣхъ и незри-
мая, невѣдомыя
ему слезы! И далеко
еще то время, когда новымъ

ключемъ грозная вьюга вдохновенія поды-
нется изъ облеченной въ священный ужасъ и
блистанье главы, и почувють, въ смущенномъ
трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и
строгий сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей
ее беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что дѣлаетъ
Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что
выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ
рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ
малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не по-
смотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ,
какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма
часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это
происходило во время бритья.—Вотъ, посмотри,—говорилъ онъ обыкно-
венно, поглаживая его рукою:—какой у меня подбородокъ: совсѣмъ
круглый!—Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо,
а прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными
выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ,
благодаря халатнымъ побужденіямъ русской натуры, и, по-шотландски,
въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличные
среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя
весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ
дѣлу: передъ шкапулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ,

какъ потирасть ихъ, выѣхавшій на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынуть изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Форменный поря-

докъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года*; потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкимъ: *помыщикъ такой-то*, и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ-быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому, чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостью въ слогахъ: часто были выставлены только начальные слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано: — хорошій столляръ; — къ другому приписано: — дѣло смыслить и хмельного не беретъ. — Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія, у одного только, какого-то Федотова, было написано: —

отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго права и не воръ.—Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотра долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: — Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Чтò вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебывались?—И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать:—Эхъ какой длинный, во всю строку разѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертию тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или среди дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ?—Пробка Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной*. — А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ

хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ и государственную зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ. Гдѣ тебя прибрало? Возмостился ли ты для большаго прибытку подъ церковный куполь, а, можетъ-быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о-земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, промолвилъ:—Эхъ, Ваня, угораздило тебя!—а самъ, подвизавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе, сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ*, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою расскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалялся тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье:—А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ,—сказалъ ты:—да не такъ, какъ нѣмецъ, чтò изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю.—И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ са-

И. Бажинъ.

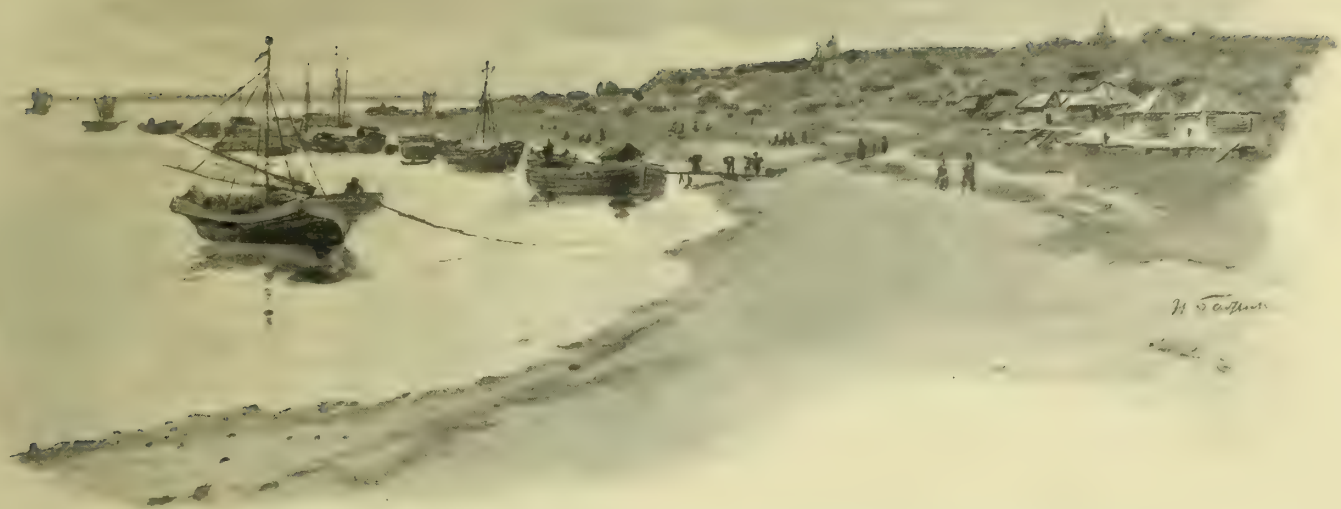
... „Что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку сво-
емъ? Какъ перебивались?“ ...

погѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбрали тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя заустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая:—Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!—Это что за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!—Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда—неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву з, то-есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже онъ это не принялъ въ уваженіе и тутъ же ее вычеркнулъ. — Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промыслялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріатели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременные твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатахъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!—А вы что, мои голубчики? — продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина:—вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку? то же, что и мертвые. И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю?—Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти, и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны.—Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. — Чей ты? — говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо.—Такого-то и такого-то помѣщика, — отвѣчаешь ты бойко. — Зачѣмъ ты здѣсь?—говоритъ капитанъ-исправникъ. — Отпущенъ на оброкъ, — отвѣчаешь ты безъ запинки. — Гдѣ твой пашпортъ?—У хозяина, мѣщанина

Пименова.—Позвать Пименова! Ты Пименовъ? —Я Пименовъ.—Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?—Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта.—Чтò-жъ ты врешь?—говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца.—Такъ точно,—отвѣчаешь ты бойко:—я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на поддержаніе Антипу Прохорову, звонарю.—Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?—Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта.—Что-жъ ты опять врешь?—говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ.—Гдѣ-жъ твой пашпортъ?—Онъ у меня былъ,—говоришь ты проворно:—да, статься-можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его.—А солдатскую шинель,—говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое слово:—зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?—Никакъ нѣтъ,—говоришь ты, не сдвинувшись:—въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался.—А почему же шинель пашли у тебя?—Не могу знать: вѣрно кто-нибудь другой принесъ ее.—Ахъ, ты бестія, бестія!—говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись за бока.—А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму.—Извольте, я съ удовольствіемъ,—отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и спрашиваешь ихъ, давно ли онѣ въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весъегонскъ; и ты пореѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище:—Нѣтъ, вотъ весъегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше.—„Абакумъ Өыровъ! Ты, братъ, чтò? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?..“

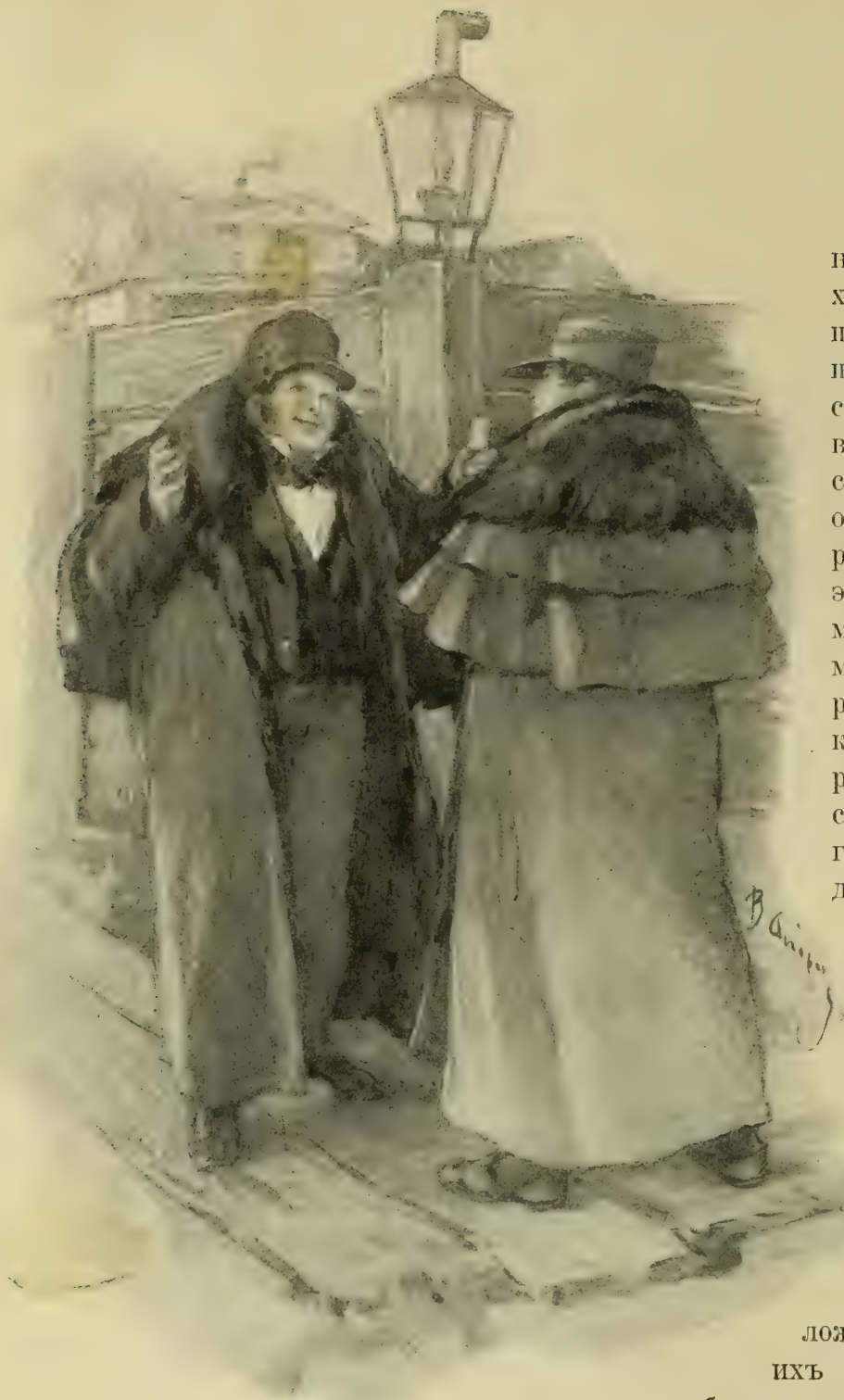
Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участію Абакума Өырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслить объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Өыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики между гѣмъ, при крикахъ, браняхъ и попуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по

девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валяютъ кули съ овсомъ и крупой, и далече видѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы работаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

— Эхе, хе! двѣнадцать часовъ! — сказалъ наконецъ Чичиковъ, взглянувъ на часы.—Что же я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другого, сначала заговорилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!

Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузь и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, — опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанію, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додаться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и

неловко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ, на самомъ поворотѣ въ переулокъ, столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ—это былъ Маниловъ.

Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣ-

ихъ сторонъ такъ были

сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались

только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что?

— Мужички.

— А!—онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка.—Славно написано,—сказалъ онъ:—не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте,—сказалъ Маниловъ.

— Вы?

— Жена.

— Ахъ, Боже мой! Миѣ, просто, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріатели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою,

присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они

дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственные мѣста—большой трехъ-этажный каменный домъ,

весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно,

для изображенія чистоты душъ

помѣщавшихся въ немъ долж-

ностей. Прочія зданія на

площади не отвѣча-

ли огромностью

каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извоз-

и б о л о т н ы

чичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту-жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руку со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ, принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на-бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганіи земли или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ, подъ сего покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: „Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!“ — „Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!“ Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: „На, переписи! а не то—снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“. Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣтъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили:

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

— А что вамъ нужно?—сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ, гдѣ, а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные,—сказалъ онъ:—я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.

Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою:

— Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же?

— Это въ крѣпостной экспедиціи.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь крѣпостной столъ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ, — не то, что молодой болтунъ и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было

то лицо, которое называютъ въ общежитіи кувшиннымъ рыломъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція? — сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, — поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у

разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.

— А продавцы на-лицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня!.. Сегодня нельзя, — сказалъ Иванъ Антоновичъ: — нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе, — сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

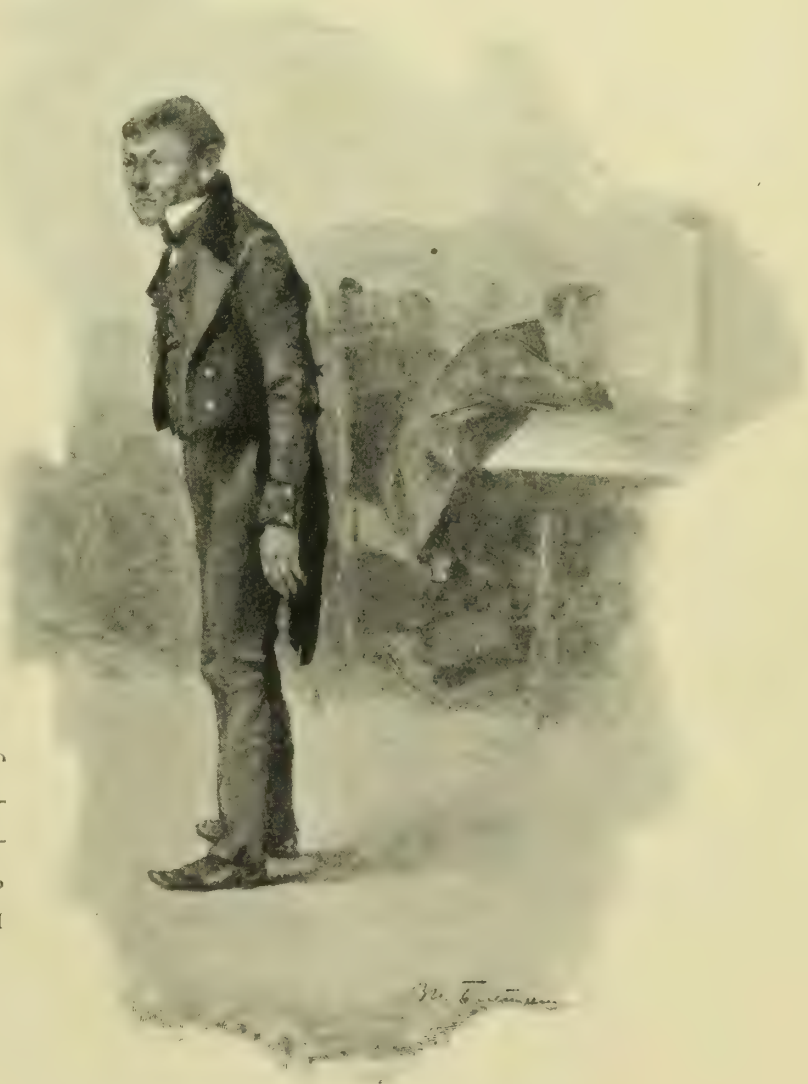
Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ:

— Другіе тоже не будутъ въ обидѣ; я самъ служилъ, дѣло знаю...

— Идите къ Ивану Григорьевичу,—сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе:—пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ, и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся, — приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѧемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за чтò и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора, — прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда *Виргилій* прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли однѣ только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зеркаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, председатель. Въ этомъ мѣстѣ новый *Виргилій* почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и повернулся назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что председатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ *Собакевичъ*, совершенно заслоненный зеркаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственный

кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими руками. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Одна-

коже онъ поблагодарить председа­теля и, обра­тившись тутъ же къ Собакевичу, спросить:

— А ваше какъ здоровье?

— Славу Богу, не пожалуюсь,— сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что было жаловаться: скорѣе же­лѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформиро­ванный помѣщикъ.

— Да вы всегда славились здоровьемъ,—сказалъ предсѣ­датель:—и покойный вашъ батюшка былъ также крѣп­кій человекъ.

— Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ,— отвѣ­чалъ Собакевичъ.

— Миѣ кажется, одна­кожъ,—сказалъ предсѣдатель:— вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выйти противъ него.

— Нѣтъ, не повалю,— отвѣчалъ Собакевичъ:— покойникъ былъ меня покрѣпче. — И, вздохнувши, продол­жалъ:— Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь, что за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна?—сказалъ предсѣдатель.

— Не хорошо, не хорошо! — сказалъ Собакевичъ, покачавъ голо­вою.—Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей вы­скочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это.

— Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

— Экъ его!—подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣда­тель:—на что вздумалъ пенять!

— Къ вамъ у меня есть письмо, — сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого? — сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, восклик­нулъ:—а, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человекъ! А теперь...

— Собака,—сказалъ Собакевичъ:—мошенникъ, всѣхъ людей переморить голодомъ.

— Извольте, извольте,—сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо:—я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?

— Теперь,—сказалъ Чичиковъ:—я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости, и просьбу.

— Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ,—сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ:—Иванъ Антоновичъ здѣсь?

— Здѣсь!—отозвался голосъ изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...

— Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ, — подхватилъ Собакевичъ: — нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ—они всѣ даромъ бременяютъ землю.

— Именно, именно!—сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ,—сказалъ Чичиковъ:—пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку,—сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служить у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ! — сказалъ предсѣдатель: — все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятелі мои не должны платить.

Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣ-

сколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженіемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ:

— Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы приобрѣли.

— Приобрѣлъ,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! Право, благое дѣло!

— Да я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности.

Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по-дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказали онъ самъ себѣ: „Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!“ Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороченный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

— Да что-жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу,—отозвался Собакевичъ: — что такое именно вы приобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое приобретеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали? — сказалъ предсѣдатель. — Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ...

— Кто, Михѣевъ умеръ? — сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись. — Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На-дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михѣевъ славный мастеръ, — сказалъ предсѣдатель: — и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ, — вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!

А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи

людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукою:

— А такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру! — Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ:—Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ предсѣдатель: — какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?

— На выводъ.

— Ну, на выводъ—другое дѣло; а въ какія мѣста?

— Въ мѣста... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли! — сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ, — столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть.

Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ пенарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: „Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!„

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргуинъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентovýchъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.

— Итакъ, — сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено: — остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готовъ,—сказалъ Чичиковъ.—Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для такого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ,—сказалъ председатель:—это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что, господа? Покаместъ что, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудотворецъ: ему стòитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистигу.

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованіи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову:

— Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне? — отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: — препустой и преничтожный народъ, и половины не стòитъ.

Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почему купили душу у Плюшкина?—шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья зачѣмъ приписали?—сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья?—сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву з поставили на концѣ.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ,—сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались наконецъ гурьбой до дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ

онъ, въ чемъ дѣло, въ ту-жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: „понимаешь?“ а ужъ тамъ, въ другой комна-

тѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзались въ вистъ, появилась на столѣ бѣ-

луга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки,—это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки 9-ти-пудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благодотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ за-служилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хотъ дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплеть, и засмѣется, и чаемъ напоить, пообѣщается и самъ притти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, чтò и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвить тому-другому: „Чтò, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку“.—„Да, Алексѣй Ивановичъ“, отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: „нужно бы“.—„Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысакъ: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложитъ въ бѣговья; попробуемъ“. Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: „Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!“ Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: „Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!“ Словомъ, онъ успѣлъ приобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ „хотъ оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ“.

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, замѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, — какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, — приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками

къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣстъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши:

— А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведеніе природы?

Подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенія природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ

какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпить, какъ читатели, можетъ-быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрасивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ:

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ—избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?

— Женимъ, женимъ!—подхватилъ председатель.—Ужъ какъ не упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Чтò-жъ? зачѣмъ упирайтесь руками и ногами,—сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ:—женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста.

— Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, чтò хотите!..

— А коли будетъ...

— Браво, остается!—закричали все:—вивать, ура, Павелъ Ивановичъ! ура!

И все подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечекался со всеми.

— Нѣтъ, нѣтъ, еще!—говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечекались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечекались и въ третій разъ.

Въ непродолжительное время всемъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ пріятельный человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнесъ въ изліяніи сердечномъ:

— Душа ты моя! маменька моя! — и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню:— Ахъ ты такой и этакой, комаринскій мужикъ!

Послѣ шампанскаго, раскупорили венгерское, которое придало еще

болѣе духу и развеселило общество. Обѣ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ—обѣ политикѣ, обѣ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ обѣ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ къ сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную переключку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ:

— Ступай раздѣвать барина!

Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ-де завалился спать—можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ, отнеся въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагурия дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ:

Н. Пирогов.

Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина.

и брившихъ, и небрившихъ бороды, и въ наготѣныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахъ, а кое-кто и во фризовой шинели. Чтò дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ

всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлая четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ одолѣли ее и вошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхъ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ-быть, въ

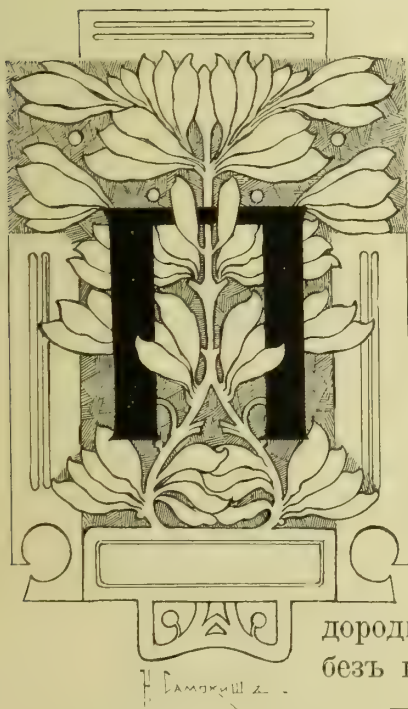
людкой, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все утомилось, и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА VIII.

окупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, миѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета.

— Конечно,—говорили иные:—это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.

— Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбо-

пашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора — убѣжитъ, какъ дважды два, наостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.

— Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія.

— Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ—просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже.

— Никогда, никогда,—говорилъ управляющій казенными фабриками:—повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобы онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ такъ лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника.

— Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя.

— Да, найдете управителя: всѣ мошенники!

— Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.

— Это правда!—подхватили многіе.

— Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей—у него будетъ всегда хорошій управитель.

Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ:

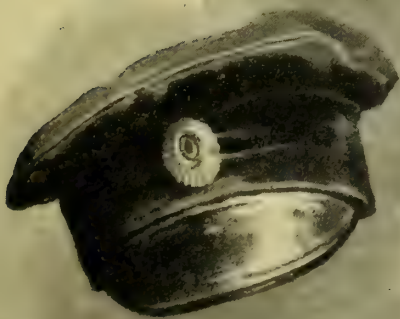
— Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?

Но председа́тель сказа́ть:

— Нѣтъ, не въ по́су, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именнѣо—Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!

Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно утѣшала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитанъ-исправникъ, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостію и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ

не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отменно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно—пронеслись слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ случаевъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: „Любезный другъ, Илья Ильичъ!..“—„Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!..“—„Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ“. Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: „Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?“ Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть „Людмилу“ Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостью, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: „Боръ заснулъ, долина спитъ“ и слово: „чу!“ такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для большаго сходства, онъ даже въ это время замуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдаль болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юшовы „Ночи“ и „Ключъ къ таинствамъ патуры Экартегаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, „успашить“ рѣчь. А ушашивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: „сударь ты мой, этакій какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ“, и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; ушашивалъ онъ рѣчь тоже удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто „Московскія Вѣдомости“, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то-есть, челоуѣкъ, котораго нужно было подымать шинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди

надежные — чахоточнаго между ними
 никого не было. Все́ были такого рода,
 которымъ жены, въ нѣжныхъ разгово-
 рахъ, происходящихъ въ уединеніи, да-
 вали названія: кубышки, толстунчика,
 пузантика, чернушки, кики, жужу и
 проч. Но, вообще, они были народъ
 добрый, полны гостепріимства,
 и человѣкъ, вкусившій съ ни-
 ми хлѣба-соли или просидѣв-
 шій вечеръ за вистомъ, уже
 становился чѣмъ-то близ-
 кимъ, — тѣмъ болѣе Чичи-
 ковъ, съ своими обворожи-
 тельными качествами и пріе-
 мами, знавшій въ самомъ дѣ-
 лѣ великую тайну нравиться.
 Они такъ полюбили его, что
 онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться
 изъ города; только и слышалъ онъ: „Ну,
 недѣльку, еще одну недѣльку поживете
 съ нами, Павелъ Ивановичъ!“ словомъ, онъ былъ
 носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно за-
 мѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ
 изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-
 нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ
 ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душев-
 ные качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны остано-
 вливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ
 другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N
 были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ
 дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно—
 совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сп-
 дить въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предо-
 ставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на
 палитрѣ; а намъ придется—развѣ слова два о наружности, да о томъ,
 что поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что называютъ, пре-
 зентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить
 въ примѣръ все́мъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти
 тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а
 особенно соблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ

онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы,

перессорились совершенно,—именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ,—оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались „во взаимномъ нерасположеніи“, по выраженію городского свѣта. На счетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія велико-

душныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, чтò, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, чтò называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, чтò происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно

многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: „я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула“, а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: „этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ“; и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: „этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя“, или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; зато ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностиѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*, — не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни сѣ, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ расчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получаютъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хотъ забѣгутъ ему впередъ, хотъ засмѣются, хотъ снимутъ шляпу, хотъ попросятъ насильно на тотъ обѣдъ, куда, узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже во многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но зато таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходяв-

шихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни, у одной изъ дамъ замѣтили внизу такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то-есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на

столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: „Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!“ Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: „Что жизнь наша? — Долина, гдѣ поселились горести. Что свѣтъ? — Толпа людей, которая не чувствуетъ“.

Затѣмъ писавшая упоми-

нала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чи-

чикова въ пустыню — оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душевныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяніемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горницы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла въ слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналь.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекательскаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ и, наконецъ, сказалъ:

— Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!

Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ:

— А письмо очень, очень кудряво написано!

Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашеніе на балъ къ губернатору—дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту-жъ мину.у оставлено и отстранено

прочъ, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. Зато, можетъ-быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: „Ахъ ты, мордашка этакой!“ и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ распаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцевалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему навстрѣчу,—кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: „А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...“ Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. „Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!“ Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера; полицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ—архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфетный билетъ, а въ другой болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку, — только завизжала собачонка,—словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія.

Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится и онъ самъ изволилъ наконецъ пошутить, то-есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ,— смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, ка-

кой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновенію своему, нѣсколько на-бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндю и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ на-

рядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать — до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!“ Таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче широжнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эфирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатые стѣнки изъ тонкаго батиста извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напередѣ и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинные перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбуждательныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надрывнуться далѣе, — словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: „Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!“ Только мѣстами вдругъ высывался какой-нибудь невиданный

землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя — таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоялъ передъ ними, думалъ:

„Которая, однакоже, сочинительница письма?“

И высунуль было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизитокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзе, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій—все поднялось и понеслось...

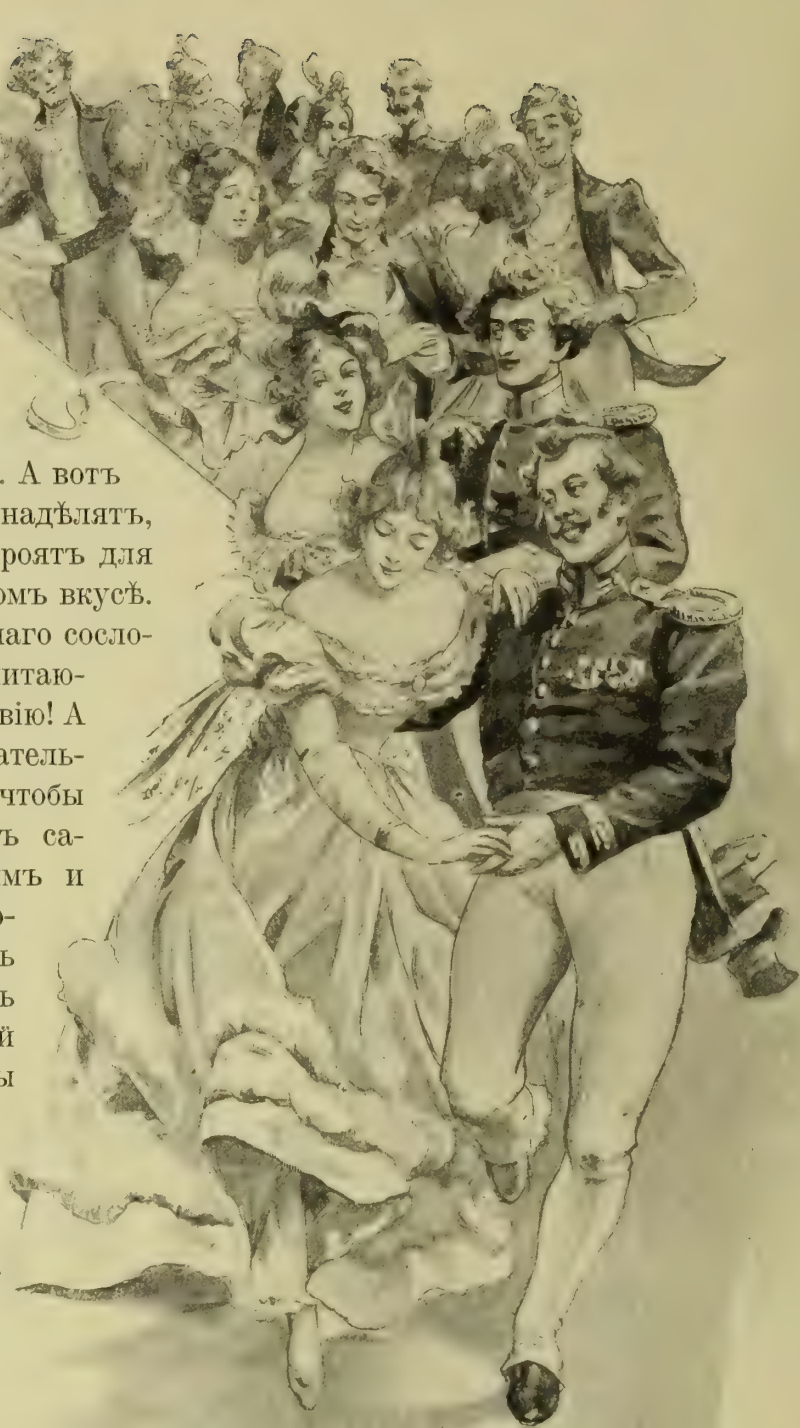
— Вона! пошла писать губернія! — проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое,—у, какое тонкое!..

„Нѣтъ“, сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: „женщины,—это такой предметъ...“ здѣсь онъ и рукой махнулъ: „просто, и говорить нечего! Поди-ка, попробуй рассказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человекъ—и поминай, какъ звали! Ужъ оттуда его ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащить. Ну, попробуй, напримѣръ, рассказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный—Богъ ихъ знаетъ какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или какъ инья говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще, нежели въ нѣгѣ,—такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантѣрная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!“

Виновать! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Чтò-жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виновать, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣляютъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣляютъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній—по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ

слѣдуетъ птицѣ; и даже фizioномію сдѣлають птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей фizioноміи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлать, развѣ изъ патріотизма выстроить для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели вышешаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непременно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ,—словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны

Евдокимъ, 1861

тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ:

— Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!

Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышинными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налево, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскиали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной

посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій,—которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ,—что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услы-

ГЛАВОКЛАДЪ-ПРОВОДНИКЪ

шалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: „А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..“ Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона,—въ духѣ того, что „неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?“ Герой нашъ повернулся въ ту-жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадаетъ на Руси, гдѣ любить все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша: — институтка, только-что выпущена.

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастье нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что позабылъ онъ: не платокъ ли?

но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все кажется, при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: „Позволено ли намъ, бѣднымъ

жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?“—„Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?“—„Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?“ Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить

его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ,—я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ,—есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее—лобъ ли, ротъ ли, руки ли—то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: „Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!“ или: какой правильный, очаровательный лобъ!“ У которой же хороши плечи, то увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: „Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!“ а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянуть, если же и взглянуть, то какъ-то на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣе въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того,

р. 11. Византизм

...Теперь наша картина имеет счастливый
и счастливый, несомненно, успех, и мы
спасаем

лось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, стать на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы парѣ-зывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, то-пенькій станъ, какой бываетъ у инсти-тутки въ первые мѣсяцы послѣ выпу-ска, ея бѣлое, почти простое платье, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чи-стыхъ линіяхъ. Казалось, она вся по-ходила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и вы-ходила прозрачною и свѣт-лою изъ мутной и непро-зрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бы-ваетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обра-щаются въ поэтовъ; но сло-во *поэтъ* будетъ уже слиш-комъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть - чуть не гусаромъ.

Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разго-воръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлають, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а

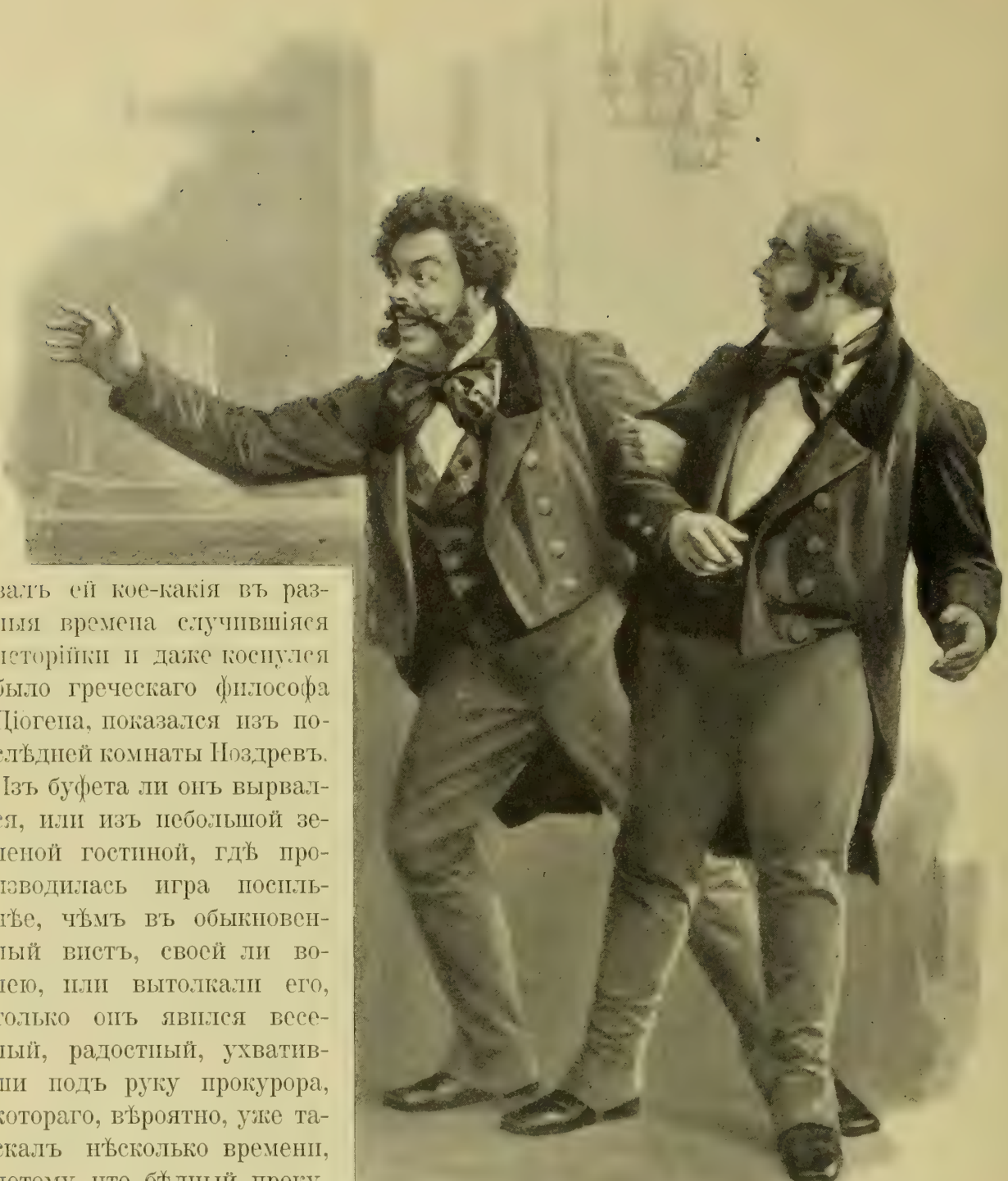
дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ чтѣ, расскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, рассказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Без-

печнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроповна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилиа Ѳедоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна, съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софьей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало-быть, поздно.

Негодование, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и миллионщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное; но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши — пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю гибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣды, какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодование росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ рассказы-

валъ ей кое-какія въ раз-
ныя времена случившіяся
исторійки и даже коснулся
было греческаго философа
Діогена, показался изъ по-
слѣдней комнаты Ноздревъ.
Изъ буфета ли онъ вырвал-
ся, или изъ небольшой зе-
леной гостиной, гдѣ про-
изводилась игра посиль-
нѣе, чѣмъ въ обыкновен-
ный вистъ, своей ли во-
лею, или вытолкали его,
только онъ явился весе-
лый, радостный, ухватив-
ши подъ руку прокурора,
котораго, вѣроятно, уже та-
скалъ нѣсколько времени,
потому что бѣдный проку-
роръ поворачивалъ на всѣ
стороны свои густыя брови, какъ бы
придумывая средство выбраться изъ этого
дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невы-
носимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конеч-
но, не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его,
Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то-есть, оставить свое за-

видное мѣсто и, сколько можно, поспѣшиѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъясвившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судьей въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ!—кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки.—Чтò? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство,—горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: — онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь,—я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство,—продолжалъ Ноздревъ:—какъ сказалъ онъ мнѣ: „продай мертвыхъ душъ“, я такъ и лопнулъ со смѣха. Приѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?

Но прокуроръ, и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, чтò отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь:

— Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то-есть, просто, если бы вы сказали,—вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: „Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?“ скажу: „Чичиковъ“, ей-Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!

Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождаемы такимъ громкимъ смѣхомъ, что при-

влекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулились между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безеямыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непременно сообщить ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: „Посмотрите, какую ложь распустили!“ А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: „Да это совершенно пошлая ложь, нестоящая никакого вниманія!“ И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, рассказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: „Какая пошлая ложь!“ И это непременно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непременно досыта и потомъ признають, что это не стоитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно, точь-въ-точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ, и предсѣдатель, и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечикъ прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ

Е. Симокинъ-Судковская.

... Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было ужъ ни на чтѣ не похоже, по выраженію дамъ.

было пріятное и что Поздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандально. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфетами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки—все едѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины всакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостью предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подаль дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью,

заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же не спокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ.

— Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!—говорилъ онъ въ сердцахъ. — Ну, чему едuru обрадовались? Въ губерніи неурожай, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабы тряпки! Невидалъ, что иная на-вертѣла на себя тысячу руб-

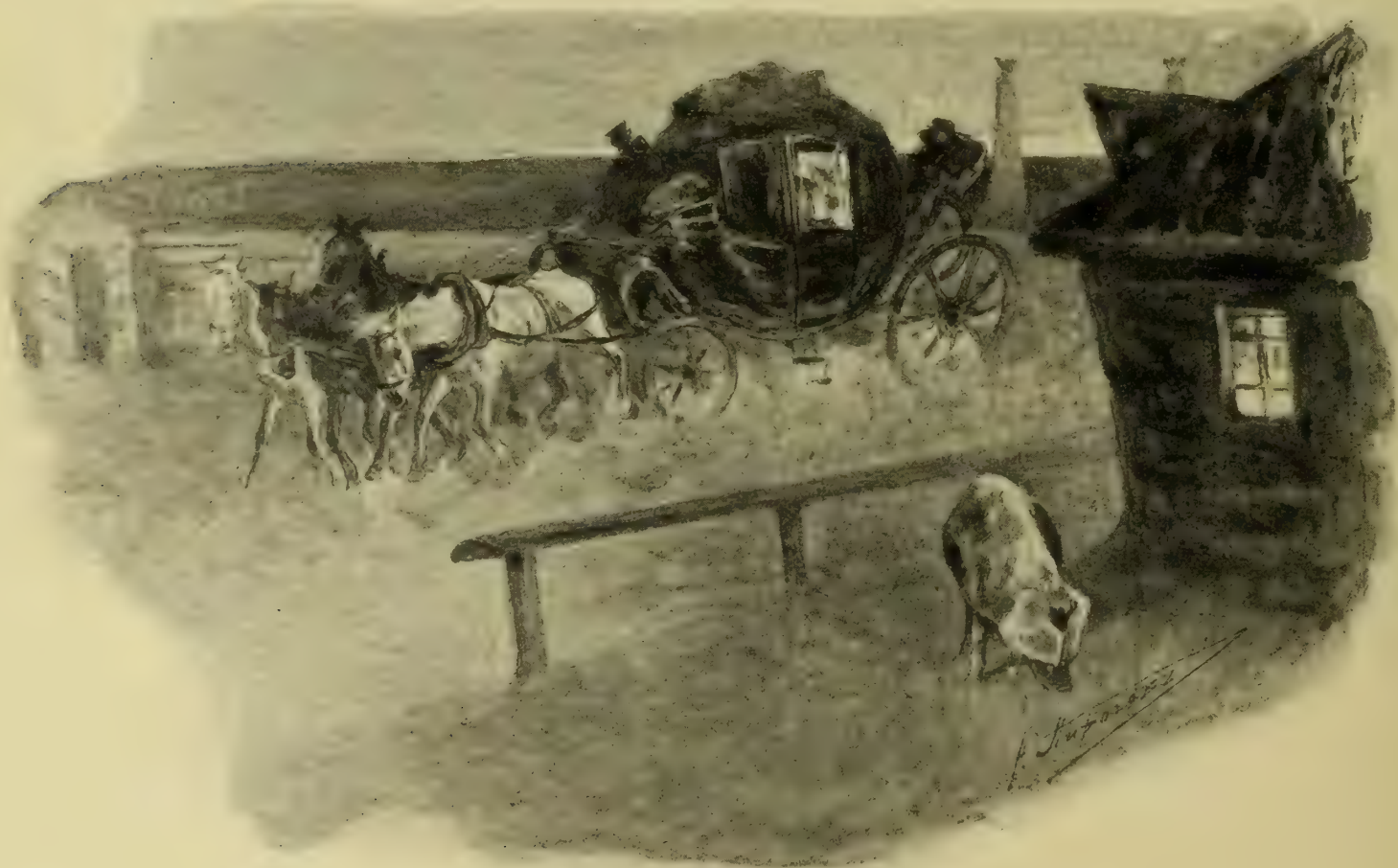
лей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покрывишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстѣга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: „балъ, балъ, веселость!“ Просто, дрянъ балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, что такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочить весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налево... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣ-

комъ: всего онъ наговорить, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро; красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь.

Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему обрваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значить, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но—страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а стараемся лучше приискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугъ, на чиновникъ, намъ подвѣдомственнымъ, который въ пору подвернулся, на женъ, или, наконецъ, на стулъ, который швырнется, чортъ знаетъ, куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ-староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Ноз-

дерева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ-быть, плелась гдѣ-нибудь фризская шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстошечій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ креселъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками скоро-

думками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсолышникъ выглядывали даже навѣрхъ. Занятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью,—лицо, известное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: „Кто идетъ?“ но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на погтѣ, послѣ чего, оставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади, то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, едѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы въ Недотычкахъ и остановилась передъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, ихватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ,—несмотря на то, что лошади не были подкованы,—и тамъ узнать навѣрно, почему ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ-быть, въ-три-дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: „Кто идетъ?“ но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникъ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА IX.

оутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: „Пошелъ!“ Дама везла только-что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она наконецъ не вытерпѣла не сказать:

— Проклятое строеніе, и конца нѣтъ! — Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе: — Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!

Наконецъ, цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣ-

лыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣплясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліею—опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непременно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь носящій его, и непременно разсердится не на животь, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наруж-

ности и закричить: „Вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ“; словомъ, вмѣгъ смекнуть, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостя, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ горо-

дѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подь-часъ въ пріятномъ словѣ ея торчала—ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то-есть, пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее—просто пріятная дама. Пріѣздъ гостыи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно пу-

тавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостя освобождалась отъ своего кюка и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понесли по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся векорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ,—и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжала ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ.

— Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголокъ!—говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана.—Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!

Сказавши это, она закинула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ.

— Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: „вице-губернаторша“, а я говорю: — Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать, и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...

Гостя уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ!—воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Федоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые. Сестрѣ я прислала матерію: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полосу все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

С. Соломко.

Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полосу все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Ахъ, нѣтъ! не пестро!

— Ахъ, пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро и вскрикнула:

— Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ.

— Какъ не носятъ?

— Намѣсто ихъ фестончики.

— Ахъ, это не хорошо—фестончики!

— Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эпалетки изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну, ужъ это, просто: признаюсь! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно, это ужъ, точно: признаюсь!—отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка? — вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенія.

— Какъ же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого.

— Ахъ, я уже дала слово Прасковѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея?

— Кто-жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.

— Она вамъ тетка, еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной сто-

роны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ—вы мнѣ хотите нанести такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иглами глупый языкъ.

— Ну, что-жь нашъ прелестникъ? — сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что-жь я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?

Тутъ дыханіе гостыи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его,—говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною: — а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!

— Да послушайте только, что я вамъ открою...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только рассказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапелъ истоаръ, — говорила гостыя съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ.

Не мѣшастъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющагося на немъ во все часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэмѹ. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

— Какая же исторія?

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и что бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?

— Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строитъ куры?

— Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что рассказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и рассказываетъ, и какъ рассказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: „Отворите, отворите, не то—будутъ выломаны ворота!..“ Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?

— Да что Коробочка? развѣ молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться.

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ погъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: „Продайте“, говоритъ, „все души, которыя умерли“. Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: „Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя“.— „Нѣтъ“, говоритъ, „онѣ не мертвыя; это мое“, говоритъ, „дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!“ кричитъ— „не мертвыя!“ Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ,—ну, просто, оррѣръ, оррѣръ, оррѣръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. „Голубушка барыня“, говоритъ мнѣ Машка: „посмотрите

въ зеркало, вы блѣдны“. — Не до зеркала, говорю, мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ. Въ ту же минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если-бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!

— Это, однакожъ, странно, — сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: — что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. „И теперь“, говоритъ, Коробочка: „я не знаю“, говоритъ, „что мнѣ дѣлать. Заставилъ“, говоритъ, „подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я“, говоритъ, „неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю...“ Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

— Я, признаюсь, тоже, — произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой:

— А что-жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши начеты этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну, слушайте же, чтò такое эти мертвыя души,—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостя при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сядя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенія.

Такъ русскій баринъ, собачей и іора-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арашникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ достигнетъ звѣря, ужъ донечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души... — произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Чтò, чтò?—подхватила гостя, вся въ волненіи.

— Мертвыя души!..

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это, просто, выдуманно только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула она, всплеснувъ руками: — ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло,—отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станеть духа произнести ихъ.

Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безправствешность.

— А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...

— Маперна нестерпимо.

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое - нибудь выраженіе въ лицѣ.

— Ахъ, какъ маперна! Ахъ, какъ маперна! Боже, какъ маперна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянятся безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она мѣлѣ, мѣлѣ, чистѣйшій мѣлѣ.

— Милая, я спѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа,

всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелъка, хоть частичка, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу! — сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на

свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна, — продолжала пріятная дама: — я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Маннилова и говорю ему: посмотрите, какая она блѣдная! Право, нужно быть до такой степени безтолкувыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался

противнымъ! Вы не можете себя представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показалея противнымъ!

— Да, однакоже, пашлись нѣкоторыя дамы, которыя были равнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

— Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

— Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, печувствительно, въ разговорѣ рождалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое слово: „Вотъ, молъ, тебѣ! Па, возьми, съѣшь!“ Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

— Я не могу, однакоже, понять только того, — сказала просто пріятная дама:—какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете—нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну, да хоть и Ноздревъ.

— Неужели Ноздревъ?

— А что-жь? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только-что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой страшный маршъ на свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю гибели... куда-жь? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: „Душечка барыня“, говоритъ мнѣ: „вы блѣдны, какъ смерть“. — Машка, говорю, мнѣ не до того теперь. Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то-есть, въ которомъ часу и прочее, но многого захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь—это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если-жь было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія,—попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде предположили только, какъ одно предположеніе, — въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинастъ робко, умѣренно, начинастъ самымъ смиреннымъ запросомъ: „Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?“ или: „Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?“ или: „Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?“ Цитируетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, забывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно—и разсужденіе заключено

словами: „Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!“ Потомъ во всеуслышанье съ кафедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, когда обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ, съ вѣчно неподвижною своею фizioноміей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, рассказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопая лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, считая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ бро-

женіе, и хотъ бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую ми-

нуту было похоже на положеніе школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ

спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не

можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье,—и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусарь. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одуренія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. „Что-жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? Логикѣ нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ-жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣпыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что-жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Что-жъ за направленіе такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ разнесли, стало-быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это, выходитъ, просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!..“ Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Какъ вихорь взметнулся, дотолѣ, казалось, дремавшій, городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знали только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться*, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: *захватъ къ Сопикову и Храповицкому*, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку,

на спинѣ и во всѣхъ
иныхъ положеніяхъ,
съ захрапами, носо-
выми свистами и
прочими принадлеж-
ностями); всѣ тѣ, ко-
торыхъ нельзя было
выманить изъ дому
даже зазывомъ на
расхлебку пятисотъ-
рублевой ухи, съ
двухъ-аршинными
стерлядьми и вся-
кими тающими во
рту кулебяками; —
словомъ, оказалось,
что городъ и лю-
дены, и великъ, и
населенъ, какъ слѣ-
дуетъ. Показался ка-
кой-то Сысой Паф-
нутьевичъ и Макдо-
нальдъ Карловичъ,
о которыхъ и не
слышно было никог-
да; въ гостиныхъ
заторчалъ какой-
то длинный-
длинный съ про-
стрѣленною ру-
кою, такого вы-
сокаго роста, ка-
кого даже и не
видало было. На
улицахъ показа-
лись крытыя
дрожки, невѣ-
домыя линей-
ки, дребез-
жалки, коле-
соевистки—

и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ-быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ комеражами, что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ — вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ рассказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, но мѣръ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще болѣшія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губер-

наторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Поились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвести похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками,—именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

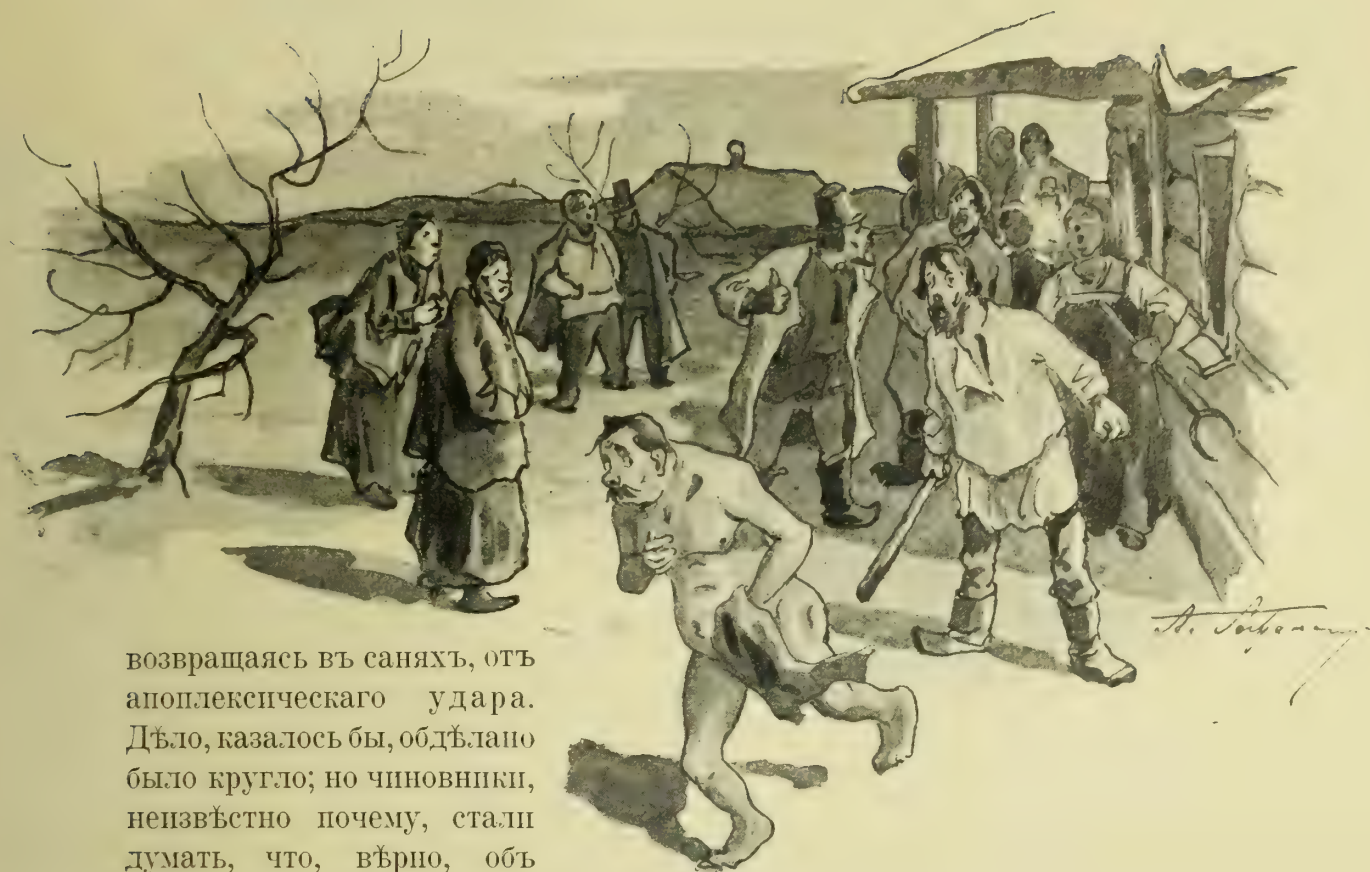
Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ

было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная непрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищеніе губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба—что мѣшокъ: что положить, то не сѣтъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значать, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генераль-губернаторъ, — событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбуктовыванья и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ.

„Ну, что“, думали чиновники: „если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть“.

Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось, Богъ знаетъ что: что подъ словомъ *мертвыя души* не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генераль-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ председателю. Председатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генераль-губернатора,—что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскиали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, въ слѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся, событий. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ тор-

говъ пирушку пріятелямъ своимъ устьсыольскимъ купцамъ,—пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на-смерть устьсыольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ „насосъ“, по выраженію бойцовъ, то-есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныхъ каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсыольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то-есть, засѣдатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что, въ иныхъ случаяхъ, стоить повальной горячки, а причина де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція была-де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спѣси, такъ и Задирайлово тожъ, нельзя было также оправдывать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ фізіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсуждено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человекъ мертвый, стало-быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлово тожъ, а умеръ де онъ,

возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявляющій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неявно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неявно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще

болѣе: стало-быть, жизнь его была въ опасности; стало-быть, его преслѣдовали; стало-быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, — наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однокожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то-есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка, и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ-быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули не много: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего общался закупить, въ казну сало тоже ставить, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящего дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человекъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, по которое, однакоже, иногда употребляется, то-есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже не много. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что „спол-

пять службу государскую, да служилъ прежде по таможиѣ“—и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнить, не прибегнуть всего въ голову и даже просто отвѣтить, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и расскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непременно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было обратиться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

... увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА X.

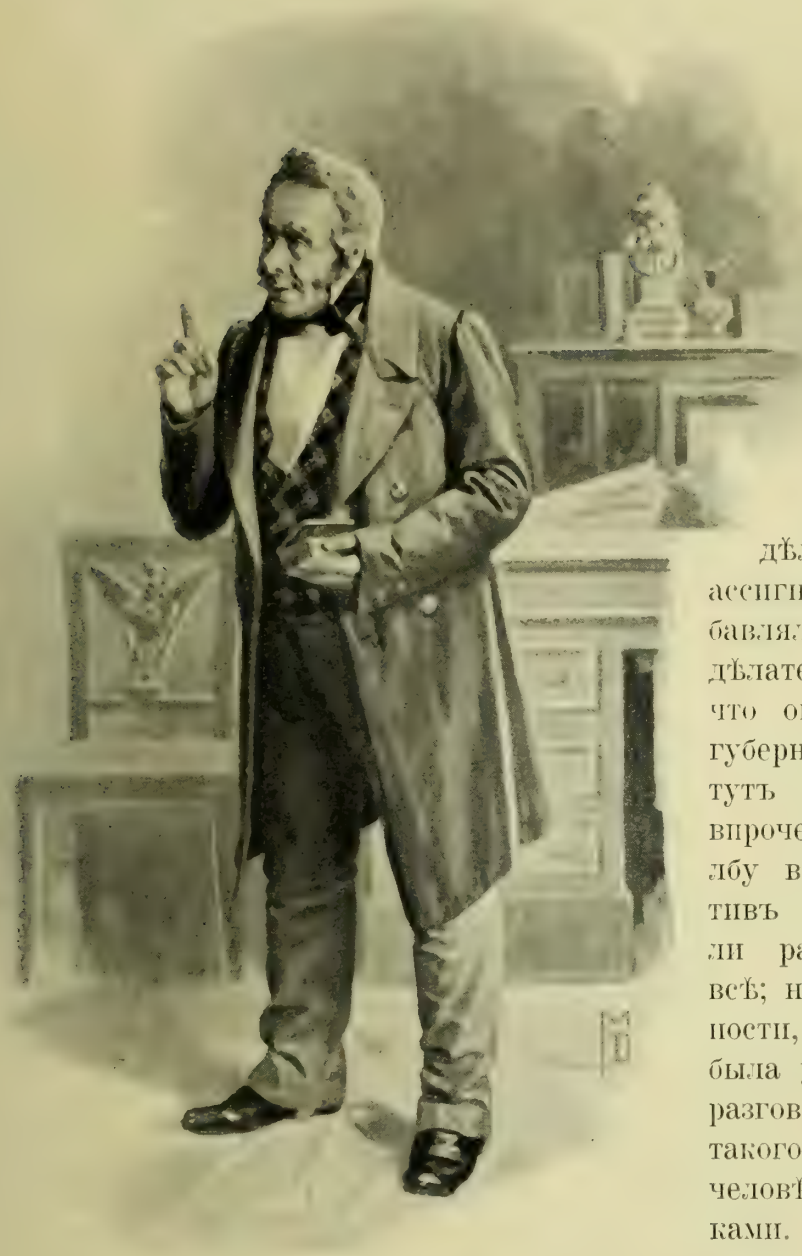
Н. Гамовишъ. обравшись у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генераль-губернатора и эти полученныя бумаги такого серьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ какіе, слухи,—все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма не много: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить:

— Знаемъ мы васъ, генераль-губернаторовъ! Васъ, можетъ-быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ.

На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники:

— Хорошо тебѣ, шпирхенъ эи дейчъ Иванъ Андрейчъ, у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздашаго купца за пріемъ письма въ неуказанное время, или перешлешь ную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать,—тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ-пола-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлил Богъ такою благодатію, — что годъ, то песеть: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь.

Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень было замѣтно отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, ужъ народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотвори-тельные, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальные нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало-быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушіе, тѣснѣе. Но при всемъ

томъ вышло, чортъ знаетъ что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже неностыжимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ

дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: „а можетъ-быть, и не дѣлатель“; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: „а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь“. Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ

погруженнымъ въ какое-то размышленіе, — вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного, — вскрикнулъ неожиданно:

— Знаете ли, господа, кто это?

Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время:

— А кто?

— Это, господа, сударь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ!

А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили:

— Кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ?

Почтмейстеръ сказалъ:

— Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копѣйкинъ.

— Капитанъ Копѣйкинъ,—сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполовину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: „Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ-быть, ни вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ—вещь, требующая чистоты“.—Капитанъ Копѣйкинъ,—повторилъ онъ, уже понюхавши табаку:—да вѣдь это, впрочемъ, если рассказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, „презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму“, и онъ началъ такъ:

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, такихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ печѣмъ тебя кормить, я“, можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ“. Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенія, что вотъ-де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными,

словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литей-

ная; тамъ шпигль
этакой какой-нибудь
въ воздухѣ; мосты тамъ ви-
сятъ этакимъ чортомъ, мо-

жете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то-есть и купишь,

можетъ-быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ—щи, кусокъ битой говядины... Видитъ — заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. „Что-жъ, куда обратиться?“ говорятъ: „высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ“; все это, понимаете, въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть, говорятъ, „временная комиссія. Попробуйте, можетъ-быть, что-нибудь тамъ могутъ“—„Пойду въ комиссію“, говоритъ Копѣйкинъ, „скажу: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнию жертвовалъ“. Вотъ, судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику—это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, наташилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику въ комиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. „Вонъ“, говорятъ, „домъ на набережной“: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, мраморы, лаки, сударь ты мой... словомъ, ума помраченіе. Металлическая ручка какая-нибудь у двери—конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская этакая фізіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копѣйкинъ мой всталился кое-какъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію—раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженіе, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: „Такъ и такъ“, говоритъ, „проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать

не могу, — осмѣ-
ливаюсь просить,
не будетъ ли ка-
кого вспоможе-
ствованія, какихъ-
нибудь этакихъ
распоряженій, на-
счетъ, относителъ-
но такъ сказать,
вознагражденія,
пенсіона, что ли“,
понимаете. На-
чальникъ ви-
дитъ: человѣкъ на
деревяжкѣ, и пра-
вый рукавъ пу-
стой пристегнуть
къ мундиру: „Хо-
рошо“, говоритъ,
„понавѣдайтесь на-
дняхъ“. Копѣйкинъ мой
въ восторгѣ: „Ну, дума-
еть, дѣло сдѣлано“. Въ
духѣ, можете вообразить,

такое, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трак-
тиръ выпить рюмку водки, пообедалъ, судырь мой, въ Лондонѣ,
приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ раз-
ными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ
театръ — однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать.
На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная англичанка, какъ
лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копѣйкинъ, — кровь-то,
знаете, разыгралась, — побѣждалъ было за ней на своей деревяжкѣ,
трюхъ-трюхъ слѣдомъ; „да нѣтъ“, подумалъ, „на время, къ чорту
волокиство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то
слишкомъ расходился“. А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣ-
тить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре
является онъ, судырь ты мой, въ комиссію, къ начальнику, да! „При-
шелъ“, говоритъ, „узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и
за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...“ и тому подоб-
ное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А чтò“, говоритъ началь-
никъ: „прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему

и Бажинъ

безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите прїѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говорить, сколько могу..." Ну, и понимаете, далъ ему конечно немного, но съ умеренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копѣйкину моему не того хотѣлось. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь этакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“; а вмѣсто того—жди, да и время не назначено. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой, — и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ; сластей-то, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой фізіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ, какой-нибудь этакой, котлетки съ трюфелями,—словомъ разсупе-деликатесь такой, что просто себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ-громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей—словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ *завтра*. „Ну, ужъ“, думаетъ, „какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду“, говоритъ, „подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!“ И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ этакой, толку-то понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію. „Ну что? говорятъ: „зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано“.—„Да что?“ говоритъ, „я не могу“, говоритъ, „перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно“, говоритъ, „съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечъ тоже себя, въ театръ“, понимаете. — „Ну, ужъ“, говоритъ начальникъ: „извините... Насчетъ этотъ есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете возна-

В. Быстрыхъ.

Идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копѣйкинъ,—кровь-то, знаете, разыгралась,—побѣждалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдсмъ..

граждены, какъ слѣдуетъ: ибо не было еще примѣра, чтобы унасъ въ Россіи человѣкъ, приписавшій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но, если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками, и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь“. Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... „Да вы“, говоритъ, „то!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ, „это!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ, „обязанностей своихъ не знаете! да вы“, говоритъ, „законопродавцы!“ говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генераль тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Чтò прикажешь дѣлать съ этакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо“, говоритъ: „если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, чтò даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенія вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой патурой устроена для ямщиковъ,—словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку да съ фельдъ-егеремъ. „Ну“, Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ёдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ: „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ,—сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ:—вѣдь капитанъ Копѣйкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: *русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Однакожъ, минутою спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревянные ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человека, Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно,—странно даже и сказать,—что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: „Смотри, молъ“, говорить, „если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку“. И вотъ теперь они, можетъ-быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицеймейстеръ, который служилъ въ кампанію 12-го года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ-быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже, въ угоду имъ, готовъ бы назвать все это

невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ рассказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заклетыми политиками. „Московскія Вѣдомости“ и „Сынъ Отечества“ зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Въмѣсто вопросовъ: „Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?“ говорили: „А что пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?“ Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но тѣмъ не менѣе дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. Итакъ, ничего нѣтъ

удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало-быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и все прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣрить въ Бога, а вѣрить, что если почешется переносье, то непременно умретъ; пропустить мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: „Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!“ Всю жизнь не ставить въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашоптываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣждалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ прискокку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣды въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбораніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ педѣли; во все

продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить медеянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту, но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться

ся пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту-жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ купилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпионъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпионъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмiali, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то-есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся

помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогать и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языкъ никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши: „Чортъ знаетъ, что такое!“ И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ не биться, а все молока отъ него не добиться*. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи. чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдить онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! „Экая расторопная голова!“ кричитъ толпа: „какой неколебимый характеръ!“ А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни — куда дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, оетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: „Ахъ, Боже мой!“ послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже

одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленіе смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ; тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ, — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

„Но это, однакожъ, несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ!

это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!“ Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему близкому. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открыть весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемирной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добратъся до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: „Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?“ Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздѣлъ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и посылъ привязанную къ щекѣ подушечку

изъ ромашки и камфары. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всеѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостиницей дрожки—то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. На-

конецъ, почувствовалъ онъ себя лучше, и обрадовался, Богъ знаетъ какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ:

— Экъ, какіе пошли писать лѣса!

И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбравшись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспыренутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся,

и дома. и проходившіе мужики, довольно впрочемъ серьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенъе на-

чало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя

шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами:

— Не приказано принимать!

— Какъ! что ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо!—говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать! вѣдь я васъ не въпервой вижу,—сказалъ швейцаръ. — Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?

— Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ, — сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да*; послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: „Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какая-нибудь!“

„Непонятно!“ подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился,

увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянъ, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добратся, что такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицеймейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изъ всего, что онъ усомнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ-было еще зайти кое-къ-кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то бессмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говорить пословица: *для друга семь верстъ не околица!*—говорилъ онъ, снимая картузь:—прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. Дай, думаю себѣ, зайду! вѣрно, не спитъ. А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ обѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки,—сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты кураяка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе).—Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы

М. Далькевичъ.

А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ
удовольствіемъ чашечку...

ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ — это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку, — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: „Вотъ“, говоритъ, „если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!..“ (между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто, поддеюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ все противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой—наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки?—вскрикнулъ Чичиковъ, поднявшись со стула.

— Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?—продолжалъ Ноздревъ.—Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпионы... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генераль-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генераль-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что-жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло?—спросилъ безпокойно Чичиковъ.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей-Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: „Ну, ужъ,—думаю себѣ,—Чичиковъ, вѣрно, не даромъ...“—Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что ты?—говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть, подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣж!

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки,

смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора, — все это навело на него порядочный испугъ. „Ну, ужъ коли пошло на то, — подумалъ онъ самъ въ себѣ, — такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй“.

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непременно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: Слушаю, Павелъ Ивановичъ, — и остановился,

однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непременно быть готовымъ съ вечера, чтобы на завтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходящимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значить? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная на завтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бречить на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететь тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ, подъ тулупомъ, близъ печи, да шей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгону? Богъ вѣсть,—не угадаешь. Многое разное значить у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходящимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА XI.

ничего, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ—это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово—эта была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ появился въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышались отъ прислуги, въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.

— Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ-быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлецъ ты!—
вскрикнулъ Чичиковъ,
всплеснувъ руками, и по-
дошелъ къ нему такъ
близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина
подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

— Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На боль-
шой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый,
страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы
заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ!
Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то
и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это,
а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

— Зналъ,—отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

— Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши

голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: „Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!“

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непременно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу! — Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ итти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:

— Да еще, сударь, чубараго коня, право, хотъ бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлець; онъ—такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.

— Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей-Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденія! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! Ступай!

Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ. Видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками,—все ему гадко, однакоже онъ не отходитъ

Шалькевичъ

отъ окна. Сто-
 йтъ, то поза-
 бываясь, то обра-
 щая вновь ка-
 кое - то приту-
 пленное
 вниманіе
 на все,
 что пе-
 редъ нимъ
 движется и
 не движет-
 ся, и ду-
 шить съ досады ка-
 кую - нибудь муху,
 которая въ это время

жужжить и бьется объ стекло подъ
 его пальцемъ. Но всему бываетъ ко-

нецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички,
 какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною,
 кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пере-
 считавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ, и

бричка была заложена, и два горячіе калача, только-что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвовать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ,—и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ-быть, надоѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостиницы.

„Слава-те, Господи!“—подумалъ Чичиковъ и перекрестился.

Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборъ и улицы, которые, также, съ своей стороны, какъ будто подсакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышка, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ-было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генераль-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разгово-

ромъ; можетъ
быть, онѣ тоже го-
ворили о пріѣздѣ
новаго генераль-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ,
какіе онѣ дасть, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и на-
шивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дро-

жекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души:

— Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови.

Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя:

„Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны; говорятъ: значить счастье, если встрѣтишь покойника.“

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ го-

рода. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ—и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгушимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщицьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой - то артиллерійской батареи“, зеленые, желтые и свѣже-разрытые черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянута вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развлекаютъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дивы природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумъ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на гроздятся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменные глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенные одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до

моря, пѣсня? Чтò въ ней, въ этой пѣснѣ? Чтò зоветъ и рыдастъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзуютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Чтò глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, чтò ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Чтò пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразаясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

— Держи, держи, дуракъ!—кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ!—кричалъ скакавшій на встрѣчу фельдъегерь, съ усами въ аршинъ.—Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!

И какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и „Не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянные крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинѣшенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—чтò до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь—и ворочается сердито,

почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на поблѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче“ слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно; передъ солнцемъ; деревня, избы рассыпались на косогорѣ; какъ звѣзда,

блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грѣзъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грѣзы. А

посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налево, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтъ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно,

ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда—бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хотъ отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: „Фи! такой гадкій!“ Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними все добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертвая книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ, и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взять въ герои. И можно даже сказать, почему не взять. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ*; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всемъ, чѣмъ ни попадо; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные — Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пигалицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *„ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца“*. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непрі-

р. В. Вистрянинъ

.... отецъ - сильной головѣю, въ финнскія суртукѣ
на персидскія и въ казанскія халатники, напѣтъхъ
на бѣсѣхъ ногу... вѣдѣхъ суртукѣ на лавкѣ, съ перѣхъ
въ рѣчкѣ... вѣдѣхъ перѣхъ перѣхъ суртукѣ...

ютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоящую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не ли, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!“ отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сорѣки; ея правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикову, занимавшій почти все должности въ домѣ. На сорѣкѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули неожиданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорѣка бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкой въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запру-

женный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узень-

кимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день

выбрался на дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе. „Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а води себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуесть и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорòкѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отли-

чился онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны—со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную; слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступающаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хо-

рошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непременно должны надѣ

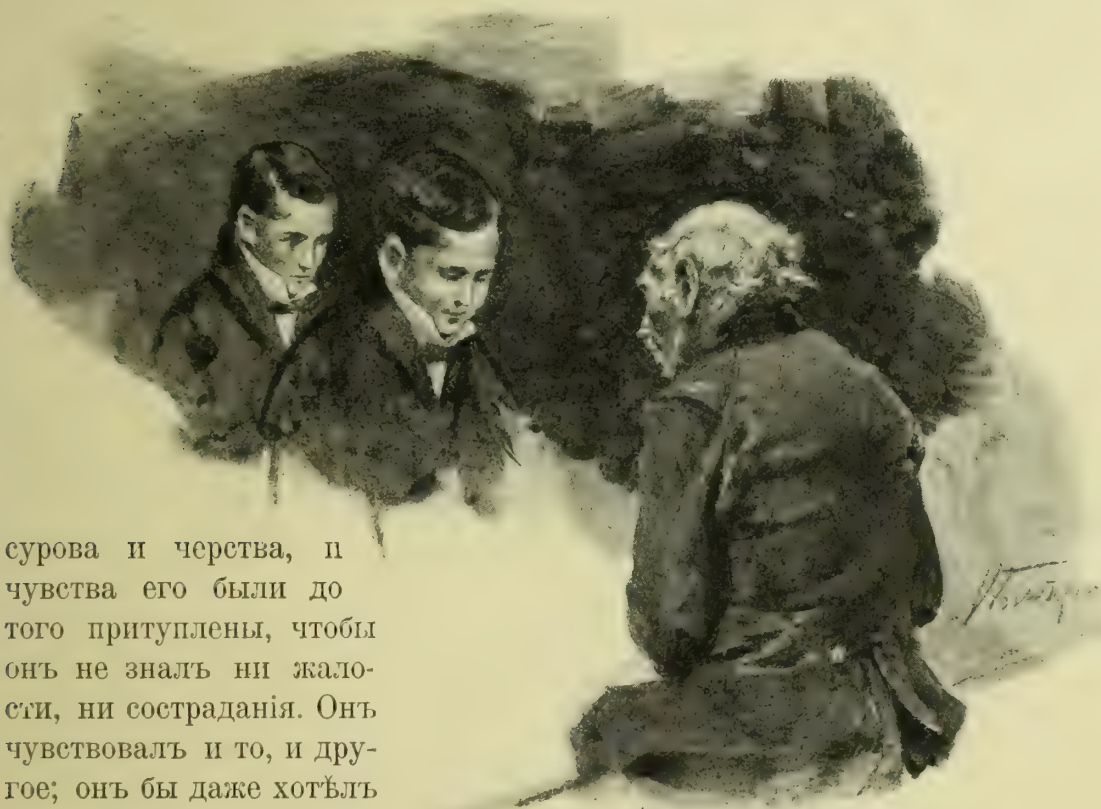
нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія; достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“—говорилъ онъ:—я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!“ И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. „Способности и дарованія—это все вздоръ!“—говаривалъ онъ:—я смотрю только на поведение“. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!“ Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда рассказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самага звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чи-чиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ трехъ (учитель ходилъ въ трехъ); подавши трехъ, онъ выходилъ первый

изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ея не много. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвального поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему

бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрывъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать,—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же:—Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благородный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...“

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ

сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы

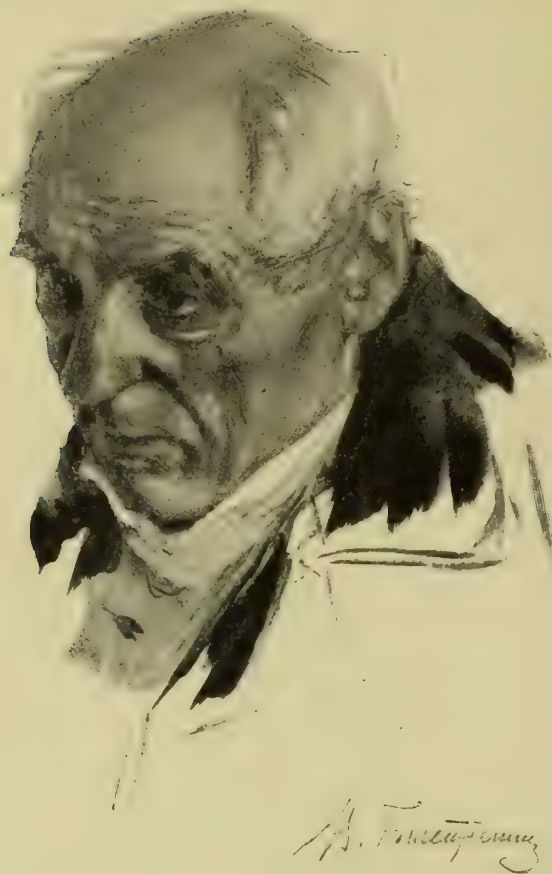
не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: „береги и копи копѣйку“ пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онъ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ удовольствіяхъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды—вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богатъ

на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: „А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!“ И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желаніе скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣніе и ограниченіе нуждъ показало онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ со сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ; щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ-прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повѣтчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участіе; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную

минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ немъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ

лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку,

прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ пронюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился

всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его со старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: „Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!“

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ

замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстные рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси, — „нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки:— „вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ“. Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: „Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоценный алмазъ!“ Но ждетъ проситель день, другой — не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію—дѣло и не началось; онъ — къ драгоценному алмазу. „Ахъ, извините!“—говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки:—„у насъ было

столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непременно! Право, мнѣ даже совѣстно!“ И все это сопровождалось движеніями оборотистыми. Если при этомъ распаивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: „да полно, нѣтъ ли чего?“ Вывѣдывать—говорять: „нужно дать писарямъ“. — „Почему-жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой“. — „Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой“. — „По бѣленькой писарямъ!“ вскрикиваетъ проситель. — „Да чего вы такъ горячитесь?—отвѣчаютъ ему: — оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству“. Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ и вѣжливыя, облагороженные обращенія чиновниковъ. „Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принеси правителю дѣлъ красную; да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!“ Проситель, конечно, правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построения какого-то казеннаго, весьма капитальнаго, строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанія и неумолимаго своего самоотверженія. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже приобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну вожжу, заставляя пристыжную витья кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намо-

ченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человекъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту домъ красивой гражданской архитектуры—и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; домъ гражданской архитектуры поступилъ въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возненавидѣлъ его на-смерть. И грозенъ былъ сильно для

всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени. посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генераль скоро очутился въ рукахъ еще бѣльшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣсколько тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и не стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генераль былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженіе запачканнаго послужнаго списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастью, у него не было.

— Ну, что-жъ!—сказалъ Чичиковъ:—зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать.

И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеру, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ, три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ сло-

вахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидывать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходитъ въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: „Мать ты моя Пресвятая! какой-же я сталъ гадкій!“ И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможенѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышлений. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещами заводились таможенные чиновники, какіе фарфору и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: „Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!“ Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможеню, но удерживали текуція разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во чтѣ бы то ни стало, добраться до таможни—и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три, четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна

или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько „въ немъ фунтовъ. Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: „Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?“ или: „Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами“; или: „Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели“, И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: „Ну, ну!“ Положеніе его весьма

походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того выскъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житія контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капиталца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предме-

томъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышение и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное

право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: „Еще не время“. По-

лучивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: „Теперь пора“. Расчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало-быть, не много получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ

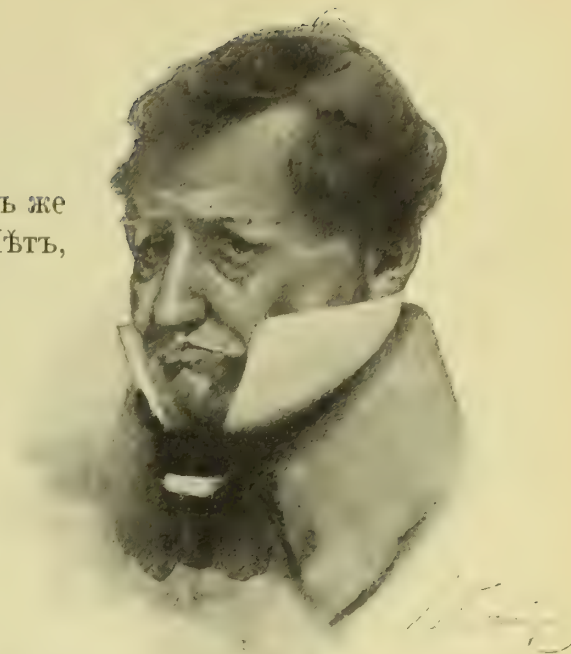
другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу

въ двойныхъ
тулупчикахъ,
пронесли

подъ тулупчиками на миллионъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуя онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капитала. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбился толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ-быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неиз-

вѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: „Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты—такъ поповичъ!“ И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для болѣшей досады: „Да, вотъ, молъ, что!“. Хотя онъ отбрілъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: „вотъ, молъ, что!“ могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ — Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропадѣ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть денжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурить лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящую дѣла, гдѣ всунулъ денжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовного суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ—ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысяченосъ десятокъ, запряженныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ — вотъ и все. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: по-

терпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклѣкнетъ навѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но въ своемъ родѣ, тоже не бесполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣніе, предъ которымъ ничто деревянное терпѣніе нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: „Почему-жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто-жъ зѣваетъ теперь на должности? — всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастливымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуюсь я — другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотреть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бремению землю? И что скажутъ потомъ мои дѣти? — „Вотъ, — скажутъ: — отецъ — скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!“

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ-быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: „а что скажутъ дѣти?“ И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ — не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана.

Вновь съезжился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, — званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее, но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: хлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣ-

ніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копѣйки, такъ что ужъ не на чтѣ было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ, (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка, — все же хотъ по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), — итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... „Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?“ сказалъ секретарь. „Числятся“, отвѣчалъ Чичиковъ. „Ну, такъ чего же вы оробѣли?“ — сказалъ секретарь: — одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится“. Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѣму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. „Эхъ я Акимъ-простота!“ — сказалъ онъ самъ

въ себѣ:—ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются, какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступить ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ—пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: селцо Павловское“. И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, и прочаго, словомъ—гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле закупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ мѣньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донинѣ являвшіяся, не

пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ — полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падеть обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченія и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хотъ даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно; тянутся безконечныя заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянуть углы шестиэтажныхъ домовъ, мага-

зины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всё въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ го-

родскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всёмъ, что на диво произвела рука и мысль

человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ представятъ колоссальныя образы, какъ двинутся сокровенныя рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздить холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. Итакъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ-быть, заключительнаго опре-

дѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ. Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей—это видно. Кто же онъ? Стало-быть, подлець? Почему-жъ подлець? За-чѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою фізіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе—вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкъ; не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятирится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ, — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ-быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что

живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радѣшеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. „Зачѣмъ?—говорите вы:—къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!“ — „Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?—говорить помѣщикъ приказчику:—я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого—я тогда счастливъ“. И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спать умѣ, — можетъ-быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣщикъ забываться по-міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ-называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: „Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?“ На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени

Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: „Вотъ, на примѣръ, звѣрь,—говорилъ онъ, ходя по комнатѣ:—звѣрь родится, нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!“ Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Киѳовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденіемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все—или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Киѳовичъ, а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. „Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ,—говорила отцу и своя, и чужая дворня:—что у тебя за Мокій Киѳовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертъ!“ — „Да, шаловливъ, шаловливъ,—говорилъ обыкновенно на это отецъ:—да вѣдь какъ быть? Дратъся съ нимъ поздно,

да и меня же всѣ обвинять въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ—онъ уймется, да вѣдь гласность-то—вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ поberi, отецъ! У меня Мокій Киѳовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!“ Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. „Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдамъ его!“ И пока-

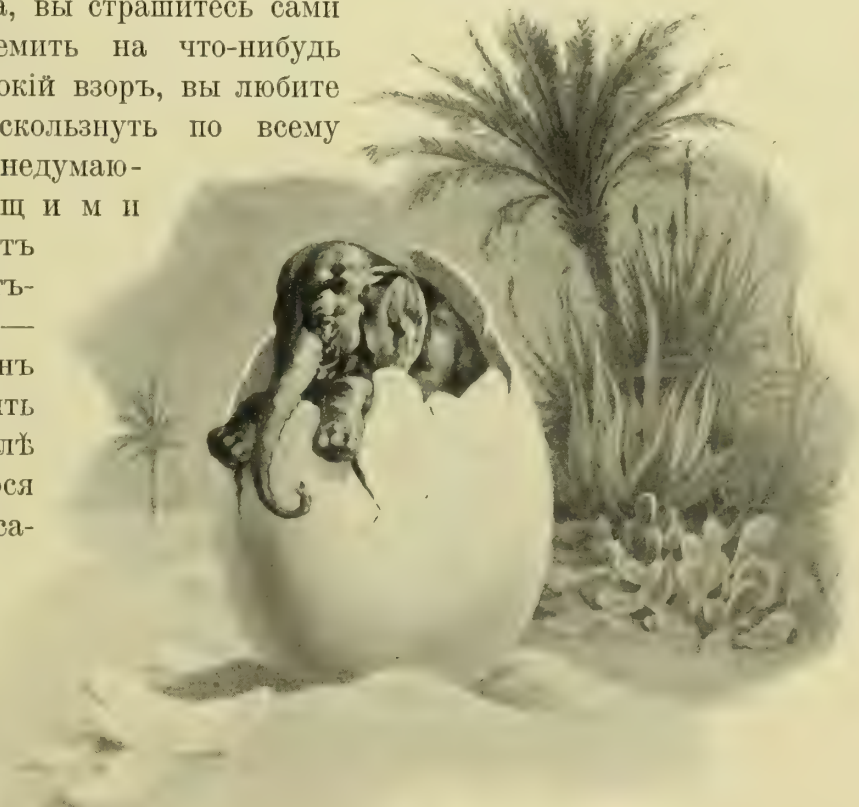

завъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: „Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была,—пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать“. Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы от-

вѣчать скромно на обвиненіе со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимого ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокой взоръ, вы любите скользнуть по всему

С. Голубицкій. недумаю-
щ и м и

глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ-быть, даже похвалите автора — скажете: „Однакожъ кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!“ И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: „А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бы-

вають люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!“ А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубить вовнутрь собственной души сей тяжелый запросъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?“ Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый,—онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!“ И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!“

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ-полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука объ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

— Эхе-хе! что-жъ ты?—сказалъ Чичиковъ Селифану:—ты?..

— Что?—сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что? Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая впросонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузь, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: „Не бойся!“ Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: „эхъ! эхъ! эхъ!“ плавно подсакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любить быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ поberi все!“ его ли душѣ не любить

ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьѣ, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любить шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: бороды да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылить и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

...Эхъ, тройка, птица-тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать у богатаго народа ты могла только родиться...

ИЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ
КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.
ГЛАВА...

ГЛАВА ...

обакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой; дѣтей при немъ не было. Онъ началъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то моднаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслѣ, начиналъ побранивать и мошенничество, и прихоть, а самъ все глядѣлъ не на жену, а на уголъ печки. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: „Прошу“, и, приподнявшись, сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Θεοδουλiа Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Θεοδουλiа Иванοвна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены зеленой масляной краской, съ малеванными кувшинчиками по угламъ.

— Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ,—сказалъ прокуроръ.

— Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха.

Теодулія пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ:

— Позвольте васъ спросить: какого [рода] людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?

— Какъ, какого рода? — сказалъ Собакевичъ. — На это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ...

— По городу, однакожъ, — сказалъ прокуроръ, нѣсколько замѣявшись: — по городу разнеслись слухи...

— Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи, — сказалъ спокойно Собакевичъ.

— Однакожъ, Михалъ Семенычъ, такіе слухи, что, просто, голова кружится: что души — не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ — загадочный человѣкъ. Оказываются такія подозрѣнія... по городу пошли такіе пересуды...

— Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, что ли?—спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или что другое.

— Вы бы съ такими запросами посовѣстились даже и приходите ко мнѣ,—сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, что по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Что вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Что я вамъ, въ насмѣшку, что ли? Въ службѣ своей, какъ слѣдуетъ, не упражняетесь; чтобы отечеству какъ-нибудь послужить и на пользу ближнему,—храня товарищей, о томъ не думаете; а вотъ только, чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнуть, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда послѣ васъ не останется.

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича; а Собакевичъ ему вслѣдъ:

— Убирайся себѣ, собака!

Въ это время вошла Θεодулія.

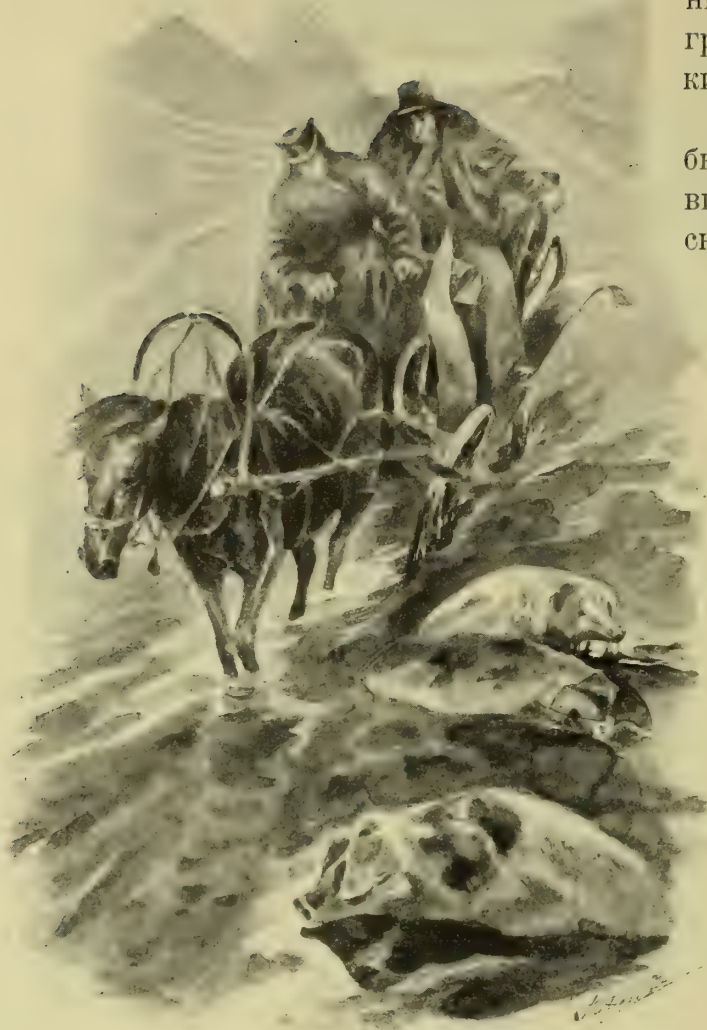
— Что это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ?—сказала она.

— Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ,—сказалъ Собакевичъ.—Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старый человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой въ головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужъ обычай у всѣхъ: собаки всѣ. Мало того, что даромъ бременять землю, да еще дѣла такіа дѣлаютъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду! Весь городъ—разбойничій вертепъ. Незачѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!

Супруга хотѣла было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника какія-то ленты на чепцы, но Собакевичъ сказалъ:

— Это, душа моя, все модныя выдумки; онѣ тебя къ добру не доведутъ.

Велѣлъ собирать все въ дорогу; самъ пошелъ, вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу; потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ недошитый, такъ, какъ былъ въ работѣ, съ воткнутой иглой и ниткой, съ тѣмъ, чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать въ этотъ [городъ], потому что мошенникъ сидитъ на мошен-

никѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ, какъ и разсказать объ этомъ председателю.

Но и председатель тоже немного успѣлъ въ объясненіяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулочекъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой въ подбородокъ, потомъ затылкомъ..... и, въ заключеніе, забрызгался грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ, позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ, наконецъ, въ сѣни. Здѣсь онъ прежде

спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его такъ же, какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у нея было что-то наверхено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отравительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Председатель, начавши сначала тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, потомъ вдругъ перешелъ къ такому вопросу:

— Скажите, пожалуйста, точно ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? И не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣреніе?

— Да ужъ какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопытный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, при-

знаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала третья...

— Да расскажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? Пистолеты при немъ были?

— Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье — я не могу знать, почему ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните, по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну-то настоящую.

— Какую цѣну? Чтò за цѣна, матушка? Какая цѣна?

— Да мертвая-то душа почему теперь ходитъ?

„Да она дура отъ роду или рехнулась“, — подумалъ председатель, глядя ей въ глаза.

— Чтò-жъ, двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю: можетъ-быть, онѣ пятьдесятъ или больше.

— А покажите бумажку, — сказалъ председатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли.

Но бумажка была — какъ бумажка.

— Да расскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? чтò купилъ? Я въ голову... ничего не могу сообразить...

— Купилъ, — сказала Коробочка. — Да вы-то, батюшка, чтò-жъ вы-то не хотите мнѣ сказать, почему ходитъ мертвая душа, чтобы я знала настоящую цѣну мертвыхъ душъ?

— Да помилуйте, чтò это вы говорите! Гдѣ-жъ видано, чтобы мертвыхъ продавали?

— Да чтò-жъ вы цѣны не хотите сказать?

— Да чтò-жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ серьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?

— Нѣтъ, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ.

И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

— Да я председатель, матушка, здѣшней палаты...

— Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, вы это ужъ того... изволите такъ... хотите сами меня обмануть. Да вѣдь чтò-жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичьихъ [перьевъ]: у меня о Рождествѣ и птичьи перья будутъ.

— Матушка, говорю вамъ, что я председатель. Чтò мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего.

— Да вѣдь торгъ — честное дѣло, — продолжала Коробочка. — Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Чтò-жъ, если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ-жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ.

— Матушка, я не покушникъ, я председатель!

— Да Богъ знаетъ. Можетъ-быть, вы и председатель; вѣдь я не знаю. Чтò-жъ? Я вдова. Да чтò-жъ вы такъ спрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами... того... хотите купить ихъ.

— Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться,—сказалъ председатель, разсердившись.—У васъ вотъ недостаетъ... —сказалъ онъ, постучавши себя пальцемъ по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покушникъ, и удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ и какъ трудно бѣдной вдовѣ. Председатель изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, чтò приобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ, повѣсивши [голову].

— Ну, чтò узнали отъ Собакевича?

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ:

— Во всю жизнь не былъ трактованъ...

— А чтò?

— Оплевалъ совсѣмъ,—сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

— Какъ?

— Говорить, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ: ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ; я выставлялъ: „челъ“ на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда иной разъ и слѣдовало бы подать доносъ, — не задерживалъ ни одной бумаги.

Прокуроръ истинно сокрушался.

— Такъ чтò-жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ? — сказалъ председатель.

— Чтò говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками.

Председатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки; на нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

— Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ.

И председатель, и прокуроръ разинули ротъ. Председатель подумалъ про себя:

„Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщеть! Увидить, какая безтолочь въ городѣ!“

„Одно за другимъ!“ — подумалъ огорченный прокуроръ.

И. Пироговъ.

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почт-
мейстеръ.

— Господа! Могу васъ поздравить съ генераль-
губернаторомъ.

— Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генераль-губернаторы, какого нрава, какого свойства?

— Ничего еще неизвѣстно,—сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ.

— Господа! могу васъ поздравить съ генераль-губернаторомъ.

— Слышали, да вѣдь еще неизвѣстно,—сказалъ вице-губернаторъ.

— Извѣстно даже и кто,—сказалъ почтмейстеръ: — князь Одозоровскій-Чементинскій.

— Чтò-жъ говорятъ?

— Строжайшій человѣкъ, судырь мой, — сказалъ почтмейстеръ:— дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ какомъ-то этакомъ, понимаете, казенномъ большомъ построеніи. Завелись тамъ кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, сударь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего.

— А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ.

— Палата, судырь мой, свѣдѣній; человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго!—продолжалъ почтмейстеръ.—Случилось одинъ разъ...

— Однакожъ,—сказалъ почтмейстеръ:—мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше-жъ заѣдемъ.

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучера закричали, и четверо дрожекъ потянулись къ предсѣдателю.

„Кстати чортъ принесъ этого Чичикова“, — думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

— У меня идетъ кругомъ голова,—говорилъ [прокуроръ], снимая съ себя шубу.

— Я все не могу разобрать этого дѣла, — сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти [не обходятся] безъ закуски, и если въ губерніи хоть два чиновника сойдется, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ себѣ самой горькой полынной водки, сказавши:

— Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ.

— Я и подавно,—сказалъ прокуроръ. —Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...

— А какъ человѣкъ между тѣмъ... свѣтскаго лоску, — сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой и составивъ себѣ

смѣсь изъ разныхъ водокъ:—очевидно былъ въ Парижѣ. Я думаю, что едва ли не дипломатикомъ служилъ.

— Ну, господа! — сказалъ въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ: — Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ: изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ-то заболѣлъ. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ. — При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ.—Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими: съ Перекроевымъ... Назвалъ много помѣщиковъ — все коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — „неглупымъ человѣкомъ“, говоритъ, „показывался всѣмъ за то, что службу хорошо исполнилъ. Былъ въ таможи, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ“, а въ какихъ именно — не могъ сказать. Лошади три: „одна куплена“, говоритъ, „три года назадъ тому; сѣрая“, говоритъ, „вымѣнена на сѣрую, третья куплена... А самъ Чичиковъ дѣйствительно называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ“.

Всѣ чиновники задумались.

„Порядочный человѣкъ, и коллежскій совѣтникъ,—подумалъ прокуроръ, — и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыя [души], пугать по ночамъ спокойныхъ престарѣлыхъ помѣщицъ—это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику“.

„Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки!“—подумалъ вице-губернаторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу скорѣй имѣлъ склонную къ искусствамъ изящнымъ, а не къ преступленію.

— Воля ваша, господа, а это дѣло какъ-нибудь нужно кончить: пріѣдетъ генераль-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ чтó.

— Какъ же вы думаете поступить?

Полицеймейстеръ:

— Я думаю, надобно поступить рѣшительно.

— Какъ же рѣшительно?—сказалъ предсѣдатель.

— Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка.

— А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?

— Какъ такъ?

— Ну, а если онъ подосланъ? Ну, чтó если онъ съ тайными по-

рученьями? Мертвые души! Гмъ! Будто купить, а, можетъ-быть, это — розысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано—„отъ неизвѣстныхъ случаевъ?“

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе. Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель тоже, сказавши ихъ, задумался. Обѣимъ прійти...

— Чтò-жъ, какъ поступить, господа? — сказалъ полицеймейстеръ, благотворитель [города] и благодѣтель купечества, и, произведши смѣшеніе водки сладкой [и] горькой, выпилъ, закусивши.

Человѣкъ подаль бутылку мадеры и рюмки.

— Я, право, не знаю, какъ поступить,—(сказалъ предсѣдатель).

— Господа! — сказалъ почтмейстеръ, выпивши рюмку мадеры и засунувши въ ротъ ломоть голландскаго сыру съ балыкомъ и масломъ: — я того мнѣнія, что это дѣло хорошенько нужно изслѣдовать, разобратъ хорошенько, и разобратъ камерально, — сообща, собравшись всѣмъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, понимаете, чтобы досконально раскрылось до всѣхъ изгибовъ, понимаете.

— Чтò-жъ, соберемся,—сказалъ полицеймейстеръ.

— Да, — сказалъ предсѣдатель: — собратъся и рѣшить вкупѣ, чтò такое Чичиковъ.

— Это благоразумнѣе всего—рѣшить, чтò такое Чичиковъ.

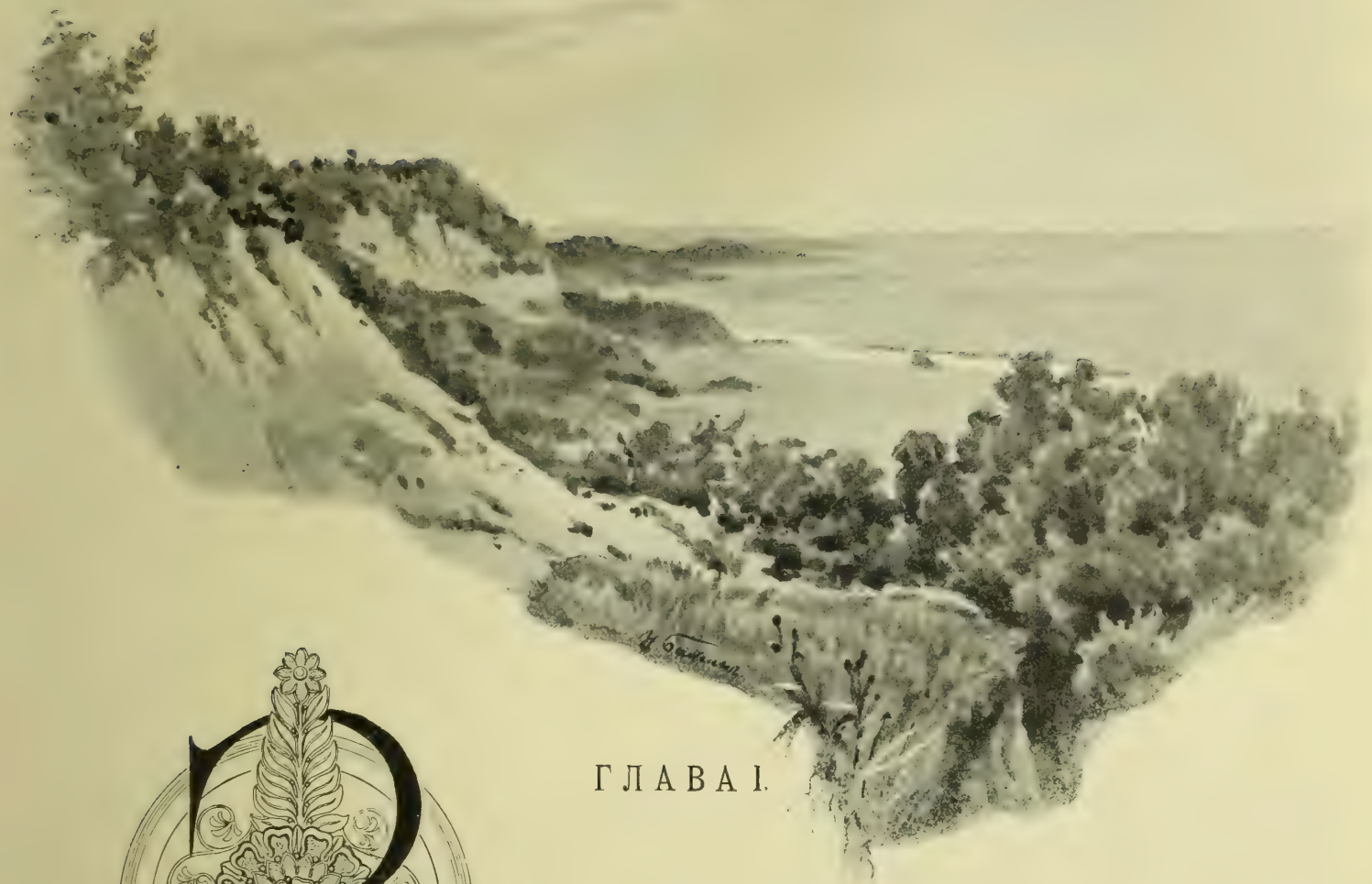
— Да, отберемъ мнѣнья у всѣхъ и рѣшимъ, чтò такое Чичиковъ.

Сказавши это, всѣ въ одно время пожелали выпить шампанскаго и разошлись довольные тѣмъ, что комитетъ этотъ все объяснить и покажетъ ясно и досконально, чтò такое Чичиковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Чтѣ-жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишкомъ верстъ горныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами, известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами

и рытвинами, то миловидно круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка то, вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній убирался гуще въ зеленныя кудри деревъ. Искусственнымъ насажденіемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и тер-

новникъ,
чилига и ряби-
на, опутанная хмелемъ,
то помогая другъ [другу]

въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самага ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраніемъ деревъ и крышъ возносилась свыше

всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ неподдержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опутивши туда и вѣтви и листья, опутанныя склизкой бодягой, плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ [бы] разсматривали это чудное изображеніе.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленія, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленія у него за-

хватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще

блѣднѣй, но все желтѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ не-

пастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманосизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ — гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасоваго созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только: „Господи, какъ здѣсь просторно!“

Кто-жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсышку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятія, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь на-лицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую—церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому тридцатитрехлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто-жъ онъ, что-жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ чело-
вѣкъ? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Со-
сѣдъ, принадлежавшій къ фамилии ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезаю-
щихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, изъяснялся о немъ
выраженіемъ: „Естественнѣйшій скотина!“ Генераль, проживавшій въ
десяти верстахъ, говорилъ: „Молодой челоуѣкъ, неглупый, но много
забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что
у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...“ генераль рѣчи
не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту:
„А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!“ Мужикъ его деревни на
вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало-
быть, мнѣніе о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать—онъ не былъ дурной челоуѣкъ, онъ,
просто, коптителъ неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ
людей, которые копятъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не ко-
птитъ его? Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совер-
шенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судить читатель самъ,
какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала
окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго си-
дѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза на бѣду
были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно
долго, и во все это время у дверей стоялъ челоуѣкъ Михайло, съ
рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ,
другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, —
баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, по-
дымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ
гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко,
всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и на-
соривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ
онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ
ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происхо-
дила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый челоуѣкъ въ качествѣ
буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ снхъ
выраженіяхъ: „Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ
бы, гнусной, молчать!“.

— А не хочешь ли вотъ этого?—выкрикивала ничтожность, или
Перфильевна, показывая кукишъ,—баба, жесткая въ поступкахъ, не-
смотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей,
бывшихъ у нея подъ замкомъ.

— Вѣдь ты и съ приказникомъ
сцѣпишься, мелочь ты анбарная!—
ревѣль Григорій.

— Да и приказчикъ воръ та-
кой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ

не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію содома, кричалъ-кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени нестерпимо, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшемъ объять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической,

Дальевичъ

разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлительно ея великую будущность; словомъ—все такъ и въ томъ видѣ, какъ любить за-

давать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофе-емъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Чтò же дѣлалось потомъ до самаго ужина—право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И такъ проводилъ время, одинъ-одинешенекъ въ цѣломъ [мірѣ], молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово обстанивливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше рассказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ

Далькевичъ.

р. М. Давыдовъ.

... Вирекають, що кожен, хто підприємство своєму ви-
наймається, повинен обдумувати: чи варто йому пере-
являтися на світанні ринку.

юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать..... *) Какъ знать онъ свойства русскаго человѣка! Какъ знать онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало: онъ получалъ строгое..... но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднимая его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: „Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, несмотря, что ты упалъ“. Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: „Я требую ума, а

не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою“. И точно, шалости исчезали сами собою. Презрѣнію товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть..... Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ. „Это ужъ слишкомъ!—говорили многіе:—умники выйдутъ люди заносчивые“.—„Нѣтъ, это не слишкомъ“, говорилъ [онъ]: „неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ“. **) И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ,

*) Точки поставлены на мѣстѣ неразобранныхъ словъ.

Ред.

**) Въ текстъ внесены *позднѣйшія* приписки, сдѣланныя отчасти надъ строками, отчасти на лѣвомъ полѣ страницы. Это мѣсто передѣлывалось не одинъ разъ. Первоначально прежній текстъ былъ исправленъ такъ: «Родятся ли уже сами собою такіе характеры или дѣлаются потомъ,—какъ отвѣчать на это? Вотъ лучше вмѣсто того исторія его воспитанія и дѣтства, и пусть читатель выводитъ. Директоромъ училища, въ которое попалъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенный: Александръ Петровичъ имѣлъ чутье слышать природу человѣка. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало. Шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднимая его, съ бодрымъ желаніемъ заглаживать поступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что [то] ободряющее; честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка, и потому особенно старался возбуждать. О поведеніи у Александра Петровича не бывало и рѣчи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить; шалость должна исчезнуть сама собою.» Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ много далъ воли умникамъ, позволяя имъ насмѣхаться и даже оскорблять малоспособныхъ. На это онъ отвѣчалъ: «Что-жъ дѣлать? Я пристрастенъ къ умникамъ и хочу, чтобы всѣ это видѣли». Онъ считалъ также необходимымъ прежде всего...» Ред.

видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу—затѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, что именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчишки! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ....., закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее одобреніе уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало честолюбивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведеніяхъ[хъ]. Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно [требуютъ] отъ дѣтей,—того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ [случаѣ] и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними непрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на что она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всѣ огорченія и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ!* это слово, знакомое русскому человѣку, производящее такія чудеса надъ его чуткой природой,—но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше

препятствій, гдѣ нужно было показать бѣльшую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуранные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ непріятностей, бросили все или же, осовѣвъ, облѣпившись *), очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростью, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Пылкое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ наконецъ въ это отдѣленіе. Чтѣ, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣнтѣтникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ, — чего такъ сильно желать, — необыкновенный наставникъ скоропостижно [умеръ]! О, какой былъ для него ударъ! какая страшная первая потеря! Ему казалось, какъ бы..... **) Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Фѣдоръ Ивановичъ. Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе-то внѣшніе порядки; сталъ требовать отъ дѣтей того, чтѣ можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно какъ бы на зло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее [поведеніе] ***). Странно: хорошаго-то поведенія и не добился Фѣдоръ

*) Послѣ этого зачеркнуто: «доступное для немногихъ избранныхъ. Но вдругъ необычн...». Въ «Полномъ собраніи сочиненій Гоголя», вышедшемъ въ 1867 году, подъ редакціею О. В. Чижова, это мѣсто читается такъ: «Какъ поразилъ этотъ чудный наставникъ еще въ отрочествѣ Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбиваго мальчика долго билось при одной мысли, что онъ попадаетъ на высшій курсъ, и шестнадцати лѣтъ Тѣнтѣтниковъ, выprzedивши своихъ сверстниковъ, былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, и самъ тому не вѣрилъ». Вводя въ текстъ «Мертвыхъ Душъ» этотъ вариантъ, Чижовъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Отъ начала пункта до слова *не вѣрилъ* написано въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, послѣ того, какъ онъ набросалъ это мѣсто въ рукописи, въ-разбивку, то внизу, то-вверху, самымъ небрежнымъ образомъ». Къ сожалѣнію, Чижовъ не указалъ, къ какому времени можетъ быть отнесена эта «записная книжка». Она не была у насъ подъ руками. Ред.

**) Въ рукописи фраза не кончена.

***) Въ текстѣ второй части «Мертвыхъ Душъ», изданномъ О. В. Чижовымъ, это мѣсто имѣетъ такой видъ: «На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Фѣдоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ

Ивановичъ. Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но, уввы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло на-выворотъ. Потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть бѣдъкой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ исключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой-то дамой передъ самыми окнами директорской квартиры, ни кошунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на кафедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію, и даже право, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе, да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ,—и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ—не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значать, что онъ смотритъ только на поведеніе, что, если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочитаетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Федоръ Ивановичъ, чего добивался».—Къ этому варианту, введенному въ текстъ, сдѣлано Чижевымъ такое примѣчаніе: «Мѣсто, отъ словъ: *какой-то Федоръ Ивановичъ*, до словъ: *чего добивался*, написалъ Гоголь въ своей записной книжкѣ, послѣ наброски въ рукописи». *Ред.*

Но молодость счастлива тѣмъ,
что у ней есть будущее. По мѣрѣ того,
какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ гово-
рилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ
жизни; настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги“. И, не взглянувши
на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя,

Гоголь. «Мертвые Души».

50

не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на-бокъ, и посадили его самого за столъ, предлага тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанія (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода)—необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый пе[реводный] романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, приуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ. И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ—и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. „Нѣтъ,—подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись,—примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!“ Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый, тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заматавая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣхвые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающий и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго

поэта, какими награ-
дилъ Богъ свою Россію, и такъ
возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится
и подь полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣла-
лась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ-было
вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ вре-
мени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя,
дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ-было думать, что
въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ.
Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно,
попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные
люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ
переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего
того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по на-
чалу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ
снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ,
они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благо-
роднаго негодованія противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы

и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и — въ укусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и, вслѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳеодору Ѳеодоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства — либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій:

— Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что это ты дѣлаешь? Оставляя такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! Помилуй! что ты? что ты? Вѣдь, если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!

— Не въ томъ дѣло, дядюшка, — сказалъ племянникъ. — Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ: онъ начальникъ и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я, — что вы подумаете? — помѣщикъ, который... служба... Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работающихъ подданныхъ — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія, Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ:

— Но все же... но какъ же таки... какъ же запропаститъ себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между...? Здѣсь все-таки на

улицѣ попадется навстрѣчу генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что-жъ такъ, за что-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помысленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ — черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не

выходившія наружу, впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилося у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: „чей лѣсъ?“ ему сказали: „Тѣнтѣтникова“; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влево отъ себя, и когда на вопросъ: „чьи луга и поѣмныя мѣста?“ отвѣчали ему: „Тѣнтѣтникова“; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны мимо не снятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревьевъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковра до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и крас-

ныя крышки каменныхъ господскихъ стросній, и блеснули золотые верхи [церкви], когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало: ощущенія, непрестанно накаплившіяся, исторгнулись наконецъ въ громогласныхъ словахъ: „Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя кропателемъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію бумажное, фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!“

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойники, зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили

его кругомъ. Когда раздалися слова: „Кормилецъ нашъ! вспомнилъ...“ и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: „Сколько любви! и за чтò?—За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!“ И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлать съ [ними] труды и занятія.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодонокъ, такъ что лѣнныя стали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслить, говорить грамотѣйно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапороухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пята колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ-было укорить, но получилъ такой отвѣтъ:

— Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли—по чапороухѣ водки приказали подать.

Чтò было на это возражать?

— Да отчего же теперь вышло скверно?—допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ? Видно, червь подѣлалъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подѣлалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодила, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы

обратить это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами:

— Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой—житья нѣтъ отъ ней!

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой; такъ развизгивалась, такая была хвора, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть.

— Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!— говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ, и вослѣдъ за тѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ; лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего — Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали-ль стога, клались ли клади, вблизи-ль ладилось сельское дѣло — его глаза глядѣли подальше; вдали-ль производилась работа — его глаза отыскивали предметы поближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынь, разумѣется — птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать, — и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впитать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ, надъ [нимъ] урчатъ и чили-

каютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтѣ, и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строящихъ въ треугольники свои вереницы въ небесахъ высоко. Откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ дорогъ и городовъ! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты; отказался принимать даже съ докладами приказчика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое обращеніе съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства и развязности—начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ,

пріѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи, — онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: „скотина!“ другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенія. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе—читатель ужъ видѣлъ. Установился странный, беспорядочный порядокъ. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго по-сильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы...

Что значили эти рыданія? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни,—что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ;—что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ*, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*? кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣка проходятъ за вѣками, позорной лѣнью и безумной дѣятель-

ностью незрѣлаго юноши объемлется..... и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тѣнитниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъяснять ему почтеніе, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своеправно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданіе. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не споривала она за себя самоѣ и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какія разсужденія и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслью — выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вослѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей

хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Незыблемое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась.

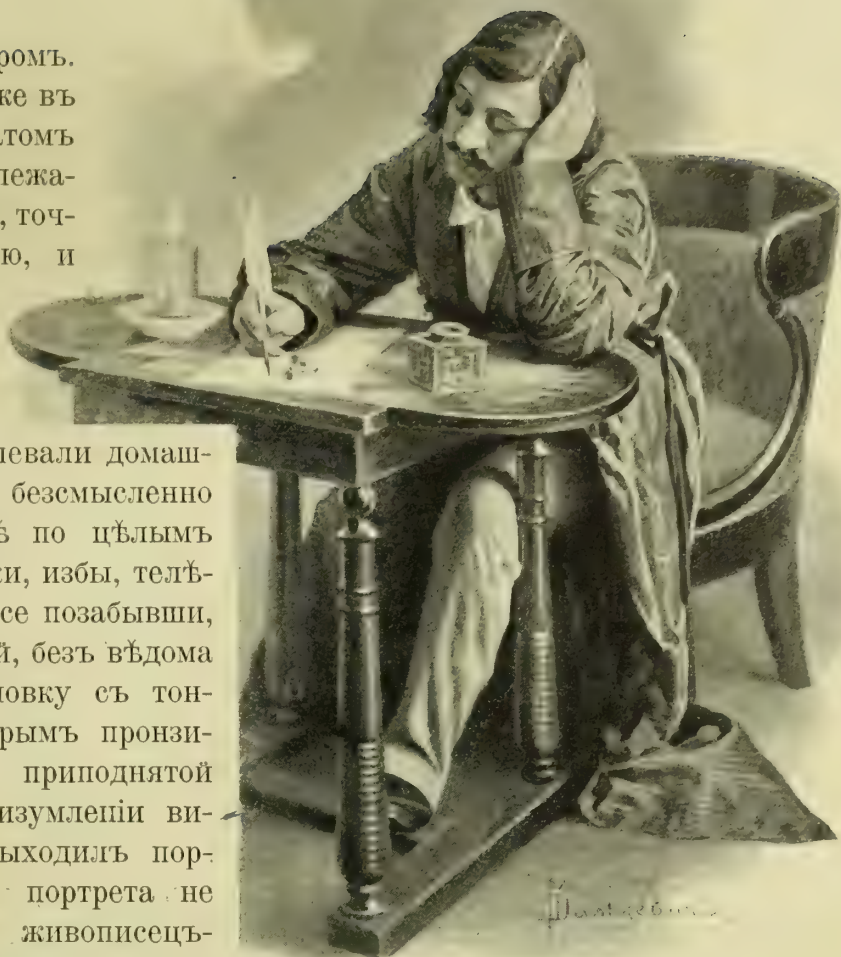
Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчія и возраженія; Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гости къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донинѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда, Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій, послушай, братецъ*, и даже *ты*. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло:—„Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамиллярному между нами обращенію“.—Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали

еще сумрачнѣй.
Все поворотило на
жизнь, которую чита-
тель видѣлъ въ нача-
лѣ главы—на лежанье
и бездѣйствіе. Въ домѣ за-
велись гадость и беспоря-
докъ. Половая щетка остава-
лась по цѣлому дню посреди

комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощеніе гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Въ то время, когда, по обыкновенію, подсѣлъ онъ къ окну глазѣть обычнымъ порядкомъ, но къ изумленію своему не слыхалъ ни Григорія, ни Перфильевны, во дворѣ напротивъ было нѣкоторое движеніе и нѣкоторая суeta. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ или рисуютъ ихъ на триумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налево, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ—кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его за чиновника отъ

правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона и тоже карточного игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью—доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрные. Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворявшуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы, нѣсколько на-бокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажъ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ

по Россіи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ-быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъяснилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ: предложилъ своихъ мастеровъ.

колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много

должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, что показывало въ немъ скорѣе практическаго человека. Въ заключеніе же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестръ такая пройдоха-труба, которая когда хватить, покажется, что крякнуло не въ оркестръ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ pokojахъ дремавшаго дома, и немедленно воспѣвъ за нимъ воспѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутіемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поизветшалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самыя финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличіе, обхожденіе остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнія держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразование. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заключенными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный—передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два

атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ,—такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворами, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образъ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный; но опасенія были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина сказавши, что она общаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Въ-время являлся, въ-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ присвистку. Словомъ — не

мѣшалъ хозяину. „И въ первый разъ вижу чело-
вѣка, съ которымъ можно
жить“, говорилъ про себя Тѣнтѣт-
никовъ: „вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть до-
вольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей по-
стоянно-ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить
вѣкъ и не поссориться—я не знаю, много ли у насъ можно отыскать
такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу“. Такъ отзы-
вался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на
время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему
надоѣла. Приотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ
виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморро-
идальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго
задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и
жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изу-
мруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ
наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показа-
лись на болотахъ; за ними въ догонъ бѣгали ужъ водяной паукъ, а
за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отвсюду. И все
собиралось поближе см[отрѣть] другъ друга. Вдругъ населилась земля,
проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью

былъ просторъ. Чтò яркости въ зелени! чтò свѣжести въ воздухѣ! чтò птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолье повсюду. То направлялъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ столпя.... густо деревья, отягченные птичьими гнѣздами, вмѣсти..... каркающихъ вороновъ, перекрестными летаньями помрачившихъ небо. По просохнувшей землѣ можно было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ, какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая оранъ черной полосой проходила по зелени, и засѣватель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и переговорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и чтò, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и на сколько хлѣба продается, и чтò выбираютъ весной и осенью за умоль муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормить свинью, словомъ—все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось — немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незavidно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича: повсюду упущенія, нерадѣніе, воровство, не мало и пьянства. И думалъ: „Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового дохода“.

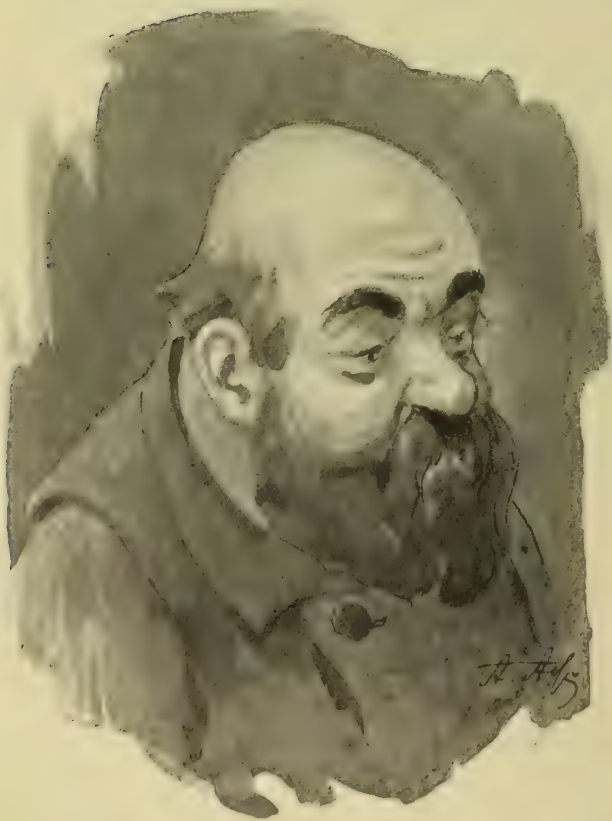
Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому,—т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ,

когда обдѣляется главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, на примѣръ, чинъ почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, челобѣту, что челобѣтка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, тербѣтъ, дразнить, шевелить воображеніе и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Последній

хотѣлъ-было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что слугитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожь, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня.

Григорій

II. Базиль.

... или же вступалъ въ гуши, въ лѣсные овраги, гдѣ
столпя... густо деревья, отягченныя птичьими гнѣздами..

Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ ка-
бацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни
вечерь, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы.
Породистыя стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ
большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять
вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣло-
шейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка
павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшихъ обѣими руками за бѣлыя

руки, медленно двигался онъ съ ними
въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной,
въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной навстрѣчу имъ, громко
выпѣвали, усмѣхаясь, горластыя дѣвки: „Бояре, покажите жениха!“ и
тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой
возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва, — не зналъ онъ и
самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и на яву, утромъ и въ
сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя
руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и

засѣдатель, и самый чубарый нашли пребываніе у Тѣнтѣтникова совсѣмъ не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположеніе конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Чтò же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то-есть — до мертвыхъ душъ, то насчетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тѣнтѣтниковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего—зачѣмъ и почему? „Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца“. Такъ думалъ онъ. Раздобаривая по часту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая по обыкновенію пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ:

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.

— Чего?—спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

— Подруги жизни,—сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:

— А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно, какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ такъ:

— А все-таки, какъ ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности—онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:

— На все нужно родиться счастливецомъ, Павелъ Ивановичъ,—и рассказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый, или только придурковать, и наконецъ—

— Андрей Ивановичъ! помилуйте! — сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: — какое-жъ оскорбленіе? чтò-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго,—сказалъ Тѣнтѣтниковъ:—но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно заключается оскорбленіе. *Ты!*—это значитъ: „Помни, что ты дрянъ; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай свое мѣсто, стой у порога“. Вотъ чтò это значитъ!

Говоря это, смиренный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, чтò-жъ тутъ такого?—сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ,—сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

— Какъ не поступокъ?—спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

— Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да впрочемъ, почему-жъ этого

и не позволить заслуженному, почтенному человеку?...

— Это другое дѣло,—сказалъ Тѣнтѣтниковъ.—Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно“.

„Онъ совсѣмъ дуракъ,—подумалъ про себя Чичиковъ,—„оборвышу позволить, а генералу не позволить!..“—„Хорошо!—сказалъ онъ вслухъ:—

положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное [дѣло],—это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно итти напроломъ. Чтò глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

„Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ думалъ между тѣмъ Чичиковъ.

— Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный—позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!—сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтниковъ:—да и васъ не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способенъ,—сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ.—Провиниться въ другомъ проступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости—никогда... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе, я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ.

Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

— Я виноватъ, простите!—сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки.—Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.

— Зачѣмъ?—спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

— Засвидѣтельствовать почтеніе.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

„Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ подумалъ Чичиковъ.

— Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣй засвидѣтельствовать почтеніе человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ.

— Помилуйте, чтò за просьба? Вы полный господинъ: и экипажъ, и все въ вашемъ расположеніи.

Послѣ такого разговора, они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову

лошадей и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военного человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покати́лся свидѣтельствовать почтенію генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущеніе нервическое обуяло вдругъ все́ми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить — безуспѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить—безуспѣшное старанье! отрывки чего-то, похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. „Странное состояніе!“ сказалъ онъ и придвинулся къ окну—глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась неуспѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

... и придвинулся къ окну — глядѣть на до-
рогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой
еще курилась неуспѣвшая улечься пыль.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА II.

обрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья; потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь коринтскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеніемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ доложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большіе бакенбарды съ про-

Н. Бажинъ

сѣдью, стрижка на затылкѣ
низкая, подѣ гребенку, шея
сзади толстая, называемая
въ три этажа, или въ три
складки, съ трещиной попе-
рекѣ: словомъ — это былъ
одинъ изъ тѣхъ картинныхъ
генераловъ, которыми такъ

богаты были знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе
изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостат-
ковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набро-
сано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя
минуты—великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ

и, въ примѣсъ къ этому, капризы, честолюбіе, самолюбіе и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и нѣтъ рѣшитель..... Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему со товарищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ; и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генераль-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ на-

рочно, тѣхъ; въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку явилъ онъ его при всякомъ случаѣ; порочилъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникъ и ревнитель; любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество непріятностей по службѣ, влѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ—онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе, и робость. Наклоня почтительно голову на-бокъ и разставивъ руки на отлетъ, какъ бы готовился приподнять ими поднось съ чашками, онъ изумительно-ловко нагнулъ всѣмъ корпусомъ и сказалъ:

— Счелъ долгомъ представиться
вашему превосходительству. Питая ува-
женіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ
отечество на бранномъ полѣ, счелъ дол-
гомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши
весьма благосклонное движеніе головою, онъ сказалъ:

— Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы
гдѣ служили?

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла
не посрединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресель:—

началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комисіи построенія, и въ таможи. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣніемъ, можно сказать, повить, спеленать и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣніе... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что наклонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говорить: „Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что точно“, говорить, „умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество“, говорить.

— Помилуйте, чтò-жъ онъ? Да вѣдь я не серяусь,—сказалъ смягчившійся генералъ.—Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать и даромъ слова и владѣть перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки—какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? о чемъ исторію?

— Исторію...—тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ:—исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ въ себѣ: „Господи, чтò за вздоръ такой несу!“

— Извините, я не очень понимаю... Чтò-жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году.

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ

году! — Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: „Хоть убей, не понимаю!“

— Такъ что-жь онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣетъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допустить, онъ самъ пріѣдетъ,—сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: „Экая оказія! какъ генералы пришли кстати! а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру“.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Если

бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрач-

ная картина, освѣ-
щенная
сильно сза-

ди лампами, — одна она бы такъ не поразила внезапностію своего явленія, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, что-бы что-то сказать, но увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, что такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однихъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы лучше убраться ея. Но это было также обольщеніе. Одѣлась она какъ будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда. И если бы перенести ее со всѣми этими складками ея обольнувашаго платья на мраморъ, назвали бы его копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генераль, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ, фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.

— Должно ли быть знакомо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями? — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на-бокъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

— Улинька! — сказалъ генераль, обратясь къ дочери: — Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ? — проговорила она быстро. — Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустовать, это правда,—сказалъ генераль.

— Онъ подловать и гадковать, не только-что пустовать. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ.

— Да вѣдь это рассказываютъ только.

— Такихъ вещей рассказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрейшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дурень“.

— Вотъ этакъ, вы видите,—сказалъ генераль, усмѣхаясь, Чичикову:— вотъ этакъ мы всегда съ ней споримъ.—И, оборотясь къ спорящей, продолжалъ:

— Душа моя! вѣдь мнѣ-жъ не прогнать его?

— Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? зачѣмъ и любить?

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ ввернуть и отъ себя слово.

— Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня,—сказалъ Чичиковъ...—Что-жъ дѣлать? И скотина любить, чтобы ее погладили; сквозь хлѣвъ просунетъ для этого морду: на, погладь!

Генераль разсмѣялся.

— Именно просунетъ морду: погладь его!.. Ха, ха, ха! У него не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренія... Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

— Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградъ просить! Нельзя, говорить, безъ поощренія, трудился... Ха, ха, ха, ха!

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки.

— Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ уныніе и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣніемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...— И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ,—сказалъ генераль.— Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Не правда ли?—сказалъ онъ, обратясь къ Чичикову.—Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза:—надѣюсь, обѣдаешь у меня?

— Если только, ваше превосходительство...

— Безъ чиновъ, что тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.

Бросивъ ловко обѣ руки на отлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ, и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, поднялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?

— Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству.

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатыхъ рукахъ, генераль сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Любятъ, любятъ, точно любятъ поощреніе,—сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею...—Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренія такъ и красть не станетъ! Ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ духѣ неопisanномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновеніе. „Генераль весельчакъ и добрякъ—попробовать!“ подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнулъ:

— Ваше превосходительство! такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.

— Какую?

Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

М. Дамасович.

... «Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало коле-
баться отъ смѣха.

М. Дальневичъ.

... Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха,
но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву э:
хе, хе, хе, хе, хе...

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ и двѣ тысячи... и, кромѣ меня, послѣдниковъ нѣкого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! „Я“, говоритъ: „племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ“.

— Да чтѣ-жъ онъ, выходитъ, совѣмъ дуракъ?—спросилъ генералъ.

— Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положеніе-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

М. Дальжесичъ.

... Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и поралился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся...

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего,—сказалъ генераль.—Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить?—говорилъ онъ, смотря съ изумленіемъ на Чичикова.

— Я придумалъ вотъ что. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ бы онѣ были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генераль разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Отецъ, что съ тобой случилось? — говорила она въ страхѣ, съ недоумѣніемъ смотря ему въ глаза.

Но генераль долго не могъ издать никакого звука.

— Ничего, другъ мой; не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха! —

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырвался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

— Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получить! Ха, ха!

„Опять пошелъ! — думалъ про себя Чичиковъ. — Экъ его, щекотливый какой! Какъ не разорвется!“

— Ха, ха, ха!—продолжалъ генераль.—Экой осель! Вѣдь придется же въ умъ этакое требованіе: „пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ!“ Вѣдь онъ осель!

— Осель, ваше превосходительство.

— Ну, да и твоя-то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха! ха! Я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ?

— Лѣтъ восемьдесятъ.

— Однакожъ и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?

— Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?

— Дуракъ, ваше превосходительство.

— Однакожъ, выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ?

— Держитесь, но съ трудомъ.
— Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожь? Есть еще зубы?
— Два зуба всего, ваше превосходительство.
— Экой осель! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ осель.

— Осель, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но чтѣ-жъ дѣлать?

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

— Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ...

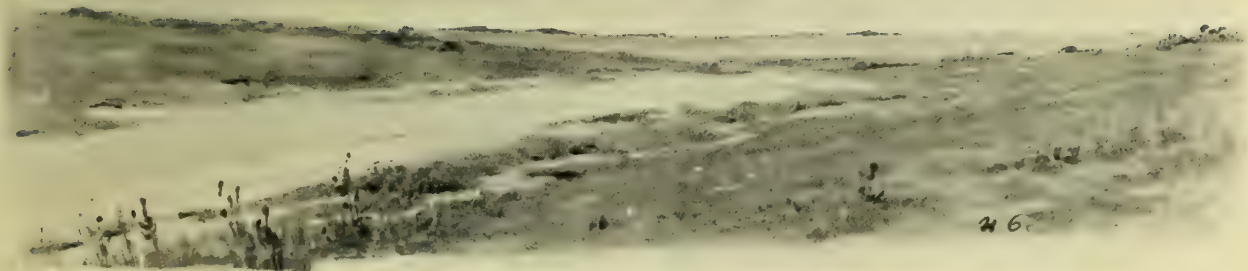
— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!..

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покойамъ *).

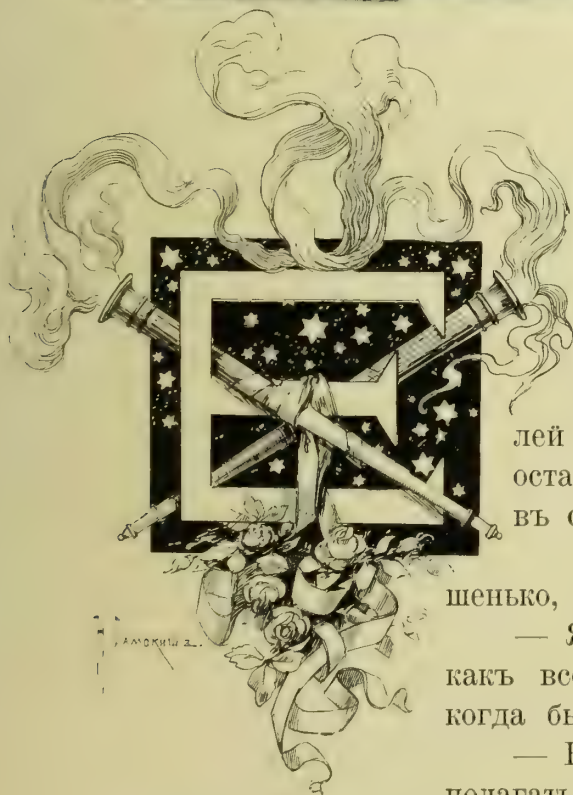
*) Послѣ этого значительный пропускъ.

Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ замѣтилъ: «Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тѣнтѣтниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ; помолвка Улиньки за Тѣнтѣтнкова; молитва ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву». Ср. ниже въ «Примѣчаніяхъ». *Ред.*

ГЛАВА ТРЕТЯ.

ГЛАВА III.

— Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшед-
шій, то это недурно, — говорилъ Чичиковъ,
очутившись опять посреди открытыхъ по-
лей и пространствъ, когда все исчезло и только
остался одинъ небесный сводъ да два облака
въ сторонѣ.

— Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хоро-
шенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ
какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ не-
когда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не
полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Пе-
трушка, чай, и теперь пьянъ.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! — сказалъ Петрушка, полуоборотясь
и глядя искоса. — Окромя того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ,
ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу!—Сказавъ это, Чи-

чиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: „Какая, однакожъ, раз-

ница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физиогноміей!“

Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшою покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо ихъ кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ ель. У корней гущина; трава—синяя ирь и желтый лѣсной тюльпанъ. Лѣсъ

затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро—водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: „Телепень Денисъ, передавай Козымъ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!“ Арбузъ, какъ видно,

боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ нимъ покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ

прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ, — сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? — закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, — какъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, — держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, приподымая картузь и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузь.

— А вотъ что! Брось, Оома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!

Двое рыбаков приподняли изъ лаханки голову какого-то чудовища. — „Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ! — кричалъ круглый баринъ. — Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводить, а я сейчасъ“...

Длинноногій, босой Ома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впередъ коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшаны были бредни, сѣти и морды: все мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подале, видны были крыши городскихъ строеній.

„Чудаковать этотъ Кошкаревъ“, — думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь! — раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травянозеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою все дрожки. Онъ

хотѣлъ-было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: „Ома Большой да Ома Меньшой! Козьма да Денисъ!“ Когда же подѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать — было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

А. Б. Шенниковъ
9/2

— Генераль Бетрищевъ,—отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ,—сказалъ онъ съ изумленіемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ Петръ Петровичъ! — подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остоленѣлъ.—Какъ же?—оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски.—Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки,—сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.—Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь: такая неожиданная ошибка... — говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу,—сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною.—Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянце. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоить того, чтобы въ ней жить...

„Понимаю,—подумалъ Чичиковъ:—кончится дѣло кондитерскими да бульварами...“ — А чтò? — спросилъ онъ велухъ: — въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено,—сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: — заложено.

„Плохо, — подумалъ Чичиковъ. — Этакъ скоро не останется ни

одного имѣнія. Нужно торопиться“. — Напрасно, однакоже, — сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья: — поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жиль здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго.

„Дуракъ, дуракъ! — думалъ Чичиковъ: — промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Имѣннице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ, — все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

— А вѣдь я знаю, что вы думаете? — сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплестъ, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

— Гдѣ, гдѣ? — закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ? — спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ, — сказалъ самъ Пѣтухъ,

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? — спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что-жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной прѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ:— Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ быть уловъ, если-бъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпищи какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать? помилуйте!—сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься — вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненіе и беспокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите замѣтить, — сказалъ онъ: — не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь...

— Повѣрьте,—прервалъ красавецъ-гость:—что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня—и того нѣтъ. Скучно, да и только.

— Стало-быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ.

— Странно, не понимаю. Но, можетъ-быть, неурожай, болѣзни? много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! не понимаю,—сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ,—сказалъ хозяинъ.—Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только — для поощренія. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для сваренія въ желудкѣ. Чтѣ-жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любить.

Закуска послѣдовала обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: „Безъ пары, ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ“ У кого два — подваливалъ ему третій, приговаривая: „Чтѣ-жъ за число два? Богъ любитъ троицу“. Съѣдалъ гость три — онъ ему: „Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строить избу о трехъ углахъ?“ На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть-ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ“. Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ,—сказалъ хозяинъ:—ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу,—сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ скажите: *не могу*.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взмошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ такимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года про-

живется въ пухъ!“ То-есть, онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольтва можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу. Съ гостями было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ!—сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ притти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ—не правда ли?

— Да. Но я, однакоже, — вы меня извините, — не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какіе же?

— Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то---жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить.—И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова.—Да вотъ прекрасное средство!—сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда-жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной, — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова:—„А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ“.

— А вы куда ѣдете?

— Покамѣстъ ѣду я не столько по своей нуждѣ, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благодетель, просилъ навѣстить родственниковъ.... Конечно, родственники родственниками; но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращеніе людей—кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука.—И, сказавши это, помышлялъ Чичиковъ между тѣмъ такъ: „Право, было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадахъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ“.

„Почему-жъ не проѣздиться?—думалъ между тѣмъ Платоновъ.—Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему-жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?“ — А согласны ли вы, — сказалъ онъ вслухъ:—погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпустить.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, такъ по рукамъ! ѣдемъ!—сказалъ, оживясь, Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ. „Ѣдемъ!“

— Куда, куда?—вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ раннего обѣда и поѣзжайте себѣ.

Что было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. Зато на-граждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ

Иллюстрация

И. Бажинъ.

...Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла.
съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго
озера...

Гоголь. «Мертвые Души».

устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронесли въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись передъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ—и катеръ, самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьиного горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: „Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще бѣлая тоска находитъ на душу“.

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотѣмахъ ударили весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенія къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ

людской, бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись, въ это время, передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. „Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!“ И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для сна и, ложась въ постель, пошупалъ

животикъ свой: „Барабанъ! — сказать [онъ]: — никакой городничій не взойдетъ“. Надобно такое стеченіе обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ,—и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла,—говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая къ себѣ духъ.—Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молоко съ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ разтого—не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ“.

Говоря это, Пѣтухъ присмакывалъ и подшлепывалъ губами.

„Чортъ побери! не дастъ спать, — думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ положи ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: „Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!“ Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они съѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Это уже слишкомъ,—сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

— А не скучаетъ, вотъ что досадно!

„Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу,—подумалъ Чичиковъ—да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откупщикъ Муразовъ,—легко сказать, —десять милліоновъ... Экой кушъ!“

— Что, вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ Чичиковъ.

— Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, сударь мой, получаетъ 200 тысячъ годового дохода съ такого имѣнiя, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало.

— Ахъ, да это конечно предпочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ этакимъ человѣкомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамилиі?

— Костанжогло.

— А имя и отчество? позвольте узнать.

— Константинъ Ѳедоровичъ.

— Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло. Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.

Платоновъ принялъ на себя руководить Селпфаномъ, что было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ.—Экая скотина!—повторялъ только Чичиковъ.

— Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли,—сказалъ Платоновъ:—совсѣмъ другой видъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ—ровныя какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣснякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса.—Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что у другого и въ двадцать не вырастетъ.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Разспросите у него. Это землевѣдъ такой—у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, какъ знаетъ, какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три, четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то

влаги прибавить полямъ, на столько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно...

„Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ, — подумалъ Чичиковъ.—Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать“.

Наконецъ показалась деревня. Какъ бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеніяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. „Да,—подумалъ Чичиковъ,—видно, что живетъ хозяинъ-тузъ“. Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга—телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ-то умнымъ выраженіемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями; но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дома, чтобы все было видно барину, что ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, не для красоты или для видовъ, но для наблюденія за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ непохожіе на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраговъ, а козацкіе чекмени синяго домашнего сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла какъ онъ, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покупателями,—говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣкогда въ ней сидѣвшей и оставившей свое впечатлѣніе. Но нельзя было вывести никакого заключенія. Комнаты всѣ просты, даже пусты; ни фресковъ, ни кар-

тинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминномъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтковъ, приготовленные къ сушкѣ...

— Что это у тебя, сестра, за дрянъ такая наставлена? — сказалъ Платоновъ.

— Какъ дрянъ! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый [годъ] всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а это для варенья. Вы все смѣтаете надъ вареньями да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты.

— Господи! что за старина! — сказалъ онъ. — Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?

— Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки, — нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра! — сказалъ братъ и подошелъ къ окну. — А, вотъ онъ! идетъ, идетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человекъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузь. По обѣимъ сторонамъ его,

снявъ шапки, шли два человека нижняго сословія,—шли, разговаривая о чемъ-то съ нимъ толкуя: одинъ — простой мужикъ, другой—какой-то заѣзжій кулакъ и прои-

доха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они все около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

— Вы вотъ что лучше сдѣлайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ взаймы: вы послѣ мнѣ отработаете.

— Нѣтъ, Константинъ Федоровичъ, что ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человека нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не удержишь. Цѣловальники такія завели теперь настоянки, что съ одной рюмки такъ станетъ задрать въ животѣ, что воды ведрѣ бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь.

Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей-Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ, и всякіе такіе... Чтò-жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ—не удержишься.

— Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь—и корову, и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай—первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, брать: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ все подумайте міромъ и потолкуйте между собою.

— Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: „что говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому“.

— Все-таки ступай и переговоры.

— Слушаю-съ.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... побавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжіи кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Чтò-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичить, ну, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами кательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять. — Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм! — подумалъ Чичиковъ — точно какъ бы носовой платокъ!“ Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженіемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылаго южнаго происхожденія. Онъ былъ не совсемъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зная другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

— Я, чтобы вытѣчься отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздить по разнымъ губерніямъ, — сказалъ Платоновъ; — и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ.

— Прекрасно, — сказалъ Костанжогло. — Въ какія же мѣста? — продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь, — сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову на-бокъ и въ

то же время поглаживая рукой кресельную ручку: — ѣду я, пока мѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеніи, увидать свѣтъ, коловращеніе людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука“.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

— Чему же, однако?... чему научить? — сказалъ Костанжогло, смутившись. — Я и самъ учился на мѣдные деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ.

— Знаете ли что, — сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленіи: — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и расскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Конечно, останьтесь, — сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: — Братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?“

— Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я то-жъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ сумасшедшій.

— Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ; но генераль Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...

— Въ такомъ случаѣ знаете что? — сказалъ [Костанжогло]:— поѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки—поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.

— Превосходная мысль! — воскликнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была въ-разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по веѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депю земледѣльческихъ орудій*; на другомъ: *Главная счетная экспедиція*; далѣе: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*, *Школа нормального просвѣщенія поселянъ*.

Словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника

онъ засталъ за пультн-
тромъ стоячей конторки, съ
перомъ въ зубахъ. Полков-
никъ принялъ Чичикова

отмѣнно ласково. По виду, онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему рассказывать о томъ, сколько трудовъ ему стоило возвестъ имѣніе до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгіки, или Химическое изслѣдованіе почвъ.

„Да, какъ бы не такъ!—подумалъ Чичиковъ.—А вотъ я до сихъ поръ еще „Графини Лавальеръ“ не прочелъ: все нѣтъ времени“.

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны,—науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ-слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и наконецъ сказалъ: „съ этимъ, кажется, чиниться нечего“; и тутъ же объявилъ, что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеннымъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ,—сказалъ полковникъ, нимало не смутясь:—это просьба, не такъ ли?“

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выравокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ...

— Помилуйте! — вскрикнулъ Чичиковъ: — вѣдь этакъ затянется Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя.* Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ— Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проведетъ по всѣмъ мѣстамъ.

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человекъ.

— Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера! — Предсталъ комис-

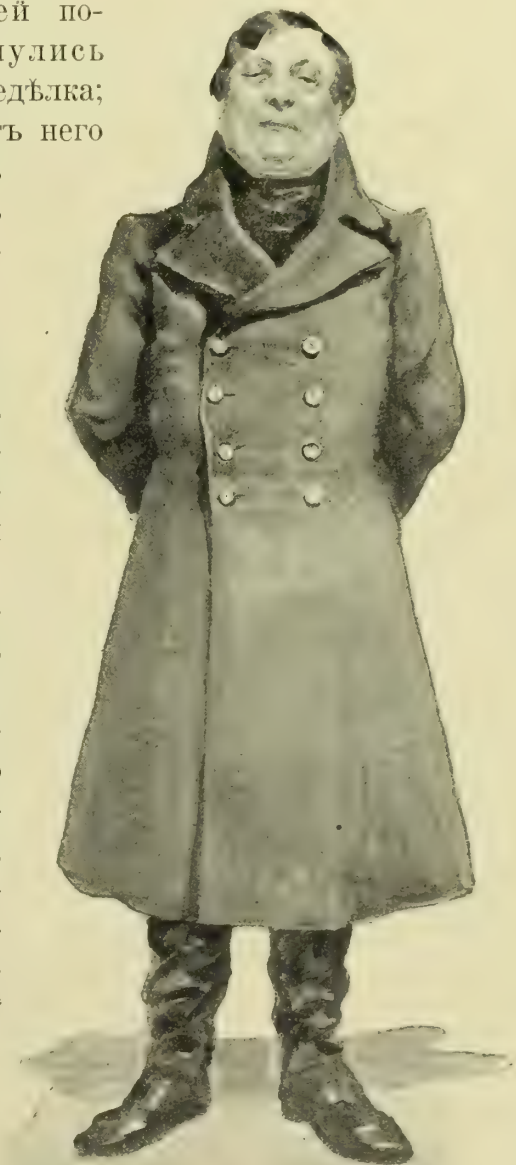

сіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. — Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда-то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись

они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ,—тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку. „У насъ безтолковщина,—сказалъ наконецъ Чичикову комиссіонеръ.—Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія“. Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, рассказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссіи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесеній?

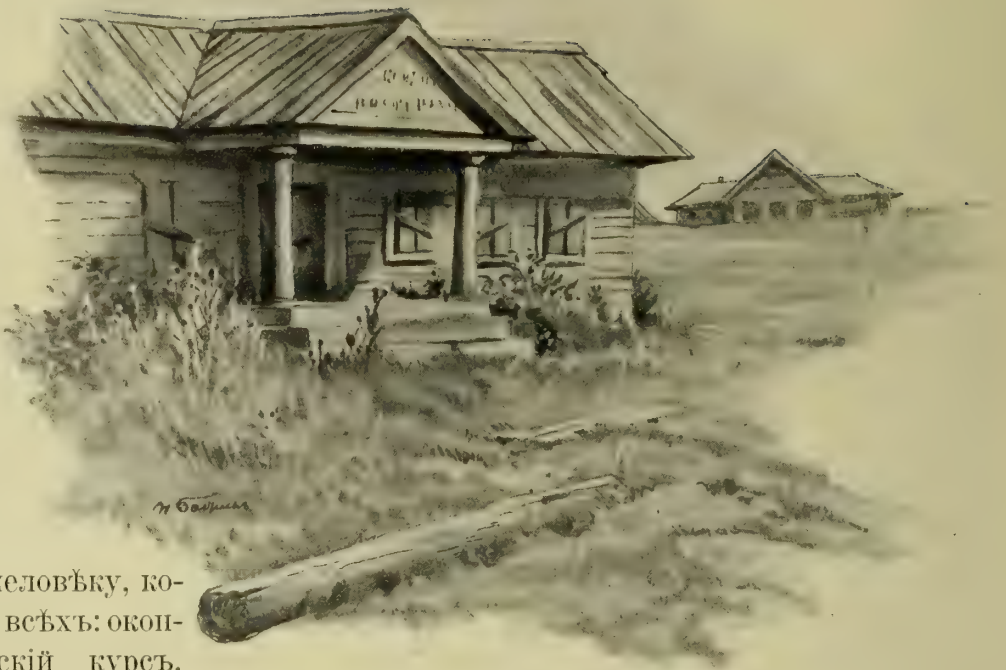

„Ну, пойдеть кутерьма!“ подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже уѣхать.

— Иѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что значить органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ.

Вотъ касовы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоценнаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библіотекѣ,—сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь.—Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы—господинъ. Просвѣщеніе должно быть открыто всѣмъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, вводя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу доверху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; спеціальные журналы—по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для пріятнаго препровожденія, онъ обратился къ другому шкафу—изъ огня въ полымя: все книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему предъ глазами, подъ названіемъ: „Предуготовительное вступленіе въ область мышленія, Теорія общности, совокупности, сущности, и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности“. Что ли разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленіе, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! „Это не по мнѣ“, сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными мнѣологическими картинками и началъ ихъ разматривать. Такого рода картинки правятся холостя-

камъ среднихъ лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриваніе одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.

„Ну, слава те, Господи!“ подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать. Полковникъ сталъ читать:

„Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное:

„I-е. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое такое названіе уже показываетъ изученіе наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна“.

— Плутъ! — сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствіемъ: — Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

„Во II-хъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнію не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятія, но и перезало-

жены, съ прибавкой по полутора ста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и вслѣдствіе того подъ запрещеніемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?—сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Въ-сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожь, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣваютъ: что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль—устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

— Чтò это вы такъ запоздали?—сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?—сказалъ Платоновъ.

— Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ,—сказалъ Чичиковъ.

— Это еще ничего,—сказалъ Костанжогло.—Кошкаревъ—утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ, — вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури въ чужи. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстраиывать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.

М. Дальевичъ.

... „Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!“...

— Да вѣдь и онъ заложить теперь въ ломбардъ, — сказать Чичиковъ.

— Ну, да, все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ.—Сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться.—Вонъ шляпный, свѣчной заводы, — изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ — этакое званіе почтенное — въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шляхамъ городскимъ, дѣвкамъ...

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрики,—замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбытъ некуда—я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, — по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, — мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники, — ну, куда ее дѣвать? я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

„Экой чортъ! — думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: — загребистая какая лапа!“

— Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Размотри только попристальнѣе свое хозяйство,—всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами

— Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ,—сказалъ Чичиковъ.

— Да помилуйте! Если бы только братъ дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій — механикъ: всякій хочетъ открыть ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англію;

вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье!—Сказавши это, Костанжогло плюнулъ.—И вѣдь глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!

— Ахъ, Константинъ! ты опять разсердился, — сказала съ безпокойствомъ жена. — Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ: заведетъ такія школы, что дураку въ умъ ни войдетъ. Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ челоуѣколюбіе пойдетъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ челоуѣколюбія: настроить на миллионъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пустить всѣхъ по міру: вотъ тебѣ и челоуѣколюбіе!

Чичикову не до просвѣщенія было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянъ даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вѣтавить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

— Думаютъ, какъ просвѣтитъ мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что пишутъ теперь эти шелкоперы! Пустить какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что стали говорить: „Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свѣе состоянія“... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ какъ пузырь,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе,—что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были [какъ] хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься?—спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ

доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ правственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю — не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество—вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, — того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ все гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ миллионъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

— Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ останковъ, изъ обрѣзковъ получается и всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гм! политическіе эконоы!—говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ.—Хороші политическіе эконоы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ — дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзаетъ на каедрю, надѣнетъ очки... Дурачье!“ И во гнѣвѣ онъ плюнулъ.

— Все это такъ и все справедливо, только пожалуйста не сердись, — сказала жена: — какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!

— Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Федоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, шупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на приватное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я мысль въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть?—подхватилъ Костанжогло.— А вотъ какъ!..

— Пойдемъ ужинать, — сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человека, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напitan-

наго свѣжею
зеленью и
первыми ко-
реньями вес-
ны. Всѣ сѣли
за столъ. Слуги
проворно
поставили ра-
зомъ на столъ
всѣ блюда, въ
закрытыхъ
соуеникахъ, и
все, что нужно,
и тотчасъ
ушли: Костан-
жогло не лю-
билъ, чтобы
лакеи слуша-
ли господскіе
разговоры, а

еще болѣе, чтобы глядѣли ему
въ ротъ въ то время, когда онъ
ѣстъ.

Нахлебавшись
супу и выпивши
рюмку какого-то
отличнаго питья, похожего на венгерское, Чи-
чиковъ сказалъ хозяину такъ:—Позвольте, почтен-
нѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету пре-
кращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ,
какъ быть, какъ поступить, какъ лучше при-
няться *)...

— ...Имѣніе, за которое если бы онъ
запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ
же отсчиталъ.

*) Послѣ этого утрачена изъ тетради одна четвертка,
или двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мерт-
выхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое
примѣчаніе. «Здѣсь въ разговорѣ между Костанжогло и Чичи-
ковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло пред-
ложилъ Чичикову приобрести покупкою имѣнье сосѣда его,
помѣщика Хлобуева».

Ред.

— Гм! — Чичиковъ задумался. — А отчего же вы сами, — проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: — не покупаете его?

— Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло.

— Какъ вообще люди способны къ злословію! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ какъ въ нашей губерніи,—не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ.—„Я,—говорить,—конечно промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощрялъ промышленниковъ [мошенниковъ, то-есть, которые тру...]; а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло“.

— Желалъ бы я быть этакой свиньей!—сказалъ Чичиковъ.

— И вздоръ. Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да..... И все оттого, что не задаю обѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило: я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ. Не даю денегъ взаймы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да расскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.

„Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію“, подумалъ Чичиковъ.

— И никогда не откажу,—продолжалъ Костанжогло.—Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извиняютъ! Чортъ побери! онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелью домъ, или съ распутницей въ маскарадъ, юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги взаймы!..

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія взволнованной желчи.

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ

предмету прекращеннаго разговора, — сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая дѣйствительно была отличная. — Если бы, положимъ, я приобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите, — подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенія духа: — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да, — сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова: — надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, — да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глухихъ своихъ клубахъ, трактирахъ, да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе! Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты — все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій! — занятій, истинно возвышающихъ душъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ: какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все рассчитывается въ началѣ. А какъ взломаешь ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля — по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе миллионовъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты: хоть двадцать глазъ имѣй, всеѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клады, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время все бабы работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано, — да вѣдь это... А зима! Молотьба по всеѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да

для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью

творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, — да я и рассказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами,—но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе? — сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица.—Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..

Какъ пѣнія райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и-все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать,—сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Все встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже недоставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

— Что ни рассказывай, а все, однакоже, скучно,—говорилъ, иди позади ихъ, Платоновъ.

„Гость не глупый человѣкъ,—думалъ хозяинъ,—внимателенъ, сте-

пенень въ словахъ и не щелкоперъ“. И подумавши такъ, стать онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они все въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснув-

шаго сада,—Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно: точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій пришла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: „довольно!“ Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣе ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустѣ, на безлюдь безлюдномъ, встрѣтишь

человѣка, котора-
го грѣющая бесѣ-
да заставить по-
забыть тебя и без-
дорожье дороги, и
безпріют-
ность ноч-
леговъ, и
безпутность
современ-
наго шума,
и лживость
обмановъ,
обманиваю-
щихъ чело-
вѣка. И жи-
во врѣжет-
ся, разъ на-
всегда и
навѣки,

проведенный такимъ образомъ
вечеръ, и все удержать вѣрная *Шаль*
память: и кто соприсутствовать,
и кто на какомъ мѣстѣ сидѣть,
и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рпеунокъ обоевъ, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырганье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: „полно, не мучь его“, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и вѣсенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанная звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно вы-свистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Федоровичъ! — произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова.

— Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ

дѣйствительно есть одинъ, о которомъ точно можно сказать -- умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто жъ бы это такой могъ быть? — съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу!—вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣнъемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Чтò вы говорите!—вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

— Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: чтò ни захватить, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначить, такая и останется: некому перебить.

— Господи, Боже ты мой! — проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло,—захватило духъ въ груди ему.—Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки: для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ приобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но милліоны...

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ: прямой дорогой такъ и ступай, все бери, чтò ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ,—нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю: чтò ни захватить — вдвое или втрое противъ..... А съ тысячи чтò?—десятый, двадцатый процентъ.

— И чтò всего непостижимѣй — что дѣло вѣдь началось съ копѣйки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей,—скажь Костанжогло.—Кто родился съ тысячами, воспитался на тыся-

чахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины,—съ копѣйки, а не съ рубля, — снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хорошо людѣ и быть, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ выдержишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь все мытарства,—тогда тебя умудритъ и вышkolитъ [такъ], что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ:—„Дай-

те мнѣ 100 тысячъ—я сейчасъ разбогатѣю“,—я тому не повѣрю: онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать.

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю,—сказалъ Чичиковъ, невольно помывшись о мертвыхъ душахъ:—ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать,—сказала хозяйка:—а ты все болтаешь.

— И непременно разбогатѣете,—сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки.—Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грѣзъ и мечтаній. Кружились его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображеніе, и въ ушахъ его отдавались слова: „рѣки, рѣки потекутъ“...

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что-жь тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось,—сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣніе Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: — полно тебѣ храпѣть! — и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Все разбрелось и скоро заснуло по своимъ постелямъ.

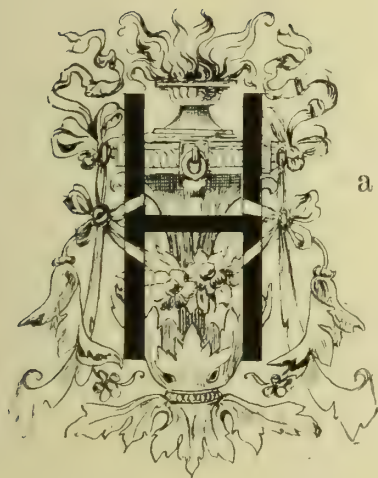
Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло—расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ,—и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка: Костанжогло было первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ—купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальные—какънибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ наконецъ и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

Онъ заснулъ крѣпко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА IV.

а другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ приобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, стоня съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахатныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденскій, намѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ въ про....., выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплатка, на сапогѣ дырка.

Приѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу займы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной. Чтò дѣлать? свинья-свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчивать?

— Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покушникъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ,—сказалъ Костанжогло.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку. Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стòящее вниманія... Да чтò, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали,—сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться.— Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ.—Хлобуевъ взялъ въ руки картузь.—Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое.

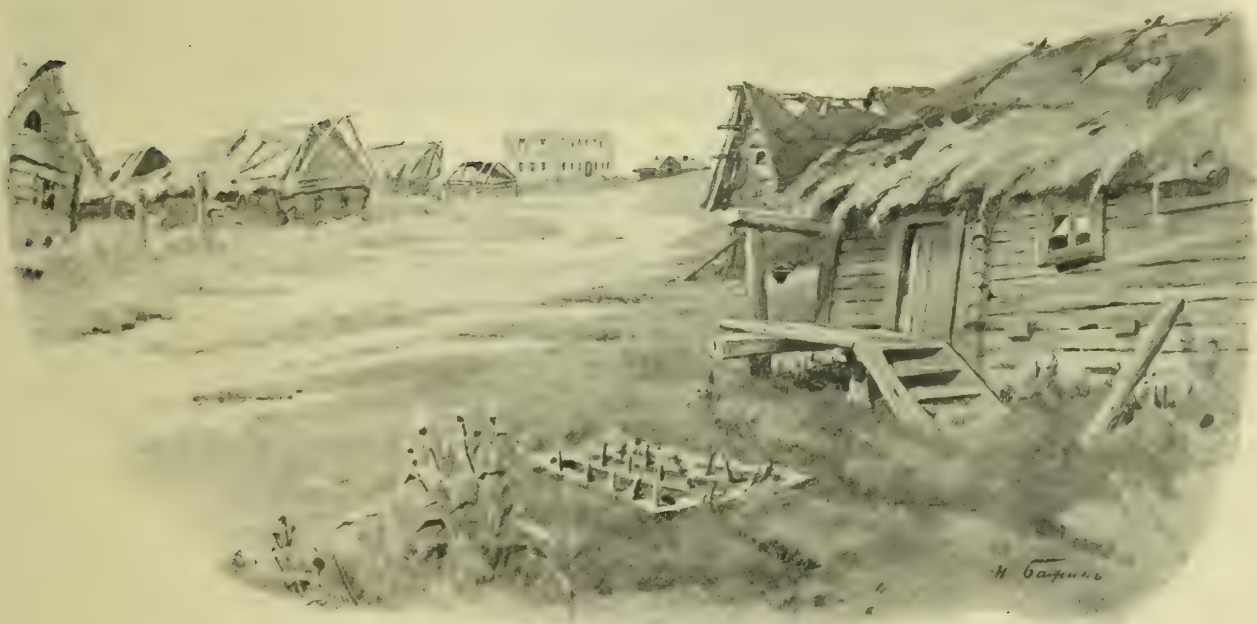
Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

— Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое,—говорилъ Хлобуевъ.—Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ—до того дожилъ!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Федоровича, подхватить подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову. — Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье — вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава

бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ? — спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ — сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.

— Такъ что жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ.

— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ.

— Чтò жъ предпринять?

— Чтò жъ, вы, стало-быть, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскій секретарь. Какое жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье — пять сотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Пойдите въ управляющіе.

— Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городъ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ,—сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. — Не гожусь я теперь никуда: одряхлѣлъ прежде старости своей, и пояница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! чтò разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!

„Вотъ плоды безпутнаго поведенія! — подумалъ Платоновъ.— Это хуже моей спячки“.

А между тѣмъ, какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ смотрите, — сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ: — довелъ мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телѣги, ни лошади. Случился падежъ—ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже излѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ его развратилъ навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля-то какова? разглядите землю!—говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами.—Все поѣмныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячь на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — по косогору розъ поднялась; вѣдь это все падалъ. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что вѣронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой—огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руку заступъ, жену, дѣтей, дворню заставъ; умри,, на работѣ! Умрешь по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то — обожравшись свиньей за обѣдомъ! — Сказавши это,

плюнулъ Ко-
станжогло, и
желчное расположеніе осѣнило су-
мрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей
чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ
перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома
генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая, курчавая гора,
пылившая синеватою пылью отдаленія, по которой вдругъ догадался
Чичиковъ, что это должно быть Тѣнтѣтнкова,—[онъ сказалъ]: „Здѣсь
если завести лѣса,—да деревенскій видъ можетъ превзойти красотой.....“

— А вы охотникъ до видовъ!—сказалъ Костанжогло, вдругъ на
него взглянувши строго.—Смотрите, погонитесь тамъ за видами, —
останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на
красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и кра-
сивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый

строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку,—казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...

— Да что вы 25-лѣтній развѣ юноша? Петербургскій чиновникъ..... Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, роите землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но за то потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь; нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двигнуть,—все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ.

— Слушая васъ, чувствуешь прибитокъ силъ. Духъ воздвигается.

— Вона земля какъ вспахана!—вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ.—Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть—глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣніе. Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ.—И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ,—говорилъ удивленный хозяинъ:—только-что пріѣхали—и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, — сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

— Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ:—не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на такое безпутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честный человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Ѳедоровичѣ — что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хотъ каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожниѣе черезъ мостъ, чтобъ не бултыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить..... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ пріучить ихъ къ по-

рядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.

— Странно,—сказалъ Платоновъ: — отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія,—замѣтилъ Чичиковъ.

— Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше—выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорта, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? — Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діету; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаетъ глазами, и языкъ не ворочается — какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ — право! И этакъ всѣ.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: — эта исторія бываетъ.

— Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ: спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего-то другого недостаетъ, а чего — и самъ не знаю.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отвсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посреди улицы. Все было опущено и запущено какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого-то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два

мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесаль у себя пониже спины, другой зѣваль. Зѣвота видна была на строе-ніяхъ, крыши так-же зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіеся окна подперты были жердями, сташенными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Незавидное у васъ хозяйство,—сказалъ [Чичиковъ], когда они, осмотрѣвъ, подѣхали..... Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеніемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты—очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала гостя, какая-то пустомеля и бол-

тунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

— Такъ какая же будетъ ваша цѣна? — сказалъ Чичиковъ. — Спрашиваю, признаться, чтобъ услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидать.

— Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Хлобуевъ. — И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера: прочіе отлучились безпашпортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣніе останется по судамъ. Потому-то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

— Помилуйте, какъ же тридцать пять? За такое тридцать пять! Ну, возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно.

— Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ. За имѣніе можно

всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

— Очень хорошо, согласенъ,—сказалъ Чичиковъ, испугавшись.— Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальные черезъ Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ

— Какъ же, право? я ужъ не знаю,—сказалъ Чичиковъ:—у меня всего-на-всего теперь десять тысячъ,—сказалъ Чичиковъ,—сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжогло; но какъ-то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.

— Я вамъ займу 5 тысячъ,—подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ этакъ!—сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: „А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ займы“. Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10.000 Хлобуеву; остальные же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра; то-есть, обѣщано: предполагалось же привезти три, другія — потомъ, денька

черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ отъ того дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

— Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева. Есть у васъ другая деревушка?

— Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать, не для себя, а для дѣтей: имъ нужны будутъ учителя Закону Божию, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать.

„Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учить танцованью!“ подумалъ Чичиковъ.

„Странно!“ подумалъ Платоновъ.

— Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, — сказалъ Хлобуевъ. — Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

„Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть“, подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанскимъ [Хлобуевъ] обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что дѣлать? — въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ островами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей — помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, — что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Мнѣ удивительно, — сказалъ Чичиковъ: — какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?

— Средства-то есть,—сказалъ Хлобуевъ, и тутъ [же] выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: „Господи Боже! какое необъятное разстояніе между знаніемъ свѣта и умѣніемъ пользоваться этимъ знаніемъ!“ Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: „Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ“.

„Еще бы,—подумалъ Чичиковъ, — этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!“

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка,—сказалъ Хлобуевъ:—старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, хоть она и зоветъ его: „Эй, малый!“ Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ,—и обнесутъ. Вотъ какъ!

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ?—спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней?—сказалъ съ участіемъ Платоновъ.—Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Эта старушка-камень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы: припелся ей въ родню... „Сдѣлай мнѣ такое одолженіе“, сказалъ онъ вдругъ, обратясь [къ Платонову]: „на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ“...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ: и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина

Le groupe avec les enfants et les femmes

1880

потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ все обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и все увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всехъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всемъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ [онъ] житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и — странное дѣло! — почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право жалокъ, — сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ! — сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего“.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, все его мысли были заняты не на шутку пріобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенія, и мысли стали степеннѣй и давали невольно значительное выраженіе ли[цу]. „Терпѣніе, трудъ!“ Вещь

нет[рудная]: съ ними я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новостъ. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнія, сколько въ молодости?“ Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ пріобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе [разумѣется, если не захочется самому хозяйничать], оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него займы. Странная мысль! не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ [ее], но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня, и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! егѣза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей?.. Онъ почувствовалъ удовольствіе,—удовольствіе оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ,—помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ, помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угоды, и люди,—люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакъ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубъ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенія; и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: „чего?“ онъ отвѣчалъ: „ничего“.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Бѣлые [стволы] лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя какъ снѣжный частоколь, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи взапуски громко щелкали изъ рощи. Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-[за] рощи рѣшетка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатою палкой въ рукахъ.

Аглицкій песъ, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— А вотъ и братъ, — сказалъ Платоновъ. — Кучеръ, стой! — И вышелъ изъ коляски, Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій, проворный Азоръ лизнулъ, проворнымъ языкомъ сво-

имъ, Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братъ обнялись.

— Помилуй, Платонъ, что это ты со мною дѣлаешь? — сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василиемъ.

— Какъ что?—равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. „Поѣхалъ“, говоритъ, „съ какимъ-то бариномъ“. Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что жъ дѣлать? позабылъ, — сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу: онъ тебѣ кланяется, сестра—также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. — Братъ Василій! это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Оба, приглашенные ко взаимному знакомству, пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

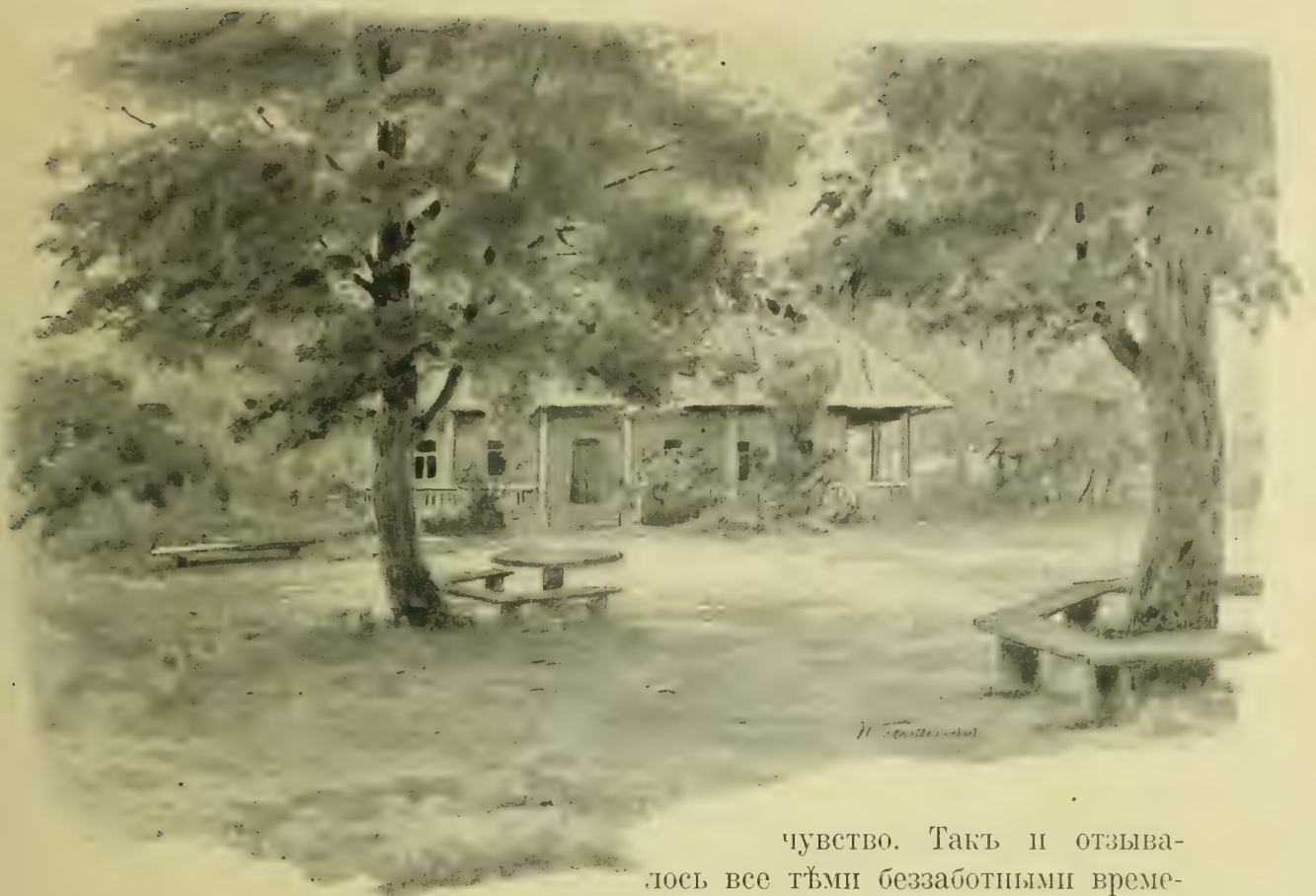
„Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?—думалъ братъ Василій. — Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ. — И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ, по виду, очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василя и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

— Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился?—сказалъ озадаченный братъ Василій; и онъ чуть было не прибавилъ: „И еще ѣхать съ чело­вѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянъ, и чортъ знаетъ что!“ Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный: домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ—съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтушія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывавшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямые, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ, бѣлѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-пріятное

чувство. Такъ и отзывалось все тѣмъ беззаботными временами, когда жилось все́мъ добродушно и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами все́хъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовой лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно слугъ не было: они были все садовники, все дворовые исправляли по очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоить заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щего-

левато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ — точныя коймы турецкой шали.

— Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ, — сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точный липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ. „Нектаръ!“ сказалъ онъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

— Напитокъ напитковъ! — сказалъ Чичиковъ. — Могу* сказать, что

у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пить первѣйшую наливку, а у васъ—первѣйшій квасъ.

— Да вѣдь и наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела. Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать? — спросилъ братъ Василій.

— Ъду я,—сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну [и] наклоняясь:—не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращеніе людей—есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался. „Говорить этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда“, подумалъ [онъ]. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону:—Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя не чтò другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ,—и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, чтò ни случается.

— Вольно жъ принимать все близко къ сердцу, — сказалъ Платонъ.—Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?—сказалъ Василій.—Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ?—Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я—ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай—святая вещь и за него готовъ пожертвовать всѣмъ.

— Не знаетъ, потому и захватилъ,—сказалъ Платонъ:—человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду,—сказалъ Чичиковъ:—скажите дѣльцо.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: „Экой охотникъ ѣздить!“

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ,—сказалъ Чичиковъ:—и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянъ: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый: мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.

— Конечно,—сказалъ Чичиковъ:—а дѣло въ чемъ?

— Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да если бы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ...

— По-моему, лучше переговориться: можетъ-быть, дѣло-то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ...

— Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ...

— ... *) и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ, сказалъ, Чичиковъ:—ибо не столько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— А, это такъ, это такъ,—сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову на-бокъ.

— Какъ пріятно встрѣтить единомысліе! — сказалъ Чичиковъ.— Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежемъ по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну,—чего Боже сохрани,—непріятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшился воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыхъ.

*) Передъ этимъ словомъ въ рукописи отрѣзаны двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: «Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался рассказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помощнику Лѣницыну».

О. Козачинскій.

Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: „Агу, агу душенька“, и прищелкиваніемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печати отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки.

„Это, однакоже, что-то такое престранное“, подумаль Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ. — Да дѣло-то, однакоже... такого рода...—началь [онъ].

— А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ:—и притомъ между благонамѣренными людьми.

— Да все-таки, однакоже, дѣло какъ-то...

— А соблазну никакого, — отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ.—Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ.—И, говоря это, глядѣль онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ-то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ

на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ. „Экая удивительная оказія!—думалъ онъ про себя.— Прощу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача“!

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно за тѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей *comme il faut*. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискачкой и наклоненіемъ головы на-бокъ, Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: „Агу, агу, душенька“, и прищелкиваніемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печатки отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула жена Лѣницына:—онъ вамъ испортилъ весь фракъ!

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новѣшенькаго фрака былъ весь испорченъ.

„Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!“ подумалъ онъ въ-сердцахъ.

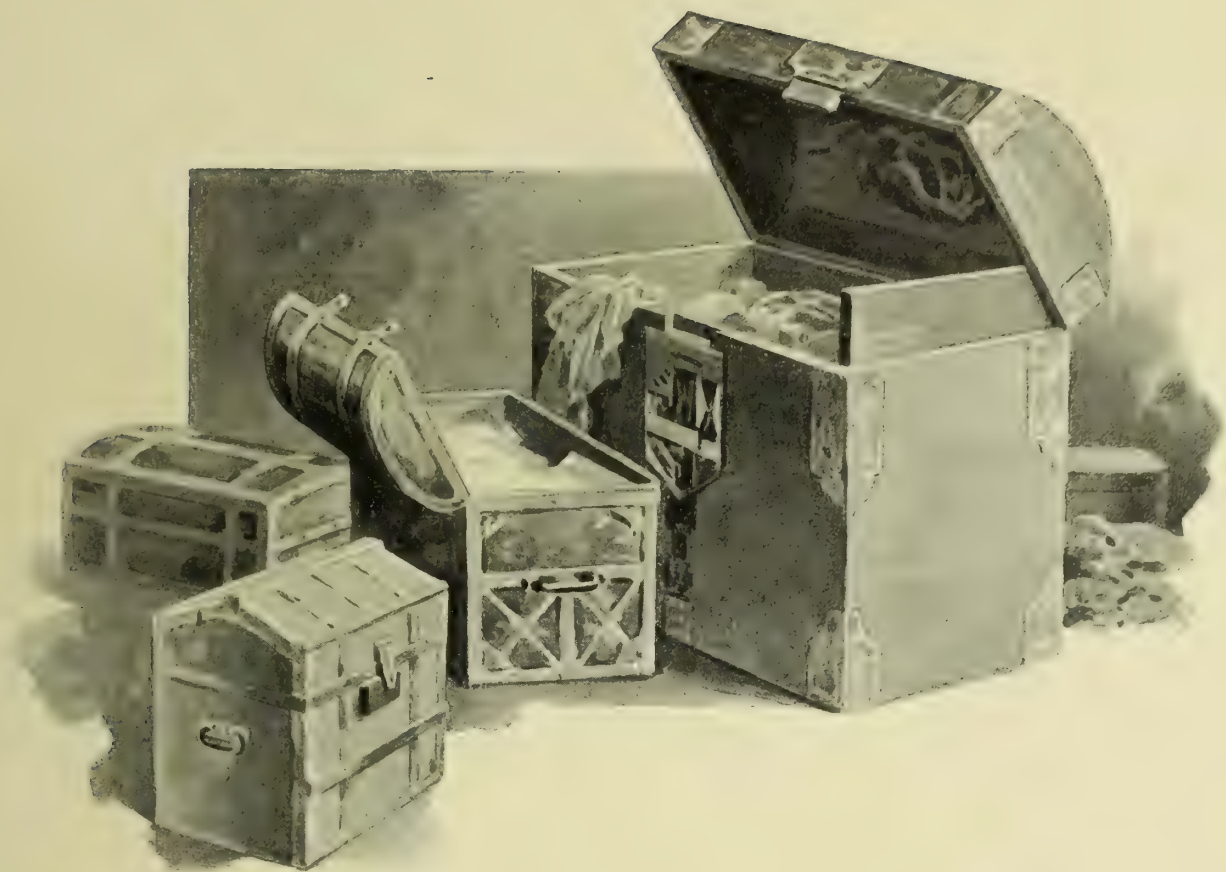
Хозяинъ, хозяйка, мамка—все побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего!—говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе.— Можетъ ли что испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста?—повторялъ онъ; а въ то же время думалъ: „Да вѣдь какъ bestia, волки-бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!“

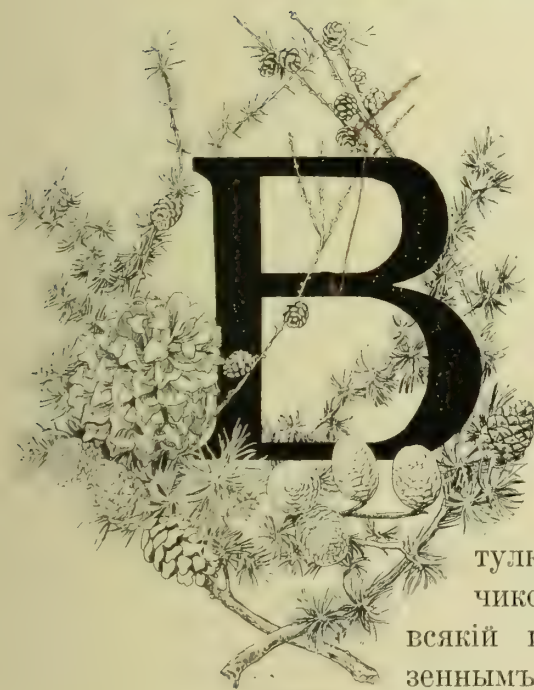
Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фраккомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— Позвольте жъ и мнѣ, въ вознагражденіе за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?..

ГЛАВА ...

ГЛАВА ...*)

се на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Что кому требуетъ, тотъ то и требуетъ*, говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шка-
тулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ-нибудь попользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебели Гамбса или ка-

*) Въ рукописи нѣтъ надписанія: «Глава». Уже это обстоятельство указываетъ на то, что этотъ отдѣлъ представляетъ остатокъ одной изъ *первоначальныхъ редакцій* этой части второго тома «Мертвыхъ Душъ», написанной въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить, какая это будетъ глава по счету. Дѣйствительно, эта глава написана въ особой тетради, ярко отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ и качествомъ бумаги, и желтыми чернилами, и даже самымъ характеромъ почерка. (См. «Примѣчанія»). *Ред.*

реты. Чтò-жъ дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтѣ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясання съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всѣ, со всѣхъ сторонъ, дѣлають то же, да и мода велить—изволь удержаться себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ готова была начаться другая ярмарка—собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, чтò куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и французенки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ—эта египетская саранча, по выраженію Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставить, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всѣхъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведеніе—какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи вокзалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы [не только] столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителѣй Зародилось желаніе пощеголять другъ передъ другомъ лошадьми и кучерами. Ужъ это столкновеніе сословій для увеселенія!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадили бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатыхъ шапкахъ. Все были европейскаго вида съ бритыми подбородками, все и съ гнилыми зубами.

— Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ!—покрикивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣніемъ смотрѣли познанные съ Европой посред....; изрѣдка только съ чувствомъ достоинства произносили: „Шт.....“, или: „здѣсь сукны зиберъ, клеръ и черныя“.

— Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой?—спросилъ Чичиковъ.

Отличныя сукна,—сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку. Чичиковъ вошелъ въ лавку.

Ловко при-
поднять
доску
и очутися
на другой
сторонѣ его
снѣною къ
товарамъ,
вознесен-
нымъ отъ
низу до по-
толка, шту-
ка на шту-
кѣ, и — ли-
цомъ къ

покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка-покачиваясь на нихъ веѣмъ корпусомъ, произнесъ: „Какихъ суконъ пожелаете?“.

— Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусеникѣ,—сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что ты вѣчно выше

своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконцо!— И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то,—сказалъ Чичиковъ.—Вѣдь я служилъ на таможнѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ больше прекрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусеникѣ чтобы приближалось.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Пред-увѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадле-

жить уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показать, прищурясь къ свѣту и сказавши: „Отличный цвѣтъ! Сукно наваринскаго дыму съ пламенемъ“.

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и „съ прификсомъ“, какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Заверочено оно было въ бумагу, по-русски, съ быстротою неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкою бечевкой, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и все было уже въ коляскѣ. Купецъ приподымалъ картузь. Приподымающій картузь причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

— Покажите чернаго сукна,—раздался голосъ.

— Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ,—сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоприятнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо объясненіе насчетъ наслѣдства. Но онъ уже его увидѣлъ.

— Что это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить.

— Почтениѣйшій, почтениѣйшій,—сказалъ Чичиковъ, пожимая ему руки:—повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ.—А самъ думалъ: „Чортъ бы тебя побралъ!“ И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова.—Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?

— Какъ вы?—сказалъ Муразовъ, снимая шляпу. Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

— Да вотъ поясница, да и сонъ какъ-то всё не то. Ужъ отъ того ли, что мало движенія...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву:

— А я, Семенъ Семеновичъ, увидавши, что вы вошли въ лавку,—за вами. Мнѣ нужно кое-о-чемъ переговорить, такъ не хотите ли захватить ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же!—сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ. „О чемъ бы у нихъ разговоры?“ подумалъ [Чичиковъ].

— Аѳанасій Васильевичъ—почтенный и умный человѣкъ,—сказалъ купецъ:—и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негоціантъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и бюджетъ, и реакція, а иначе выйдетъ павпуризмъ.—Чичиковъ махнулъ рукой.

— Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ,—раздался позади голосъ Лѣшицына. Купецъ почтительно снялъ шляпу.

— Ахъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ!

— Ради Бога, ѣдѣмте ко мнѣ: мнѣ нужно переговорить,—сказалъ онъ. Чичиковъ взглянулъ—на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

— Васъ жду, Семень Семеновичъ,—сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева:—пожалуйте ко мнѣ въ комнатку.—И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши лучше? Послѣ тетюшки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ расскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Семень Семеновичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Мои обстоятельства трудныя, — сказалъ Хлобуевъ. — Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше, — словомъ, мнѣ это невозможно.

— Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартиру, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуда не гожусь.

— И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенія, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою.

— Не могу, никуда не гожусь: осовѣлъ, болитъ поясница.

— Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякое чему-нибудь да служить, имѣетъ свое отправление. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы, — статочное ли это дѣло?

— Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаніемъ дѣтей.

— Нѣтъ, Семень Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ [въ] праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семень Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ, — вѣдь и тотъ служить. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Ей Богу, пробовалъ, Аванасій Васильевичъ, старался переодолѣть! Чтò-жъ дѣлать! оstarѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ — и себѣ помѣшаю, и другимъ поврежу. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аванасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста, — вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...

— Богадѣльныя [тѣмъ], которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: „Поди, попляши!“ Да и въ богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ, — говорилъ [Муразовъ], смотря ему въ лицо пристально: — „вы обманываете и себя, и меня“.

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо; но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался

— Это — другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ быть всеѣмъ на свѣтѣ. Чтò-жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнуть ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не

— Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени — для проигрыша въ карты, для пирушки съ объѣдами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибыльтокъ — и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь — за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни — чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. „Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь, — говоритъ, — я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ!“ говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу — и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не мо-

лится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ.

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки.

— Семенъ Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я обѣ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума,—такого ума, что я не знаю. (Онъ не говоритъ); но ужъ если дать совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, но имени не, что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: „Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строить, а денегъ нѣтъ: собирать нужно на церковь!“ Да и захлопнулъ дверь. Я думалъ, что-жь это значить? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только-что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитанный другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасеніе свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. „Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается,—такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край лучше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А этикіе люди теперь нужны“.—Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ,—сказалъ Хлобуевъ, въ изумленіи смотря на него.—Я даже не вѣрю тому, что вы точно мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ ѣсть нечего?

— О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченіе, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую [кибитку], тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а

И. Пирогов.

...Я вамъ дамъ простую кибитку, тряски не бойтесь...

кому дадите; тотъ точно будетъ стѣить. Этакимъ образомъ ѣзда, вы точно узнаете всѣхъ, кто Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся и отъ котораго; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговаряется.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень [желалъ] исполнить хоть часть; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ.

— Да что же по нашимъ силамъ?—сказалъ Муразовъ.—Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: „Господи, помилуй!“ гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеніемъ, да и въ дорогу.

— Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе.— „Господи, благослови!“ сказалъ онъ внутренно, и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенія. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову *).

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможднѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: „Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните,

*) Здѣсь оканчивается текстъ позднѣйшей передѣлки, набросанный надъ строками темными черными чернилами. Прежній текстъ зачеркнуть лишь до словъ: «чтобы хлебать съ серебрянаго блюда», хотя въ немъ все, замѣненное новою редакціею, подлежало исключенію. Новая редакція этихъ страницъ осталась въ рукописи не связанною съ прежнею. Намъ оставалось возобновить прежній текстъ съ того мѣста, которое не было замѣнено новымъ изложеніемъ, не подверглось передѣлкѣ. *Ред.*

что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все“. Записка эта успокоила совершенно его. „Точно геній“, сказалъ Чичиковъ. Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ (молодецки) славно обтянуло, икры тоже;

сукно обхватило всѣ малости, сообщая имъ еще бѣольшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ туть щеткой, прибавивъ: „Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ составляетъ картину“. Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подѣ правой мышкой немного жало, портной только улыбаля: отъ этого еще лучше прихватывало по таліи. „Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы,—повторялъ онъ съ

пескрытымъ торжествомъ:—кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ“. Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь „Карлсеру“ или „Копенгара“.

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и соп амоге. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заман-

чивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синий галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! Поворотился налѣво—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь, выбраться не смѣетъ на русскомъ языкѣ, а расписать французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамъ среднихъ лѣтъ и послѣд-няго просвѣщенія: выходила, про-сто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрыгнувъ комодъ и шлепнулася на землю стеклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стеклянку душой и подумалъ: „Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...“ Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско: „Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!“ Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, [страшилище] грубо заговорило: „При-

казано сей же часъ!“ Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генераль-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему.—Ступайте! васъ князь уже ждетъ,—сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: „Вотъ какъ схватить, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!“ Сердце его забилося съ такой силою, съ какой не бьется даже у напревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкафами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

„Губитель, губитель! — сказалъ Чичиковъ — онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца“.

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ!—Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?—спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову:—женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

— Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнести, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжець. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на-ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...—Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство,—вскрикнулъ Чичиковъ:—умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите—старуха-мать!

— Врешь! — вскрикнулъ гнѣвно князь. — Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь—матерью.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй,—сказалъ Чичиковъ голосомъ —Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушеніе... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была—точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я—человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, изливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

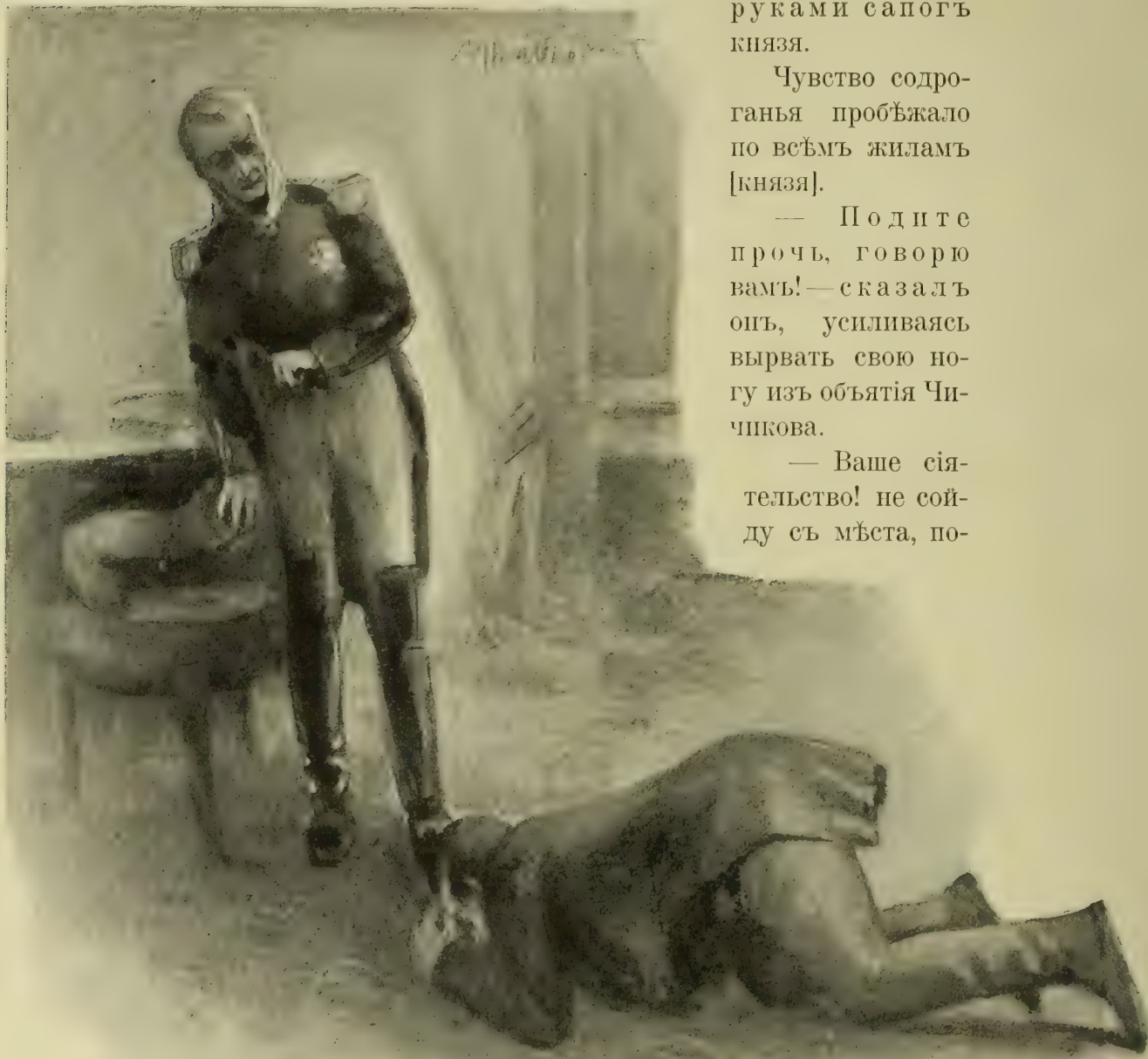
— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдаты!— сказалъ князь взошедшимъ.

— Ваше сіятельство! — кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всеѣмъ жиламъ [князя].

— Подите прочь, говорю вамъ!— сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, по-

куда не получу милости,—говорить [Чичиковъ], не выпуская сапогъ князя и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ ффракомъ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ!—говорить онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ бѣльшей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...—Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало,—вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [герой], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ ффракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть-можетъ, достигнутыя..... Бумаги, крѣпости на мертвыхъ—все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды,—не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный [Чичиковъ].

— Спаситель мой!—сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу,

на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловаль и прижалъ къ груди.—Богъ да наградить васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: „Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!“

— Что-жъ дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во-время остановиться. Сатана проклятый оболѣстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благо-

зумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ по-

ступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму!.. Дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. Потомъ приобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщѣ стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя

атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.

— Благодѣтель, спасите, спасите!—отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги.—Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!

Ударился головою въ стѣну, а рукою хватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

— Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.

— Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣніемъ, можно сказать, кровавымъ, добывалъ копѣйку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ, или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копѣйку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не спорю, покривилъ... чтò-жъ дѣлать? Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Чтò-жъ за несчастье такое, скажите,—всякій разъ, что какъ только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушеніе въ щепки всего корабля. Вотъ подъ три[ста] тысячъ было капиталу; трехъ-этажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покуналъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за чтò-жъ такая.....? За что-жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начиналъ; все потерявши, начиналъ вновь съ копѣйки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянія запилъ и сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая [копѣйка] выработана, такъ сказать, всѣми силами души!.. Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая*

копѣйка, какъ говорить пословица, *алтыннымъ гвоздемъ прибита*, и эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копѣйку я доставалъ, видитъ Богъ, съ такою желѣзною неустойчивостью...

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, обѣ укрѣпленія которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча предъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное , въ первый разъ имъ виданное. А несчастный ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ [видѣ],

въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, [съ] окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечаящія человѣку.

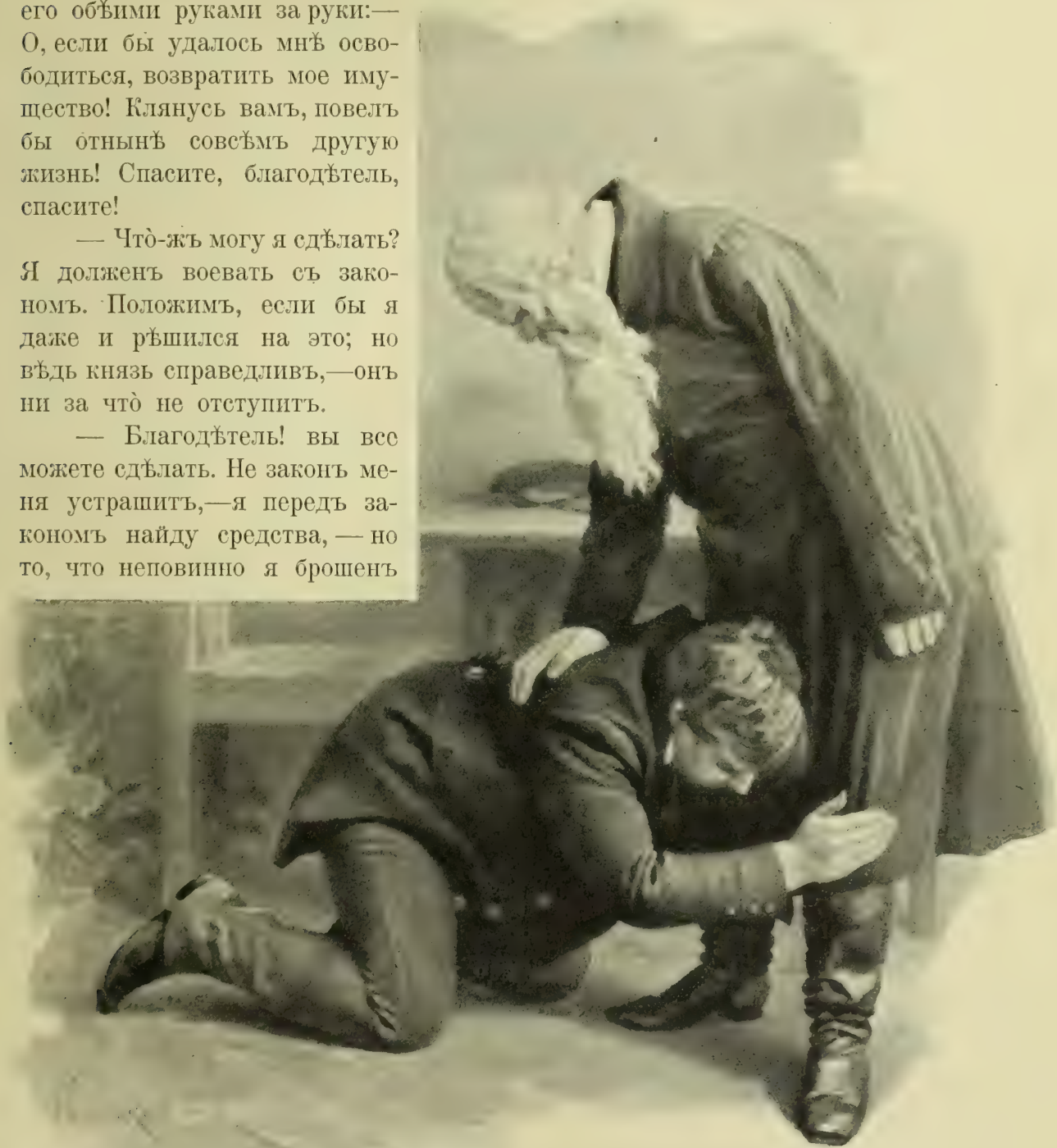
— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки,—Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жалъ, что виноваты вы стали предъ другими, а то жалъ, что предъ собой стали виноваты—передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше — быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни; но если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ [все] поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

— Аѳанасій Васильевичъ,—сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки:— О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелѣ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,—онъ ни за что не отступить.

— Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашить,—я передъ закономъ найду средства, — но то, что неповинно я брошенъ

въ тюрьму, что я пропаду здѣсь какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!—говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою]:—какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ!.. — сказалъ старикъ Муразовъ, и остановился.—Спаси васъ не въ моей власти,—вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества,—а у меня его больше чѣмъ у васъ,—я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ прожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже, чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искушитель, или предатель.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искушитель сбиль, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадьё!

Какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то далекое, что-то, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынною родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетою и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что..... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимнею вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ: „Правда, правда!“

— И познанье людей, и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное!.. Эхъ, Павелъ

Ивановичъ, зачѣмъ
вы себя погубили?
Проснитесь: еще не
поздно, есть еще время...

— Нѣтъ, поздно, поздно!—застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце.—Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого [пути], но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ правоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣй правилъ. Вижу, чувствую, Аванасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура; нѣтъ любви къ добру,

этой прекрасной склонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ натуру, въ привычку... Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества. Говорю правду—что-жъ дѣлать!

Сильно вздохнулъ старикъ...

— Павелъ Ивановичъ! у васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру,—дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ большую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте [себя] только нѣсколько разъ,—потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится*, сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, братъ его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! вѣдь [у] васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье—и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди—безъ воли все,—слабые.

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что-то славолѣбное на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его...

— Аѳанасій Васильевичъ!—сказалъ онъ твердо:—если только вы молитесь мнѣ избавленіе и средство уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую [жизнь]: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи! — сказалъ обрадованный старикъ.—Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ [знаетъ]. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.

Чичиковъ остался [одинъ].

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню: когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣха и восходитъ нестерпимый жаръ огня,—бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу...

„Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употребляю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего, но всѣ силы употребляю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но

всѣ силы [употреблю], чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Чтò-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стоить только рѣшиться...”

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязаль. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенія и движенія, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ поставленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый [ударъ], если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часъ... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣніемъ военного поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила:

съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все слышали! — сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ станемъ работать за васъ и—ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше.

— Будто?—вскрикнулъ Чичиковъ:—и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! еще вознагражденіе получите за убытки.

— И за трудъ?

— Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ—и нашимъ, и генераль-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло—спокойствіе и присутствіе духа.

„Гмъ! — подумалъ Чичиковъ, понимаю — юрисконсультъ!“

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбрали поставленныхъ часовыхъ

за то, что небдительно, смотрителю приказать потребовать еще лишних солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже все такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей,

такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія брэннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любясь, какъ художники, крючковой стро-

кой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всеѣмъ механизмомъ; всеѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку.

— Давно ты здѣсь стоишь?

— Съ утра, ваше благородіе!

— Долго до смѣны?

— Три часа, ваше благородіе.

— Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого.

— Слушаю, ваше благородіе.

И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ—самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: „Ступай къ меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну“. Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генераль-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непрятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что родился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, ужокошили не-антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣ-

лая волость, не размыслив того, что слишком много выйдет тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить..... подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ.—Пусть войдетъ,—сказалъ князь. Старикъ вошелъ.

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетью за такое дѣло!

— Ваше сіятельство,—скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ.—Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!—сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ—наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!—сказалъ князь съ чувствомъ негодованія.—Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ мерзавцы!

— Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города—люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка,—что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство,—сказалъ Муразовъ:—кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золь дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиною несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ!—воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ:—Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны.

— Ради Бога...—сказалъ князь съ замѣтнымъ волненіемъ:—вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не на-счетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сузу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ. [Слѣдовало бы тоже] принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не размотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза,—запугаешь только его, да и признанія настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата,—самъ-съ все выскажетъ и даже не просить о смягченіи, и ожесточенія ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видить, что не я его наказываю: я законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ *con amore*. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему пужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что

всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда передъ нимъ раскрывалась какая [-нибудъ] труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда передъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато *)...

„... хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть лучше знаю чиновниковъ: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговаряются, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ-за нихъ и не видать. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аванасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь—даже и не онъ.

— Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросить у нихъ совѣта: что [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣй-

*) Послѣ этого въ рукописи большой пропускъ.

шія, чѣмъ каверзничать
и наживаться? Повѣрьте,
они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ва-
ше сіятельство. У человѣка,
даже и у того, кто похуже
другихъ, все-таки чувство
справедливо. Развѣ ужъ
жидъ какой-нибудь, а не

русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрыватьсѣ. Скажите такъ точно, какъ изволили передо [мною]. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ, — такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Чтò-жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не передъ ними, а передъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ князь въ-раздумьи: — я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое-съ-къмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ: — я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои — да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ распоряженіи хорошемъ, — лучшимъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Чтò ни говорите, вѣдь отъ души зависить тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло], какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я то-жъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ.—Муразовъ правъ,—сказалъ онъ:—пора на другую дорогу!“—Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина.—Ну, любезные,—сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво:—нужно укладываться, да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ! — Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки,— сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ кому] не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко,—тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопріятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ [встрѣчъ] и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: „И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію?

А рвать волосъ не слѣдовало бы и по-давно“. Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Му-

разовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потанинцемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генераль-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислюдовъ, Красноносковъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ не безъ волненія и безпокойства ожидали выхода генераль-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе—въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чѣмъ сокровеннымъ, хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами], и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

— Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челоубитчикомъ я буду уже самъ и представляю очевидныя доказательства.

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливейшихъ тоже смутились.

— Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само

собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Чтò-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ,—несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще обвин..... я долженъ обратить такихъ только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на головы

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенія душевнаго не выражало его лицо.

— Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолишь, тотъ самый теперь васъ всѣхъ просить. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду вамъ ходатаемъ за всѣхъ; если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасти свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Чтò тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать..... Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своею личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у под-

Н. Козминскій.

Въ большомъ залѣ генераль-губернаторскаго дома
собралось все чиновное сословіе города...

чиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виновать. Дѣло въ томъ что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплемennыхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался противъ , такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоить человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва “

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ,

помѣщенныхъ въ поэмѣ Н. В. Гоголя „МЕРТВЫЯ ДУШИ“, изд. 1901 г.

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
--------	-----------------------	--------------------

Портретъ Н. В. Гоголя (гравюра на стали).

Часть I. Глава I.

3	Пріѣздъ Чичикова въ губернскій городъ NN	Н. Пироговъ.
3	Буква В	Н. Самокишъ.
4	Два мужика	А. Афанасьевъ.
4	Молодой человѣкъ	Е. Самокишъ-Судковская.
5	Петрушка и Селифанъ сносятъ вещи въ номеръ гостиницы	М. Далькевичъ.
6	Петрушка устраивается въ передней	М. Далькевичъ.
8	Половой.	М. Далькевичъ.
8/9	Чичиковъ за обѣдомъ въ гостиницѣ (<i>геліогравюра</i>)	М. Далькевичъ.
9	Видъ губернскаго города	Н. Хохряковъ.
10	Чичиковъ срываетъ со столба афишу.	М. Далькевичъ.
12	Губернаторъ вышиваетъ по тюлю	Е. Самокишъ-Судковская.
13	Чичиковъ умывается	М. Далькевичъ.
14	Сѣздъ у губернатора	Н. Пироговъ.
15	Балъ у губернатора. Чичикова представляютъ губер- наторшѣ.	Е. Самокишъ-Судковская
17	Прокуроръ	М. Далькевичъ.
18	Почтмейстеръ	М. Далькевичъ.
18	Предсѣдатель палаты	М. Далькевичъ.

Гоголь. «Мертвые Души».

71

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
18	Маниловъ	В. Андреевъ.
19	Собакевичъ	М. Далькевичъ.
20	За картами у губернатора	М. Далькевичъ.
21	Поздравъ	М. Далькевичъ.
22	Чичиковъ у предсѣдателя палаты	Е. Самокишъ-Судковская.
24	Собакевичъ и его жена	М. Далькевичъ.

Глава II.

27	Буква У	Н. Самокишъ.
28	Селифанъ запрягаетъ лошадей	Н. Пироговъ.
29	Петрушка	М. Далькевичъ.
30	Петрушка за чтеніемъ	М. Далькевичъ.
31	Петрушка утромъ въ номерѣ Чичикова	М. Далькевичъ.
32	Селифанъ	М. Далькевичъ.
33	Дорога	Н. Бажинъ.
34	Деревня и домъ Манилова	Н. Бажинъ.
35	Бесѣдка въ саду Манилова	Н. Бажинъ.
37	Размышляющій Маниловъ.	В. Андреевъ.
38	Столъ съ подсвѣчниками въ домѣ Манилова	М. Далькевичъ.
39	Маниловъ и его жена	В. Андреевъ.
41	Маниловъ цѣлуется съ женой	В. Андреевъ.
43	Чичиковъ и Маниловъ у входа въ гостиную	В. Андреевъ.
44	Маниловъ представляетъ Чичикова женѣ	В. Андреевъ.
47	За обѣдомъ у Манилова	В. Андреевъ.
48	Лакей утираетъ носъ Оемистоклосу	В. Андреевъ.
51	Приказчикъ Манилова.	В. Андреевъ.
52	Маниловъ удивленный предложеніемъ Чичикова	В. Андреевъ.
54	Маниловъ и Чичиковъ пожимаютъ другъ другу руки	В. Андреевъ.
55	Прощаніе Чичикова съ семьей Манилова	С. С. Соломко.
56	Сабля и барабанъ, обѣщанные дѣтямъ Манилова	М. Далькевичъ.
58	Маниловъ послѣ отъѣзда Чичикова	В. Андреевъ.

Глава III.

61	Гроза	Н. Бажинъ.
61	Буква А	Н. Самокишъ.
62	Тройка Чичикова. Чубарый	Н. Пироговъ.
63	Тройка Чичикова. Коренникъ Гнѣдой.	Н. Пироговъ.
63	Тройка Чичикова. Засѣдатель	Н. Пироговъ.

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
64	Селифанъ, бесѣдующій съ лошадьми	Н. Пироговъ.
66	Опрокинутая бричка Чичикова	Н. Пироговъ.
67	Старуха съ фонаремъ во дворѣ Коробочки	А. Афанасьевъ.
68	Бричка Чичикова передъ крыльцомъ дома Коробочки	Н. Пироговъ.
71	Коробочка и Чичиковъ въ испачканномъ фракѣ	А. Афанасьевъ.
73	Чичиковъ утромъ въ постели, въ домѣ Коробочки	А. Афанасьевъ.
74	Дворъ и садъ Коробочки	Н. Бажинъ.
76	За завтракомъ у Коробочки	А. Афанасьевъ.
78	Коробочка	А. Афанасьевъ.
79	Чичиковъ уговариваетъ Коробочку	А. Афанасьевъ.
81	Чичиковъ отказывается купить у Коробочки пенку	А. Афанасьевъ.
83	Въ гостиной Коробочки послѣ заключенія сдѣлки	А. Афанасьевъ.
85	Чичиковъ за блинами у Коробочки	А. Афанасьевъ.
86	Коробочка провожаетъ Чичикова	А. Афанасьевъ.
87	Пелагея, дворовая дѣвочка Коробочки	А. Афанасьевъ.
88	Съ проселковъ на столбовую дорогу	Н. Пироговъ.

Глава IV.

91	Тройка Чичикова у постоялаго двора	Н. Пироговъ.
91	Буква П	Н. Самокишъ.
92	Постоялый дворъ	Н. Пироговъ.
93	Старуха на постояломъ дворѣ	І. Маньковскій.
94	Ноздревъ	М. Далькевичъ.
95	Ноздревъ, обрадовавшійся встрѣчѣ съ Чичиковымъ	М. Далькевичъ.
97	Ноздревъ нагибаетъ Чичикова къ окну, указывая привезшихъ его лошадей	М. Далькевичъ.
99	Ноздревъ собирается поцѣловать Чичикова	М. Далькевичъ.
100	Человѣкъ Ноздрева Порфирій со щенкомъ	М. Далькевичъ.
103	Чичиковъ щупаетъ уши щенка	М. Далькевичъ.
105	Дѣти Ноздрева съ нянькой	Е. Самокишъ-Судковская
107	Бѣлятъ стѣны въ столовой Ноздрева	І. Маньковскій.
109	Ноздревъ и его гости на псарнѣ	Н. Пироговъ.
110	Какъ Ноздревъ поймалъ зайца	М. Далькевичъ.
111	Граница владѣній Ноздрева	Н. Бажинъ.
111	Шарманка	М. Далькевичъ.
112	Трубки и кисеть	І. Маньковскій.
112/113	Ноздревъ утромъ за чайнымъ столомъ (<i>геліография</i>)	М. Далькевичъ.
114	Ноздревъ уговариваетъ Оетюка остаться	М. Далькевичъ.
115	Порфирій со свѣчами	М. Далькевичъ.

Стран.	НА ИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
117	Жеребець	Н. Пироговъ.
118	Собаки	Н. Пироговъ.
121	Чичиковъ встрѣчается утромъ съ Ноздревымъ. . . .	М. Далькевичъ.
122	Ноздревъ въ халатѣ	М. Далькевичъ.
123	Чичиковъ и Ноздревъ за шанками	М. Далькевичъ.
125	Чичиковъ удерживаетъ Ноздрева за руки	М. Далькевичъ.
126	Ноздревъ бросается съ чубукомъ на Чичикова	М. Далькевичъ.
128	Появленіе капитана-исправника.	М. Далькевичъ.
130	Бѣгство Чичикова	М. Далькевичъ.

Глава V.

133	Чичиковъ на пути отъ Ноздрева	Н. Пироговъ.
133	Буква Г	И. Самокишъ.
135	Двѣ дамы	Е. Самокишъ-Судковская
136/137	Встрѣча двухъ колясокъ (<i>геліогравюра</i>)	Н. Пироговъ.
138	Домъ Собакевича.	Н. Бажинъ.
140	Собакевичъ приглашаетъ Чичикова садиться	М. Далькевичъ.
141	Собакевичъ представляетъ Чичикова женѣ	М. Далькевичъ.
143	За обѣдомъ у Собакевича.	М. Далькевичъ.
144	Поваръ французской школы	М. Далькевичъ.
144/145	Собакевичъ (<i>геліогравюра</i>)	М. Далькевичъ.
145	Блюда съ кушаньями на столѣ у Собакевича.	В. Быстренинъ.
147	Чичиковъ и Собакевичъ приступаютъ къ разговору о дѣлѣ. М. Далькевичъ.	
149	Чичиковъ возмущается цѣной Собакевича	М. Далькевичъ.
152	Чичиковъ прекращаетъ дѣловой разговоръ	М. Далькевичъ.
153	Чичиковъ подпрыгиваетъ отъ боли.	М. Далькевичъ.
155	Преппирательства съ Собакевичемъ изъ-за росписки по заключеніи сдѣлки	М. Далькевичъ.
157	Бумажникъ Чичикова.	М. Далькевичъ.
158	Собакевичъ разсматриваетъ на свѣтѣ бумажку.	М. Далькевичъ.
160	Разспросы мужика о дорогѣ къ Плюшкину.	Н. Пироговъ.

Глава VI.

163	Деревня на берегу рѣки	Н. Бажинъ.
163	Буква П	И. Самокишъ.
164	Деревенская церковь съ колокольней.	Н. Бажинъ.
165	Улица въ деревнѣ Плюшкина	Н. Бажинъ.
167	Домъ Плюшкина.	Н. Бажинъ.

Стран.	НА ИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
168	Сараи во дворѣ Плюшкина	Н. Бажинъ.
168	Замѣкъ на воротахъ Плюшкина.	М. Далькевичъ.
169	Встрѣча Чичикова и Плюшкина во дворѣ	М. Далькевичъ.
171	Садъ Плюшкина.	М. Бажинъ.
173	Комната въ домѣ Плюшкина.	М. Далькевичъ.
174	Плюшкинъ называетъ себя Чичикову.	М. Далькевичъ.
175	Плюшкинъ.	М. Далькевичъ.
176	Плюшкинъ, подбирающій забытое ведро	М. Далькевичъ.
177	Губернёръ въ домѣ Плюшкина.	М. Далькевичъ.
178	Семья Плюшкина за обѣдомъ	Е. Самокишъ-Судковская
179	Шипъ	М. Далькевичъ.
181	Плюшкинъ приглашаетъ Чичикова садиться	М. Далькевичъ.
183	Капитанъ цѣлуетъ руку Плюшкина	М. Далькевичъ.
184	Прошка, дворовый мальчикъ Плюшкина.	А. Афанасьевъ.
186	Плюшкинъ предлагаетъ угостить Чичикова ликеромъ.	М. Далькевичъ.
188	Плюшкинъ со спискомъ крестьянъ.	М. Далькевичъ.
189	Плюшкинъ собирается писать письмо.	М. Далькевичъ.
189	Мавра, дворовая Плюшкина.	А. Афанасьевъ.
192	Часы, назначенные Плюшкинымъ въ подарокъ Чичикову.	М. Далькевичъ.
192/193	Плюшкинъ съ деньгами (<i>геліография</i>)	М. Далькевичъ.
193	Сумерки въ городѣ	Н. Бажинъ.
194	Чичиковъ спитъ	М. Далькевичъ.

Глава VII.

197	Родной уголокъ	Н. Бажинъ.
197	Буква С.	И. Самокишъ.
199	Чичиковъ проснулся и щелкнулъ пальцами.	М. Далькевичъ.
200	Чичиковъ потираетъ руки передъ шкапулкой	М. Далькевичъ.
201	Пробка Степанъ, плотникъ.	А. Афанасьевъ.
202	«Души», купленные Чичиковымъ	Н. Бажинъ.
203	Мужикъ надъ прорубью	А. Афанасьевъ.
205	Пристань на Волгѣ.	Н. Бажинъ.
206	Встрѣча Чичикова съ Маниловымъ въ городѣ.	В. Андреевъ.
207	Присутственные мѣста.	Н. Бажинъ.
210	Чичиковъ и Маниловъ у стола Ивана Антоновича	В. Андреевъ.
211	Чиновникъ съ продранными локтями	В. Быстренинъ.
212	Чичиковъ и Маниловъ у предсѣдателя	В. Андреевъ.
213	Собакевичъ у предсѣдателя	М. Далькевичъ.
217	Закуски у полицмейстера.	В. Быстренинъ.

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
219	Гости полицмейстера идутъ къ закускѣ	В. Андреевъ.
220	Собакевичъ за осетромъ	М. Далькевичъ.
221	Чичикову кричатъ «ура»	В. Андреевъ.
222	Прокурорскій гучеръ везетъ Чичикова	Н. Пироговъ.
225	Селифанъ и Петрушка пьяные уснули	М. Далькевичъ.
226	Сапоги поручика изъ Рязани.	М. Далькевичъ.

Глава VIII.

229	Мужикъ рубить избѣ	А. Афанасьевъ.
229	Буква П.	И. Самокишъ.
231	Чичиковъ даетъ зуботычину мужику	А. Афанасьевъ.
231	Фуражка съ кокардой	М. Далькевичъ.
233	Прищурившійся почтмейстеръ	М. Далькевичъ.
234	Провинціальная дама ѣдетъ съ визитами	Е. Самокишъ-Судковская.
236	Чичиковъ находитъ у себя любовное письмо	М. Далькевичъ.
237	Чичиковъ передъ зеркаломъ придаетъ разныя выраженія своему лицу	М. Далькевичъ.
239	Чичикова встрѣчаютъ на балу у губернатора	Е. Самокишъ-Судковская.
240	Дама на балу.	Е. Самокишъ-Судковская.
242	Галопадъ	Е. Самокишъ-Судковская.
243	Чичиковъ среди дамъ	Е. Самокишъ-Судковская.
244	Губернаторша знакомитъ Чичикова съ дочерью	Е. Самокишъ-Судковская.
246	Чичиковъ послѣ ухода дамъ задумался	М. Далькевичъ.
247	Вальсъ. Дама въ плисовыхъ сапогахъ	Е. Самокишъ-Судковская.
248	Мазурка. «Па» штабсъ-капитана	Е. Самокишъ-Судковская.
249	«Блондинка» въ мечтахъ Чичикова	Е. Самокишъ-Судковская.
250	Чичиковъ и «блондинка»	Е. Самокишъ-Судковская.
252	Охмелѣвшій Ноздревъ съ прокуроромъ	М. Далькевичъ.
255	Котильонъ	Е. Самокишъ-Судковская.
256/257	Чиновники за работой (<i>геліографюра</i>)	В. Быстренинъ.
257	Полковникъ подаетъ дамѣ тарелку на концѣ шпаги.	Е. Самокишъ-Судковская.
258	Чичиковъ дома послѣ бала	М. Далькевичъ.
260	Пріѣздъ Коробочки въ городъ	Н. Пироговъ.
262	Будочникъ	А. Афанасьевъ.

Глава IX.

265	Буква П.	И. Самокишъ.
266	Пріятная дама ѣдетъ съ визитомъ.	С. Соломко.

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
267	Домъ дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ	Н. Бажинъ.
269	Разговоръ двухъ дамъ	С. Соломко.
272	Пріятная дама	С. Соломко.
274	Вооруженный Чичиковъ (по разсказу пріятной дамы)	С. Соломко.
276	Пріятная дама во время спора	С. Соломко.
277	Губернаторская дочка, «блѣдная, какъ смерть»	С. Соломко.
277	Она же, «съ румянцемъ въ палець толщиной»	С. Соломко.
280	Дамы и прокуроръ	С. Соломко.
282	Чичиковъ на свиданіи съ губернаторской дочкой	С. Соломко.
284	Губернаторша дѣлаетъ выговоръ дочери	Е. Самокишъ-Судковская
287	Крестьяне выгоняють «земскую полицію» нагишемъ изъ избы	А. Афанасьевъ.
290	Коробочка и чиновникъ	А. Афанасьевъ.

Глава X.

293	Буква С.	И. Самокишъ.
295	Почтмейстеръ начинаетъ разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ	М. Далькевичъ.
296	Капитанъ Копѣйкинъ	В. Быстренинъ.
297	Видъ Петербурга. Петропавловскій шпигъ	Н. Бажинъ.
299	Дворцы на набережной Невы	Н. Бажинъ.
301	Капитанъ Копѣйкинъ на Невскомъ проспектѣ	В. Быстренинъ.
304	Профиль Наполеона	М. Далькевичъ.
305	Пророкъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ	М. Далькевичъ.
307	Ноздревъ подбираетъ карты	М. Далькевичъ.
309	Ноздревъ у полицмейстера	М. Далькевичъ.
311	Чичиковъ съ флюсомъ	М. Далькевичъ.
312	Губернаторскій швейцаръ не принимаетъ Чичикова	Ө. Козачинскій.
314	Ноздревъ у Чичикова	М. Далькевичъ.
316	Чичиковъ и Петрушка собираются въ дорогу	М. Далькевичъ.
318	Селифанъ на лѣстницѣ гостиницы	М. Далькевичъ.

Глава XI.

321	Буква Н.	И. Самокишъ.
322	Чичиковъ ругаетъ Селифана	М. Далькевичъ.
324	Чичиковъ въ номерѣ въ ожиданіи отѣзда	М. Далькевичъ.
326	Встрѣча съ похоронами прокурора	Н. Пироговъ.
327	Столбовая дорога	Н. Бажинъ.
328	Картина грандіозной природы	Н. Бажинъ.
330	Дорога съ верстовымъ столбомъ	Н. Бажинъ.

331	Городъ при лунномъ свѣтѣ	Н. Бажинъ.
332/333	Дѣтство Чичикова (<i>геліография</i>)	В. Быстренинъ.
333	Сорока и Горбунокъ.	Н. Пироговъ.
334	Чичикова привозятъ въ городъ учиться	Н. Пироговъ.
335	Павлуша лѣпитъ свѣгиря изъ воску	В. Быстренинъ.
336	Павлуша учить мышъ	В. Быстренинъ.
337	Ученики въ школѣ	В. Быстренинъ.
338	Павлуша подаетъ учителю треухъ	В. Быстренинъ.
339	Школьники навѣщаютъ стараго учителя.	В. Быстренинъ.
341	Чичиковъ спитъ на канцелярскомъ столѣ	В. Быстренинъ.
342	Старый повѣтчикъ	В. Быстренинъ.
343	Чичиковъ отказывается отъ взятки	В. Быстренинъ.
345	Чичиковъ на собственной парѣ.	Н. Пироговъ.
348	Чичиковъ со сверткомъ сукна	В. Быстренинъ.
349	Чичиковъ на таможенѣ.	В. Быстренинъ.
350	Стадо барановъ при переходѣ границы	Н. Бажинъ.
351	Чиновникъ, товарищъ Чичикова по таможенной службѣ.	В. Быстренинъ.
353	Чичиковъ—частный повѣренный.	В. Быстренинъ.
355	Пригородная улица съ заборами и заводами	Н. Бажинъ.
358	Мокій Киѳовичъ.	В. Быстренинъ.
359	Киѳа Мокіевичъ.	В. Быстренинъ.
359	Слонъ, вылупливающийся изъ яйца.	М. Далькевичъ.
362	Русская тройка	Н. Пироговъ.

Приложенія. Глава ...

365	Буква С.	И. Самокишъ.
366	Прокуроръ у Собакевича	М. Далькевичъ.
368	Предсѣдатель въ переулкѣ на пути къ протопопу.	Н. Пироговъ.
371	Чиновники разговариваютъ съ дрожекъ, съѣхавшихъ послѣ розысковъ	Н. Пироговъ.
376	Бутылка шампанскаго съ бокалами.	М. Далькевичъ.

Часть II. Глава I.

381	Горы.	Н. Бажинъ.
381	Буква З.	И. Самокишъ.
382	Рѣчка и луга.	Н. Бажинъ.
383	Деревня Тѣнтѣтникова.	Н. Хохряковъ.
384	Домъ Тѣнтѣтникова.	Н. Бажинъ.
386	Тѣнтѣтниковъ умывается	М. Далькевичъ.

Стран.	НАИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилія художника.
387	Буфетчикъ Григорій ругается съ домоводкой Перфильевной	М. Далькевичъ.
387	Плачущій дворовый ребятишка	М. Далькевичъ.
388	Тѣнтѣтниковъ съ книгой за обѣдомъ	М. Далькевичъ.
388/389	Тѣнтѣтниковъ въ кабинетѣ за ученымъ сочиненіемъ (<i>ге- ліограмюра</i>)	М. Далькевичъ.
389	Александръ Петровичъ, учитель Тѣнтѣтникова.	М. Далькевичъ.
391	Федоръ Ивановичъ, новый учитель.	М. Далькевичъ.
393	Кутежъ школьной молодежи	І. Маньковскій.
395	Вьюга на улицѣ въ Петербургѣ.	Н. Бажинъ.
397	Ссора Тѣнтѣтникова съ начальникомъ.	М. Далькевичъ.
398	Дорога оврагомъ въ усадьбу Тѣнтѣтникова	Н. Бажинъ.
399	Аллея у вѣзда въ деревню	Н. Бажинъ.
402	Луга во время сѣнокоса	Н. Бажинъ.
404	Улинька.	С. Соломко.
406	Безпорядокъ въ комнатахъ Тѣнтѣтникова	М. Далькевичъ.
407	Тѣнтѣтниковъ чертитъ профиль Улиньки.	М. Далькевичъ.
409	Чичиковъ у Тѣнтѣтникова.	М. Далькевичъ.
412	Чичиковъ и Тѣнтѣтниковъ за шахматами	М. Далькевичъ.
413	Одуванчики.	Н. Бажинъ.
414	Будущая жена въ мечтахъ Чичикова.	Е. Самокишъ-Судковская.
414	Лысый Пименъ, кабатчикъ	А. Афанасьевъ.
415	Весна въ лѣсу.	Н. Бажинъ.
417	Хороводъ въ деревнѣ	А. Афанасьевъ.
418	Конюшня Тѣнтѣтникова	Н. Пироговъ.
420	Чичиковъ уговариваетъ Тѣнтѣтникова.	М. Далькевичъ.
421	Чичиковъ и Тѣнтѣтниковъ удивляются другъ другу	М. Далькевичъ.
424	Тѣнтѣтниковъ слѣдитъ за уѣзжающимъ Чичиковымъ.	М. Далькевичъ.

Глава II.

427	Буква Д.	Н. Самокишъ.
428	Домъ Бетрищева.	Н. Бажинъ.
429	Бетрищевъ.	М. Далькевичъ.
430	Чичиковъ представляется Бетрищеву.	М. Далькевичъ.
432	Появленіе Улиньки	С. Соломко.
434	Улинька въ гнѣвѣ	С. Соломко.
436	Бетрищевъ хохочетъ.	М. Далькевичъ.
437	Чичиковъ вторитъ Бетрищеву	М. Далькевичъ.
438	Бетрищевъ умывается	М. Далькевичъ.
439	Новый приступъ хохота у Бетрищева.	М. Далькевичъ.

Глава III.

445	Дорога въ степи	Н. Бажинъ.
445	Буква Е	И. Самокишъ.
446	Дорога среди луговъ	Н. Бажинъ.
447	Деревня надъ озеромъ	Н. Бажинъ.
448	Чичиковъ раскланивается съ Пѣтухомъ	В. Быстренинъ.
449	Пѣтухъ на бѣговыхъ дрожкахъ	В. Быстренинъ.
450	Чичиковъ цѣлуется съ Пѣтухомъ	В. Быстренинъ.
451	Дѣти Пѣтуха	В. Быстренинъ.
452	Платоновъ	М. Далькевичъ.
455	Пѣтухъ и его гости спятъ на балконѣ послѣ обѣда	В. Быстренинъ.
459	На озерѣ. Катанье въ лодкѣ	Н. Бажинъ.
459	Сумерки на берегу озера. Костры рыбаковъ	Н. Бажинъ.
460	Пѣтухъ заказываетъ обѣдъ	В. Быстренинъ.
462	Лѣсъ Костанджогло	Н. Бажинъ.
464	Жена Костанджогло на крыльцѣ	М. Далькевичъ.
465	Костанджогло разговариваетъ съ мужикомъ о дѣлѣ	М. Далькевичъ.
467	Костанджогло	М. Далькевичъ.
468	Деревня Кошкарева	Н. Бажинъ.
470	Чичиковъ и Кошкаревъ	М. Далькевичъ.
471	Секретарь Кошкарева	В. Быстренинъ.
471	Коммисіонеръ	С. Соломко.
472	Контора подачи рапортовъ	Н. Бажинъ.
473	Чичиковъ въ библіотекѣ Кошкарева	М. Далькевичъ.
475	Кошкаревъ читаетъ Чичикову отвѣтъ	М. Далькевичъ.
477	Фабрики Костанджогло	Н. Бажинъ.
480	Чичиковъ подаетъ руку женѣ Костанджогло	М. Далькевичъ.
480	Чичиковъ за ужиномъ	М. Далькевичъ.
483	Сѣятель	Н. Бажинъ.
484	Бесѣда вечеромъ у Костанджогло	М. Далькевичъ.
485	Уютная комната	Н. Бажинъ.
486	Платоновъ съ трубкой	М. Далькевичъ.
488	Чичиковъ замечтался	М. Далькевичъ.
490	Чичиковъ сладко спитъ	М. Далькевичъ.

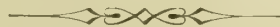
Глава IV.

493	Буква Н	Н. Самокишъ.
494	Хлобуевъ	І. Маньковскій.

Стран.	НА ИМЕНОВАНИЕ РИСУНКА.	Фамилия художника.
495	Деревня Хлобуева	Н. Бажинъ.
497	Видъ въ имѣнїи Хлобуева	Н. Бажинъ.
500	Жена Хлобуева	І. Маньковскій.
501	Баба бьетъ дѣвочку.	І. Маньковскій.
502	Чичиковъ и Хлобуевъ кончаютъ сдѣлку	І. Маньковскій.
503	Бутылка шампанскаго	М. Далькевичъ.
504/505	Молебень въ домѣ Хлобуева (<i>геліогравюра</i>).	І. Маньковскій.
507	Чичиковъ и братъ Платонова знакомятся	М. Далькевичъ.
509	Садъ и домъ Платоновыхъ	Н. Бажинъ.
510	За столомъ въ саду у Платоновыхъ	М. Далькевичъ.
513	Чичиковъ въ семьѣ Лѣницына	Ө. Козачинскій.
515	Чичиковъ и Лѣницынъ.	Ө. Козачинскій.

Глава .

519	Опустошенные сундуки.	М. Далькевичъ.
519	Буква В.	Н. Самокишъ.
521	Чичиковъ въ лавкѣ.	М. Далькевичъ.
523	Муразовъ бесѣдуетъ съ Хлобуевымъ	І. Маньковскій.
527	Кибитка Хлобуева въ пути	Н. Пироговъ.
530	Чичиковъ любитъ свою фигуру	М. Далькевичъ.
531	Чичиковъ совершаетъ «антраша»	М. Далькевичъ.
532	Чичиковъ у генераль-губернатора	І. Маньковскій.
534	Чичиковъ въ ногахъ у генераль-губернатора	І. Маньковскій.
536	Чичиковъ въ тюрьмѣ	М. Далькевичъ.
536/537	Чичиковъ благодаритъ Муразова (<i>геліогравюра</i>)	М. Далькевичъ.
538	Чичиковъ рветъ на себѣ волосы	М. Далькевичъ.
539	Чичиковъ въ ногахъ у Муразова	М. Далькевичъ.
541	Муразовъ уговариваетъ Чичикова	М. Далькевичъ.
543	Чичиковъ и Муразовъ обнимаются.	М. Далькевичъ.
544	Самосвистовъ	І. Маньковскій.
545	Солдатъ тащитъ узелъ Чичикова	М. Далькевичъ.
547	Муразовъ у генераль-губернатора	І. Маньковскій.
549	Чиновникъ.	М. Далькевичъ.
551	Чичиковъ въ тюрьмѣ за обѣдомъ	М. Далькевичъ.
553	Селифанъ и Петрушка встрѣчаютъ Чичикова	М. Далькевичъ.
554	Кибитка Муразова въ дорогѣ	Н. Пироговъ.
557	Генераль-губернаторъ держитъ рѣчь къ чиновникамъ	Ө. Козачинскій.
559	Удаляющаяся тройка Чичикова.	Н. Пироговъ.

Для этого изданія были заказаны:

ГЕЛЮГРАВЮРЫ — у РИХАРДА ПАУЛУССЕНА въ Вѣнѣ.

АВТОТИПИИ — у АВГУСТА ШУЛЕРА въ Штутгартѣ.

БУМАГА — у Товарищества Красносельской писчебумажной
фабрики К. П. ПЕЧАТКИНА.

ШРИФТЪ — въ Акціонерномъ Обществѣ Словолитни
О. И. ЛЕМАНЪ въ С.-Петербургѣ.

КРАСКА ЧЕРНАЯ — на фабрикѣ Братьевъ ШМИДТЪ
въ Бокенгеймѣ.

ТЕКСТЪ, РИСУНКИ и ПЕРЕПЛЕТЪ — отпечатаны
и исполнены въ артистическомъ заведеніи
А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

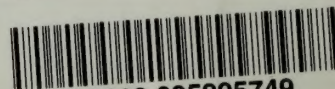
KSIEGARNIA

ANTYKWARIAT

D. N° 281426

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
Q. 891.73 G550M1900 C001
Pokhozheniia; Chichikova III Mertvyla;

3 0112 095995749